

Борис Асоян

«ДИКИЕ ГУСИ»

**УБИВАЮТ
НА РАССВЕТЕ**

Борис Асоян

«ДИКИЕ ГУСИ»

УБИВАЮТ НА РАССВЕТЕ

**Тайная война
против Африки**

Москва
Издательство
политической
литературы
1984

Асоян Б. Р.

А90 «Дикие гуси» убивают на рассвете: Тайная война против Африки.— М.: Политиздат, 1984.— 175 с., ил.

Книга ученого и журналиста Б. Асояна посвящена актуальной теме — разоблачению политики международного терроризма, которую проводят империализм и расизм в Африке. Автор рассказывает о тайной войне западных и южноафриканской спецслужб против африканских народов, о зловещей роли наемников («солдат удачи», или «диких гусей»), о нелегкой борьбе народов Африки за свободу и независимость.

Книга рассчитана на массового читателя.

А $\frac{0804000000-260}{079(02)-84}$ КБ—11—5—83

66.4(08)
327.21

ПРЕДИСЛОВИЕ

Взглянем на политическую карту Африки. Сегодня в семье народов независимых стран насчитывается 50 государств. Но какой ценой далась свобода африканцам, сколько принесено жертв, чтобы эту свободу защитить от происков неокolonизаторов! Практически сегодня в Африке нет такого уголка, где империализм не плел бы сети заговоров и политических интриг, направленных на подрыв национальной независимости, на удержание этих стран под «железной пятой» неокolonиалистской эксплуатации, на дестабилизацию политической обстановки в них путем разжигания междоусобных распрей, сепаратистских настроений и тому подобное.

Интенсивность подрывной деятельности Запада, и прежде всего Вашингтона, нарастает с каждым месяцем. Меняются методы провокаций, исполнители «грязной» работы, но суть и цели ее на африканском континенте остаются прежними.

На первый взгляд большинство конфликтов, происходящих в Африке, не связаны между собой. Что, например, общего между усилением агрессивных действий ЮАР против Анголы и попытками свергнуть правительство Дж. Ролингса в Гане? Или действиями контрреволюционного подполья в Мозамбике и наращиванием американского военного присутствия в Африке? Есть ли связь между кровавыми диктаторскими режимами и высадкой наемников на Сейшельских островах?

При тщательном анализе событий оказывается — и автор книги иллюстрирует это примерами, — такая глубинная связь существует, хотя ее и пытаются тщательно скрыть. Сегодня мало уже кто сомневается, что практически все острые конфликтные ситуации в Африке вызваны тайными или явными действиями США, их союзников по НАТО, ЮАР, Израиля. Эти государства пытаются любыми средствами дестабилизировать обстановку в прогрессивных странах Африки, расшатать африканское един-

ство, положить конец антиимпериалистической ориентации ОАЕ, раздробить Африку на противоборствующие группировки, которым можно было бы легко диктовать свою волю, все активнее вмешиваться во внутренние дела африканских народов. События в Чаде — новое подтверждение этому.

В этих условиях важно аргументированно, с привлечением большого количества фактов показать, кто в действительности осуществляет и вдохновляет политику международного терроризма, которая в 80-е годы проводится империалистическими государствами особенно нагло и неприкрыто.

Автор книги использовал большое количество фактов, разоблачающих действия расистов на юге Африки, действия, которые нельзя квалифицировать иначе как открытый терроризм, возведенный в ранг государственной политики. Ему удастся вскрыть и проследить связь террористических действий расистов с политикой западного, и прежде всего американского, империализма — связь органическую, нерасторжимую, разоблачающую империализм как истинного вдохновителя и организатора политики террора.

Конечно, тему книги вряд ли можно исчерпать: империализм и его союзники в Претории ни на день не прекращают своей подрывной деятельности против свободной Африки. Трудно здесь и угнаться за событиями, хотя книга и писалась, что называется, «по горячим следам».

Провокации империализма не прекращаются. США и ЮАР по-прежнему продолжают оказывать поддержку раскольнической группировке УНИТА в Анголе, контрреволюционерам из МНС в Мозамбике. Правительство США все так же смотрит сквозь пальцы (а фактически поощряет) на вербовку своих граждан в качестве наемников в Африку.

Однако поле деятельности подрывных служб империализма отнюдь не ограничивается Африкой. Сегодня политика международного терроризма, принятая на вооружение империализмом, приобрела поистине глобальные масштабы. Совершенно очевидно, что эскалация действий ЮАР против суверенной Анголы имеет прямую связь с возросшей агрессивностью международного, в первую очередь американского, империализма, с беззакониями, чинимыми им в отношении народов Гренады и других стран. Те же зловещие силы, которые сотрудничают с расистами и кровавыми диктатурами в Африке, направляют действия

контрреволюционных сил в Никарагуа, участвуют в карательных операциях против сальвадорских патриотов. Они — соучастники чудовищных преступлений израильской военщины на Ближнем Востоке. Доказана их причастность к сепаратистским мятежам на западе и на северо-востоке Индии. А разве не они являются подлинными вдохновителями «необъявленной войны» против Афганистана, разве не они поддерживают кампучийскую реакцию?

Но продолжается и растет сопротивление освободившихся народов этой преступной, террористической политике империалистов США и их союзников. И в этой борьбе, можно не сомневаться, успех будет на стороне сил свободы и прогресса.

В. Сиденко

УБИЙЦЫ ПОЛУЧАЮТ НАЛИЧНЫМИ

Посмотрев американский фильм о наемниках или прочитав книгу на ту же тему, обыватель на Западе думает, что эти «честные и решительные парни» рискуют жизнью не ради наживы, а ради восстановления справедливости и за свое благородное дело получают вознаграждение, конечно же несоизмеренное опасности, которой подвергаются.

Так, например, изображает своих героев английский писатель Фредерик Форсит, автор бестселлера «Собаки войны» и сценария фильма с таким же названием.

В этом произведении, насквозь пропитанном духом превосходства белого человека, ненавистью и презрением к африканцам, Форсит изобразил вымышленную страну в Африке. В ней правит кровавый диктатор, тиран. Тюрьмы переполнены, народ голодает, экономика разрушена. Тиран конечно же «красный», которого «привели к власти коммунисты»... Неожиданно в стране открывают огромное месторождение стратегического сырья. Некая крупная компания на Западе желает захватить его в свои руки. Для этого нужно немного -- свергнуть правительство. «Президент» уже найден — марионеток хватает. Но кто свергнет правящий режим? Кто же еще, как не наемники!

В книге со знанием дела (Форсит в свое время сам был наемником) описывается процесс подготовки наемников, закупки оружия, переброски их в Африку, даже операция по взятию столицы. На страницах книги и на экране — благородные, справедливые и человеколюбивые белые, бескорыстные освободители несчастного туземного народа.

Так об этом пишут на Западе. Именно в таком духе

подают грязные преступления террористов буржуазная пресса, радио, кино, телевидение.

Но в действительности происходит все совсем не так.

...32-летний Энтони Хашер, с 1978 года служивший в родезийской армии в чине майора, решительно запротестовал, когда я назвал его наемником.

— Какой же я наемник? — рассердился он. — Просто я служил офицером в этой армии, и все. Получал я столько же, сколько и родезийцы, вкалывал не меньше других, жил в таких же условиях. Нет, наемником меня не пазовешь.

Это был высокий, атлетически сложенный блондин с жесткими чертами лица. Казалось, он сошел с плаката, призывавшего когда-то вступать в родезийскую армию и сражаться с «террористами» — так расисты называли партизан.

Разговор происходил в апреле 1981 года — ровно через год после провозглашения независимости Зимбабве. Мы сидели в баре на крыше фешенебельного отеля «Миклз», откуда открывалась панорама зимбабвийской столицы Хараре, которая тогда еще называлась по-старому — Солсбери.

Хашер пил пиво, закусывая солеными орешками, и рассказывал, как ему нравится эта страна.

— Такого места больше нигде не найти, — вздыхал он. — Но вот приходится уезжать.

— Почему же «приходится»?

Хашер снисходительно посмотрел на меня.

— Станный вопрос. К власти пришли те, против кого я воевал. По-вашему, я должен ждать, когда меня отсюда выбросят? Нет уж, слуга покорный. Уж лучше вовремя смыться.

— Но если вы уезжаете в ЮАР, где, видимо, завербуетесь в южноафриканскую армию, значит, все-таки вы наемник, — не отставал я.

— Ну, это как посмотреть, — неопределенно заметил Хашер, отпил пива, улыбнулся и сказал: — А ведь, в сущности-то, какая разница, кому служить, а? Ну что мне делать в моей родной Англии? Искать работу? Да там безработных почти три миллиона. А в ЮАР человек с моим опытом легко найдет занятие. Воевать я люблю — мне нравится командовать, устраивать засады, обводить противника вокруг пальца. На поле боя все ясно: там — враг, а здесь — свои. И думать надо только над тем, как этого врага уничтожить, а самому остаться в живых. В этом мое

призвание. Так что называйте меня как угодно — наемником, «солдатом удачи», «собакой войны» или «диким гусем» — мне все равно...

— Энтони, сколько африканцев вы убили? — довольно бестактно спросил я.

— Вообще-то на такие вопросы я не отвечаю, — нахмурился он. — Дело не в том, убивал я или нет. Ну убивал. Так ведь это же война! Дело в том, что я сражался за белую Родезию, за ее независимость против террористов. Я и сейчас уверен, что был прав. Это политики повернули все с ног на голову, но меня с толку не собьешь.

— Но ведь вы не гражданин Родезии?

— Ну и что? Мне же платили именно в Родезии.

— Скажите, Энтони, а за что вы будете воевать в ЮАР?

— Да за то же самое. Если будет возможность, попрошусь в Намибию. Не люблю спокойной жизни. Буду воевать против тех же черных террористов...

Таких, как Хашер, в родезийской армии было около 2,5 тысячи — американцев, англичан, чилийцев, французов. Несмотря на различия в национальности, вероисповедании, образовании, происхождении, возрасте и взглядах на жизнь, для всех них характерно одно: они убивают за деньги. Кого прикажут и где угодно. Наемники живут под вымышленными именами и готовы отправиться в любой район мира, где пахнет жареным и хорошим кушем. Они высаживаются с вертолетов в африканских джунглях и расстреливают крестьян, поднявшихся на борьбу с кровавым диктатором, служат «телохранителями» у «народных избранников», которые боятся своего собственного народа, проникают в чужую страну под видом туристов или бизнесменов, чтобы свергнуть неугодный их хозяевам режим и поставить у власти марионеточное правительство.

Некоторые, подобно Хашеру, морщились, когда их называли наемниками. Большинство же носило эту позорную кличку с вызывающей гордостью. «Да, меня наняли! — угрожающе шел на меня подвыпивший южноафриканец — один из тех, кто оставался еще в Зимбабве в первые недели после провозглашения независимости. — Наняли, чтобы убивать красных и черных! Понятно?! Да, мне за это хорошо платят. И правильно делают: чем больше будут платить, тем больше красных я убью!»

Американец Фрэнк Свиной прослужил три года в 3-й роте «коммандос» 1-го батальона «Родезийской легкой пехоты», его личный номер 727181. Он обожал Яна Смита, ненавидел «всех черных» и считал, что белое господство нужно защищать всеми силами.

— Если бы я смог сделать что-нибудь для сохранения западной цивилизации в этом районе, я бы сделал это, — открыто заявлял он.

Он был не единственным наемником из США в своем батальоне. Свиной лично знал еще 18 солдат и унтер-офицеров, граждан США.

— Мне нравилось служить в Родезии. Мы убивали каффи¹ров где только могли. Несколько раз мы переходили границу Мозамбика, чтобы помочь португальским войскам или нанести удар по базам террористов. Ох с каким удовольствием я всаживал пули в эти черные тела! Пленных мы увозили на базу, где их потрошили наши эксперты. Но иногда нам давали приказ: пленных не брать, и тогда мы расстреливали их прямо в буше.

Зарплата у меня была довольно приличная — около 900 американских долларов в месяц. Никаких налогов я не платил. Большую часть переводил домой, расходов в Родезии было немного. Местные белые к нам, иностранцам, относились неплохо: даже оплачивали обратный проезд, когда заканчивался контракт.

После возвращения Свиной открыто занялся вербовкой американцев для родезийской армии, помещая объявления в журналах «Шотган ньюз» и «Ган уикли».

15 октября 1975 года он поместил следующее объявление в журнале «Шотган ньюз», издающемся в штате Небраска: «Родезийская армия предлагает жизнь, полную волнений и приключений. Я знаю это, я был там. Молодые американцы европейского происхождения могут обратиться ко мне за дополнительными сведениями о подробностях, касающихся вербовки в родезийскую армию. Мой адрес: Фрэнк Аббот Свиной, 72 Крестон Авеню, Тенафлай, Нью-Джерси, 07670».

Свиной получил сотни писем от желающих стать наемниками. Писали бывшие морские пехотинцы, «ветераны» Вьетнама, безработные. Журнал печатал отрывки из

---

¹ «Каффи» — презрительная кличка африканцев в Родезии, ЮАР и Намибии. — *Прим. авт.*

писем, авторы которых уверяли, как хорошо быть наемником, как приятно убивать из-за денег и что вообще лучше такой жизни не придумаешь.

Сам Свиной сообщил журналистам:

— Майор Николас Лампрехт, который занимается в Солсбери вербовкой наемников, очень просил меня прислать как можно больше американцев. Они знают, как хорошо мы умеем воевать!

В «Шотган ньюз», где Свиной публиковал свои призывы к «легкой военной жизни в Африке», появлялись и такие объявления: «Бывшая колония в Африке, в которой говорят на английском языке, предлагает контракт здоровым мужчинам, имеющим опыт военной службы... Дополнительная информация будет направлена по получении 5 долларов». И адрес: Анупис лимитед, почтовое отделение 451, Хайлендз, Техас 77562.

Таинственная компания «Анупис», телефон которой, кстати, отсутствовал в телефонном справочнике, вербовала наемников для армии Яна Смита. Расистское правительство Родезии выплачивало ей солидные суммы за каждого завербованного американца.

Некий Фрэнк Рензи из Лонг-Бич (Калифорния) действовал совсем открыто. За 5 долларов он предоставлял информацию о вербовке наемников для Омана. А за три — высылал пакет информации о Родезии, в том числе адрес уже упомянутого майора Лампрехта из штаб-квартиры родезийской армии в Солсбери. Вместе с тем Рензи утверждал, когда его спрашивали, что он не вербует наемников для Родезии и не представляет какие-либо вербовочные организации Родезии.

Вернувшись из Родезии в 1974 году, майор американской армии Роберт К. Браун занялся продажей «сувениров» родезийского министерства обороны с напечатанным приглашением вступить в расистскую армию, но делал это настолько нагло, что полиция под давлением общественного мнения чуть было не арестовала его. Брауну вовремя помог адвокат, тонко знавший слабые стороны американского законодательства. Майор прекратил заниматься мелочами и на чьи-то деньги (ФБР никак «не могло» докопаться до истины!) основал фирму «Феникс ассошиэйтс», которая стала распространять объявления в различных журналах и газетах и рассылать пакеты с информацией о том, как вступить в ряды родезийской армии.

Но когда представители освободительных организаций Зимбабве выдвинули против него официальные обвинения,

чиновник госдепартамента Темпл Коул отрицал, что Браун занимается вербовкой.

— Он лишь предоставляет необходимую информацию,— заявил Коул в интервью «Нью-Йорк таймс».

В конце 1975 года Браун начал публикацию толстого ежемесячного журнала для наемников «Солджер оф форчун» («Солдат удачи»), с помощью которого развернул широкую кампанию по вербовке наемников в расистскую армию Родезии. И в это же время Пентагон присвоил ему звание подполковника!

В первом номере была опубликована статья о террористах «бешеного» Майкла Хора, которые в то время собирались отправиться в Анголу на помощь раскольнической группировке УНИТА. Безымянный автор, хорошо знакомый с жизнью наемников, как только мог восхвалял «деяния» Хора в Конго, где он и прославился за патологическую страсть к убийствам. Далее следовал критический комментарий об американской политике в отношении Родезии (журнал требовал более решительной поддержки Яна Смита) и опус самого Брауна о том, как стать наемником в Африке. Причем вновь был напечатан адрес майора Лампрехта. Журнал продавался во всех киосках, однако против Брауна никаких мер принято не было.

— То немногое, что известно о происхождении и действиях журнала «Солджер оф форчун», указывает на тесные его связи с правительством США и военными кругами,— писал Малик Ривз в журнале «Саузерн Африка» в ноябре 1978 года. В конце 1976 года «Солджер оф форчун» признал, что известный агент ЦРУ Джордж Бэйкон участвовал в его создании. Бэйкон погиб в Анголе, где он служил наемником. Он был близким другом Брауна и обсуждал с ним возможные пути использования журнала в целях поддержки контрреволюции за рубежом. Накануне выхода в свет первого номера журнала Бэйкон сказал Брауну, что «это будет отличной пропагандой» операций ЦРУ в Анголе и других странах.

Кстати, Бэйкон служил вместе с Брауном в авиадесантном батальоне сил специального назначения, которые по заданию ЦРУ проводили операции против патриотов Вьетнама.

В августовском номере за 1980 год Р. Браун с мельчайшими подробностями описал, как он и несколько его сотрудников участвовали в военных действиях в Родезии на стороне расистов всего за 48 часов до начала всеобщих выборов, принесших победу патриотическим силам.

Как писал журналист Уорд Черчилль, «прямое военное участие, не говоря уже о вербовке наемников, сотрудников журнала «Солджер оф форчун» и других граждан США совершенно очевидно. Американские наемники со всей наглостью демонстрируют, что могут совершенно не бояться преследований со стороны закона и совершать любые преступления на виду у всех».

Правительству Смита было разрешено открыть в Вашингтоне «Родезийское информационное агентство». Его сотрудники, не стесняясь, пытались вербовать практически всех посетителей. Американский журналист Дэвид Анэбл рассказывал, как его приятель однажды зашел в этот офис и поинтересовался насчет перспектив получения работы в Родезии. Ему тут же предложили поступить на военную службу и дали адрес того же майора Лампрехта!

В родезийской армии воевало немало «вьетнамских ветеранов», и об этом тоже знали власти США. Это были члены антикоммунистической организации «Ветераны и добровольцы для Вьетнама», которые после провала вьетнамской авантюры Вашингтона решили «бороться с коммунизмом» в Родезии (то есть с борцами за свободу). Они не только не скрывали своих намерений, но и по прибытии в Родезию давали интервью, всячески расписывая, как и зачем завербовались в родезийскую армию.

Доходило до курьезов. Американский наемник Гарольд Ковингтон, служивший в родезийской армии капралом, перещеголял родезийских расистов, основав в Булавайо профашистскую группировку «Партия белого народа Родезии». Ковингтон призывал к еврейским погромам и рассылал угрожающие письма членам еврейской общины в Булавайо. За это его арестовали и условно приговорили к 9-месячному тюремному заключению. А потом депортировали в США. Вернувшись в Северную Каролину, свой родной штат, Ковингтон не только не был наказан властями, но напротив — вскоре стал довольно заметной политической фигурой. Он вступил в республиканскую партию, а в 1980 году выставил свою кандидатуру на пост генерального прокурора штата. Результаты голосования были ошеломляющими: Ковингтону не хватило всего нескольких процентов голосов для победы. 56 тысяч членов республиканской партии отдали свои голоса бывшему наемнику и расисту, полностью одоблив, таким образом, его программу «деварваризации» Америки и борьбы за «белое господство».

Руководство партии поспешило назвать результаты голосования «ошибкой». Сам Ковингтон был несколько удивлен такими результатами, однако заметил, что «в республиканской партии хватает нацистов».

В мае 1976 года 29-летний автомеханик из Сан-Антонио Майк Гонзалес рассказал корреспонденту местной газеты «Лайт» о своем бюро по вербовке «санитаров» для Родезии.

— Мы не наемники,— сразу предупредил он журналиста.— И пусть не пытаются пришить нам какую-либо статью: мы не делаем ничего преступного. Наша полувоенная организация набирает группу людей для поездки в Родезию. Мы не берем с собой никакого оружия или боеприпасов, лишь медикаменты и продовольствие. Мы, конечно, будем сражаться, если на нас нападут, но только в целях самозащиты.

Вербовочное бюро Гонзалеса называлось достаточно определенно: «Американская помощь Родезии», принимались заявления только от людей с военной подготовкой. Однако власти делали вид, что не сомневаются в законности деятельности Гонзалеса. Да и сам Гонзалес был уверен, что ничего с ним не случится.

— Мы стараемся избегать излишнего паблисити,— сказал он корреспонденту «Лайт»,— мы не знаем, что может сделать правительство США в отношении нас. Интересно, кстати, что произойдет, когда мое интервью будет напечатано?

Ничего не произошло. Бюро продолжало действовать, а правительство даже не прокомментировало статью в сан-антониийской газете.

А планы у Гонзалеса были грандиозны.

— Мы хотим отправить в Родезию тысячу добровольцев. Для этого нам необходимо собрать около миллиона долларов. Думаем, что это удастся. Кроме того, южноафриканская авиакомпания обещала нам помощь в перевозке людей в Родезию.

Вербовочная работа шла полным ходом не только в Сан-Антонио, где Гонзалесу удалось набрать около 250 «добровольцев», но и в других городах — Эль-Пасо, Фениксе, Лос-Анджелесе и Хьюстоне.

Как и другие «спасители Родезии», Гонзалес был ярким антикоммунистом, хотя наверняка знал о коммунизме не больше других американских обывателей.

— Борьба в Родезии идет не между черными и белыми, а между демократией и коммунизмом,— втолковывал

он журналисту.— Если режим Смита проиграет, то это приведет к установлению власти марксистов и прекращению поставок в США родезийского хрома.

Майкл Пирс завербовался в родезийскую армию по объявлению в «Солджер оф форчун». По болезни он не был принят в армию США, однако в родезийскую его взяли — расисты брали и с дефектами. Пирс, как и Фрэнк Свиней, обнаружил, что он не единственный американец в Родезии — даже в его роте было несколько «искателей приключений» из-за океана. Пирс красочно описывал те операции, в которых он участвовал. Одной из них — бандитскому налету на лагерь зимбабвийских беженцев в Чимойо, на территории Мозамбика, журнал «Солджер оф форчун» отвел чуть ли не полномера в январском выпуске за 1982 год — почти через два года после провозглашения независимости Зимбабве и, кстати, через год после прихода к власти в США администрации Рейгана.

Вот наиболее характерные выдержки из записок американского наемника Пирса.

«...Мы двинулись к Инкомо, где к нам должны были присоединиться «селу скаутс»¹. Бородатые психи из этого известного батальона проведут первые атаки и подготовят почву для главной операции... Этим вечером мы напились со скаутами. Я встретил еще нескольких американцев, а потом вдруг столкнулся с полковником Рэйд-Дэли, командиром «селу скаутс», которого назначили командующим операцией против Чимойо...»

«Переход через небольшую речку, которая отделяла нас от Мозамбика, занял несколько больше времени, чем предполагалось. Наконец мы на том берегу. Я слышал рев самолетных моторов — шесть бомбардировщиков «канберра» пронесли над нами и сбросили бомбы на первую нашу цель — городок Крузаменто... Чимойо находилось впереди — в семи километрах. Там было три тысячи террористов... Мы двинулись вперед. Эскадрон поддержки начал поливать укрытия террористов белым фосфором и газом CN². Сэмми стрелял вперед, а я поливал огнем за-

---

¹ «Селу скаутс» — специальное подразделение родезийской армии, созданное для борьбы с партизанами. «Скауты» переодевались в форму зимбабвийских партизан и совершали чудовищные зверства.— *Прим. авт.*

² Очень любопытное признание, сделанное, кстати сказать, в самый разгар клеветнической кампании, развернутой администрацией Рейгана с целью доказать, что СССР будто бы применял химическое оружие в Афганистане. Как известно, все попытки доказать недоказуемое закончились позорным провалом. Но вот

росли справа от меня. 32 террориста убито, одного, раненого, мы взяли в плен. Атака продолжалась. Скоро еще 18 африканцев было убито. Теперь у нас было несколько ненужных пленных. Мы убили раненого пленного с таким наслаждением, что меня до сих пор дрожь пробивает!.. Сражение продолжалось. Наступление темноты ознаменовалось последним вылетом истребителей «хантер». Прекрасные звуки и цвета: красные, серебряные и зеленые трассы, устремленные в небо; рев моторов и оглушительные взрывы бомб...

После третьего дня сражения поле битвы было за нами. Мы захватили огромное количество оружия, нашли много коммунистической литературы, включая манифест Роберта Мугабе — «1979 — Год народного штурма». Мы забрали с собой или взорвали тонны продовольствия и медикаментов...

В Инкомо мы часто сидели в большой палатке по вечерам, пили пиво и говорили о том, как легко выгнать всех коммунистов из Африки — если бы только правительства Америки и Англии забыли о международном общественном мнении и поддержали бы своих естественных союзников: ЮАР и Израиль.

Мы прошли войну до самого конца... Когда Роберт Мугабе стал премьер-министром после выборов, для американских «солдат удачи» стало неблагоразумно оставаться там, и в марте 1980 года майор Уинклер и я сошли с трапа самолета в аэропорту имени Дж. Кеннеди в Нью-Йорке...

КТО КОРМИТ «ДИКИХ ГУСЕЙ»

«Дикие гуси» возвращались не только в Соединенные Штаты, они разлетались из Родезии по разным странам. Устраивались как могли. Давали объявления в газетах, писали в военные журналы, рекламируя свои боевые качества. («Сэр, я бывший офицер родезийской армии, специалист по разведке и психологической войне. Хочу поступить добровольцем в аналогичное подразделение южноафриканской армии, чтобы бороться против коммунизма...», «Сэр, я пять лет прослужил в родезийской армии, хотел бы поступить в военно-морские силы ЮАР, чтобы защитить страну от происков террористов и коммунистов...») Их услугами с удовольствием воспользовались

свидетельств использования этого оружия Соединенными Штатами и их сотрудничества в этой области с расистами ЮАР накопилось много. — *Прим. авт.*

расисты ЮАР, которым уже не хватает собственных сил, чтобы справиться с освободительной борьбой африканцев. Кто «работает» в Намибии в «батальоне Буффало», кто переквалифицировался в инструкторов и готовит на территории ЮАР диверсантов из числа предателей зимбабвийского и мозамбикского народов, а кто завербовался в отряды «одноразового использования»: выполнил грязное дело, получил вознаграждение — отдыхай до следующего задания.

Наемничество стало неотъемлемой частью западного образа жизни. Его воспевают писатели и киносценаристы (некоторые из них сами в прошлом были «солдатами удачи»).

Как поганые грибы, продолжают расти конторы по вербовке наемников «в любую часть света». Наемничество стало прибыльным бизнесом. О доходах владельцы таких контор предпочитают не говорить, однако известно, что те, кто покупает убийц (а в 90 случаях из 100 «покупателем» является ЦРУ), на расходы не скупятся. Один из таких «бизнесменов» заявил в интервью лондонскому журналу «Африка нау»:

«Целый день мне звонят люди, ищущие опасности и приключений. Такое впечатление, что профессия «собак войны» становится одним из наиболее модных занятий». Журнал рассказал о таких вербовочных пунктах, как «Общество 1980» со штаб-квартирой в Брайтоне (Великобритания), которое предлагает прибыльную работу «профессиональным военным всех чинов и всех родов войск из Франции, Великобритании, ФРГ и Португалии в возрасте от 21 до 50 лет»; «Агентство международной безопасности», расположенное в английском городе Бергшир, которое специализируется на отправке наемников в Намибию.

Объявления о вербовке публикуются не только в специальных журналах для наемников типа «Солджер оф форчун» и «Ганг-Хо», издающихся в США, но и в крупных ежедневных газетах, выходящих во многих западных столицах.

Эти «агентства», «общества», «независимые» журналы — лишь ширмы для империалистических спецслужб.

Центральное разведывательное управление США прибегает к этой форме международного терроризма чаще других западных спецслужб. Дело тут не только в том, что США могут более щедро, чем другие империалистические страны, оплачивать подобные тайные операции из

карманов американских налогоплательщиков. Главная причина такой «любви» к наемникам кроется именно в том, что наемничество считается в Вашингтоне относительно дешевым и эффективным средством достижения политических целей в стратегически важных районах мира.

В начале 1982 года реакционный американский центр «Херитидж фаундейшн» опубликовал статью профессора права Фордхемского университета Эрнста ван де Хаага, защищавшего идею создания американского иностранного легиона, который «занялся бы тем, что, вероятно, не имеют возможности делать наши вооруженные силы».

«В свободном мире существует буквально миллионы физически сильных и стремящихся использовать эту силу людей. Они с удовольствием будут сражаться за Соединенные Штаты, если мы им позволим», — писал американский юрист.

Это заявление звучало бы правдиво, если бы вместо слова «позволим» стояло бы — «заплатим»...

Тридцатилетняя история ЦРУ изобилует фактами подрывной деятельности против революционных, прогрессивных сил и движений в Африке. По данным американского журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», только с 1961 по 1976 год ЦРУ провело 900 крупных тайных акций против «нежелательных» деятелей и правительств. Свои террористические операции шпионское ведомство США проводит руками местных посредников, зарубежной агентуры, организаций, находящихся на американском содержании, или же с помощью проимпериалистических режимов. ЦРУ выступает как своего рода «альма-матер» огромной сети террористических банд, действующих по всему миру под маркой как правых, так и левачьих группировок.

В то время как ЦРУ совершает чудовищные преступления, западная пропаганда трубит о «заинтересованности» социалистических стран в «раздувании конфликтов» на африканском континенте, о их «помощи террористам». Однако африканцы давно уже научились отличать маски «дружбы», «сотрудничества», «заботы», которые время от времени надевает Вашингтон, от его истинного лица. Они убедились на своем опыте, чего стоит «американская дружба», и прекрасно знают, что именно империализм США нагнетает напряженность на африканской земле. Деятельность ЦРУ в Африке на протяжении последних двадцати лет прямо подпадает под американское же определение терроризма: «использование насилия или

угрозы насилия в отношении отдельных лиц, или группы лиц, или правительств для достижения политических целей».

Следы ЦРУ обнаруживаются во всех подрывных операциях против прогрессивных стран Африки. Вспомним наиболее известные из них: убийство премьер-министра Республики Конго (ныне Заир) П. Лумумбы в 1961 году; убийство председателя Фронта освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО) Э. Мондлане в 1969 году; убийство Генерального секретаря Африканской партии независимости Гвинеи и Островов Зеленого Мыса А. Кабрала в 1973 году; убийство президента Народной Республики Конго М. Нгуаби в 1977 году; попытка переворота в Бенине в том же году...

За последние два десятилетия в Африке произошло более 40 государственных переворотов, многие из которых были спланированы и проведены ЦРУ.

Приход к власти в США администрации президента Р. Рейгана ознаменовался активизацией политики международного терроризма, в том числе и в Африке.

Как отмечалось в американской печати, Белый дом предоставил ЦРУ полную свободу действий в Африке, гарантировав сохранение всех операций в строжайшей тайне. В августе 1981 года специальная комиссия палаты представителей США приняла решение о «необходимости срочного финансирования секретных акций ЦРУ в Африке».

Комментируя столь теплое отношение к шпионскому ведомству, американский журнал «Тайм» отмечал: «Новый президент явно преисполнен решимости восстановить мускулы ЦРУ и сделать его важным элементом глобальной стратегии администрации».

Факты убедительно разоблачают цели американского империализма в Африке: подрыв национально-освободительного движения, дестабилизация прогрессивных стран, всемерная поддержка террористических и реакционных режимов, наращивание военно-политического присутствия в стратегически важных районах континента.

Под прицелом разведывательного управления находятся те африканские страны, которые проводят антиимпериалистический курс в своей внешней политике. В их числе Ангола, Эфиопия, Мозамбик, Зимбабве, Танзания, Замбия, Конго, Бенин, Ливия, Маврикий, Мадагаскар, Гвинея-Бисау, Гвинея, Сейшелы.

Администрация Рейгана побила все «рекорды» преж-

них американских правительств по части провокаций в Африке.

Вот лишь несколько примеров.

В 1981 году органы безопасности Мозамбика раскрыли широкую сеть американской агентуры в вооруженных силах и государственном аппарате. Из страны выдворили несколько американских шпионов, действовавших под видом дипломатов. В заявлении правительства говорилось, что ЦРУ вместе с расистами ЮАР готовило убийство президента С. Машела, провокации против Мозамбика и других африканских государств. Агенты ЦРУ передали наемникам из специального подразделения южноафриканской армии информацию о расположении лагерей беженцев из ЮАР на мозамбикской территории. В январе 1981 года террористы напали на один из таких лагерей и перестреляли всех его обитателей, включая женщин и детей.

Прошло всего несколько месяцев после разоблачения деятельности ЦРУ в Мозамбике, как правительство Замбии выдворило несколько американских дипломатов, занимавшихся шпионской деятельностью. В ходе расследования выяснилось, что в данном случае имел сговор между ЦРУ и Национальной разведывательной службой ЮАР (НИС) с целью свержения правительства К. Каунды при помощи наемников. Террористы, завербованные в ЮАР, должны были убить президента Каунду и других руководителей Замбии и привести к власти марионеточное правительство.

Одновременно с разоблачениями в Мозамбике и Замбии были раскрыты заговоры ЦРУ с целью убийства руководителя Ливии полковника Мухамара Каддафи и бывшего в то время генеральным секретарем партии Маврикийское боевое движение (МММ) на Маврикии Поля Беранже. Стало также известно и о подготовке к высадке наемников в Гане для свержения правительства Джерри Ролингса.

Особое место в планах Вашингтона занимают острова у восточноафриканского побережья Индийского океана. Они включены в зону «жизненно важных интересов США», и американское правительство давно уже стремится создать на них режимы, благосклонно относящиеся к наращиванию военной мощи Пентагона в Индийском океане. И в этом районе Вашингтон действует рука об руку с расистским режимом ЮАР. Они неоднократно покушались на независимость Сейшельских Островов. В апреле 1978 го-

да наемники попытались захватить власть в Виктории. Банда ландскнехтов, бывшая наготове в кенийском порту Момбаса, ждала сигнала сейшельских заговорщиков, которых возглавил Дэвид Жубер — бывший министр гражданской авиации и туризма в правительстве бывшего президента Сейшельских Островов Мэнчема. Но заговор сорвался.

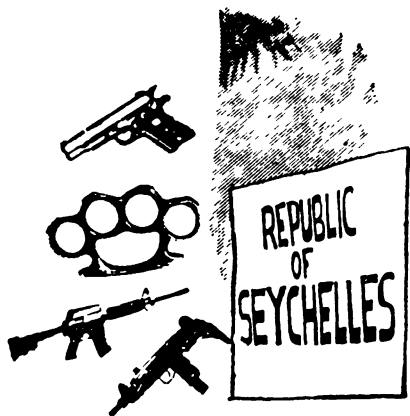
В ноябре 1979 года сейшельская полиция раскрыла новый заговор, нити которого тянулись к ЮАР и США. На этот раз одна группа должна была отправиться на Сейшелы из южноафриканского города Дурбан, а другая группа ждала сигнала для выступления на Коморских Островах.

Участников заговора француза Жака Шевальро, работавшего советником при местной полиции, двух бывших членов парламента, бывшего министра финансов, бывшего начальника иммиграционного управления арестовали. Стало также известно, что заговорщиков поддерживали некоторые бизнесмены, чьи «дела» пострадали в результате прогрессивных преобразований сейшельского правительства.

Реакционеры распространяли на островах листовки, запугивали, стремились создать панику. Подпольный листок «Новая жизнь», выпущенный накануне намеченного дня вторжения, утверждал, что «все сейшельцы ждут не дождутся того дня, когда самолет или корабль высадит наемников, которые сметут правящую коммунистическую клику», но среди сейшельцев нашлась лишь горстка людей, которые поддерживали заговорщиков.

Правительство республики выступило с заявлением, в котором обвинило в заговоре не только сейшельскую реакцию, возглавляемую Мэнчемом, но и ЮАР, а также ЦРУ, стремящихся изменить характер власти в этом стратегически важном районе. После расследования обстоятельств заговора правительство выслало из страны 120 американцев, работавших на островах. А по словам известного обозревателя лондонского еженедельника «Обсервер» Колина Легума, в этом заговоре были замешаны также посол США в Кении и американский временный поверенный на Сейшельских Островах.

В ноябре 1981 года спецслужбы ЮАР и США провели новую операцию против прогрессивного режима, установившегося на Сейшельских Островах.

**«ДИКИЕ ГУСИ»
УБИВАЮТ
НА РАССВЕТЕ**

АВТОМАТЫ ПОД ИГРУШКАМИ

Вечер 23 ноября 1981 года выдался встрепанный и прохладный. Небо было покрыто облаками, и темнота поэтому наступила особенно быстро. В уютном «белом» пригороде Йоханнесбурга, на тихой улочке, по обеим сторонам которой за густыми зелеными заборами виднелись черепичные крыши особняков, наблюдалось оживление. Возле одного из домов то и дело останавливались машины с номерами Йоханнесбурга, Дурбана и других городов ЮАР, из них выходили белые мужчины, преимущественно среднего возраста, подтянутые и загорелые, подходили к воротам, где их встречали двое таких же подтянутых белых, они обменивались с ними короткими фразами и проходили вовнутрь. Окна в доме были плотно зашторены, двери закрыты. У входа в особняк к ним снова подходили, что-то спрашивали и, получив ответ, пропускали дальше.

Гость попадал в большую, со вкусом обставленную комнату, где его встречал сам хозяин — человек немолодой, но крепкий. Он приглашал к бару и сам наполнял стаканы пивом или виски. Вскоре комната была заполнена, двери заперты, и хозяин попросил внимания.

— Джендльмены, позвольте представиться тем, кто меня еще не знает. Мое имя Туллио Монета, я заместитель нашего уважаемого патрона полковника Майкла Хора. Надеюсь, что все знают в общих чертах о том деле, ради которого мы собрались здесь?

Монета помолчал и обвел взглядом сидящих, остано-

ливаясь на знакомых лицах — проверенные люди, есть даже несколько ветеранов Конго, Анголы. Но много новичков. «Как бы не подвели», — мелькнула мысль.

— Так вот. Наша главная задача — сменить правительство на Сейшельских Островах. Надо сделать это быстро. Могу сказать по секрету, что в успехе этого дела очень заинтересованы люди в Претории. И вот почему. Сейчас самолеты южноафриканской авиакомпании могут садиться на Маврикии. Но красные в этой стране стали очень активны, может случиться, что они победят на следующих выборах. Поэтому надо иметь запасной пункт в этом же районе. Нам поручено создать такой пункт, то есть поставить у власти на Сейшелах правительство, доброжелательно настроенное к ЮАР. Это одна причина. Есть и другие. Некоторые люди готовы хорошо заплатить, если им вернут собственность на островах. Кроме того, и за океаном кое-кому не нравится нынешнее правительство на Сейшелах. Думаю, что и без дальнейших разъяснений все понятно. Вопросы есть?

Он снова осмотрел серьезные лица, окружавшие его. Никто не нарушал молчания, ждали продолжения. Монета знал, что они хотели услышать. Сделав многозначительную паузу, он произнес:

— Да, чуть не забыл. Гонорар приличный: сейчас по тысяче рандов¹, а после окончания операции — по десять тысяч.

Гости оживились, слышались одобрительные возгласы.

— Все ясно! Давай подробности! — крикнул сержант де Джагер, служивший в разведывательном батальоне южноафриканской армии. (Потом, на суде в Питермарицбурге, де Джагер скажет, почему согласился стать наемником. «Я наделал много долгов, — заявит он судье. — А потом там было много своих, да и Монета говорил, что дело стоящее и правительство заинтересовано». Де Джагер скроет, что вступил в банду Хора по прямому указанию своих командиров.)

— Тихо, тихо! — прикрикнул Монета. — Не забывайте, зачем мы здесь собрались... Хочу еще раз предупредить о соблюдении строжайшей тайны. Не буду говорить о том, что ждет болтуна... Впрочем, уверен, что среди вас таких нет.

Не дожидаясь ответа, Монета продолжил:

---

¹ 1 ранд ЮАР = 1,2 доллара США. — *Прим. авт.*

— Переходим к деталям. Мы разобьемся на две группы. Одна — около 50 человек (список вам огласят позже) — отправится на Сейшелы из Свазиленда и присоединится к тем, кто уже находится в Виктории. Другая будет ждать сигнала и, получив его, немедленно вылетит на остров из Кении. Ударная группа представится как делегация на международный конгресс в Виктории членов «Древнего ордена завсегдаев пивных». Оружие будет упаковано в багаж, в сумки с двойным дном. Для прикрытия повезете игрушки и детское питание для бедных сейшельских сироток — маленькая рождественская шутка. Вот так выглядит дорожная сумка.

Монета поставил на стол кожаный саквояж, на котором были наклеены эмблемы «Древнего ордена завсегдаев пивных»: кружка с пенящимся пивом и первыми буквами названия «ордена».

— Сумка с двойным дном. Там уложены автоматы, гранаты и взрывчатка. Но таможенники увидят вот это.

Монета показал детские игрушки — автомобили, лодки, сервизы для кукол, лопаточки, совочки...

— Прошу учесть, что в больших игрушках упакованы боеприпасы. Мы будем играть в них сами, — пошутил он.

Подготовительная группа находится в Виктории и уже действует. Вчера мы получили сведения, что налажена связь со сторонниками бывшего президента Мэнчема. Они выступают по нашему сигналу. Ваша задача — войти в контакт с лидером этой группы, в назначенное время захватить аэропорт, военные казармы, резиденцию главы государства, радио, почту и телеграф. Надо взять власть и ждать прилета Мэнчема. Он тоже проинструктирован и знает, что ему делать. Кстати, его призыв к народу записан вот на этой пленке. А здесь, — Монета показал вторую кассету, — первые декреты новой власти. Обе пленки надо передать в эфир сразу же после захвата радиостанции.

— Джон, — подозвал он молодого небритого верзилу, у которого на майке была изображена пенящаяся пивная кружка. — Поставьте, пожалуйста, эту пленку.

Верзила молча выполнил приказание. Раздались звуки военного марша, затем наступила пауза, и все услышали голос бывшего президента Сейшельских Островов Мэнчема¹: «Народ Сейшелов! Великий день наступил!»

---

¹ Реакционное правительство Мэнчема было свергнуто в июне 1977 года в результате народной революции. Мэнчем бежал за границу и возглавил контрреволюционное движение сейшельских эмигрантов, опирающееся на поддержку неоколониалистских сил

Судя по всему, он долго готовился к этой передаче: дрожь в его голосе казалась почти естественной.

— Достаточно! — махнул рукой Монета. — Весь текст услышите на Сейшелах, когда будете встречать Мэнчема и его правительство в Виктории. Ставьте вторую кассету, Джон.

Снова ворвались маршевые ритмы, потом заговорил, чуть шепелявя, другой голос: «Движение сопротивления свергло коммунистическое правительство...»

— Это Поль Синг Шоу, наш давний друг, — пояснил Монета. — Он возглавляет движение сопротивления и, кстати, внес кое-какой вклад в финансирование нашей операции... А сейчас вы услышите Жерара Хоро — он юрист, живет в ЮАР, но прибудет на Сейшелы, как только мы обезвредим последнего красного.

Хоро зачитал первые декреты новой власти. В стране объявлялось чрезвычайное положение, все политические организации запрещались, за малейшее нарушение устанавливались суровые наказания.

Слово взял Майкл Хор.

— Я долго говорить не буду. Мистер Монета разъяснил все правильно. План вторжения разработан до мельчайших подробностей и одобрен в Претории и Вашингтоне. Я лично вел переговоры в Вашингтоне.

— Нам обещано, что США признают новое правительство на Сейшелах через несколько часов после переворота. Хочу повторить только одно: на Сейшелах правят коммунисты. Мы должны их убрать. Да поможет нам бог!

Вопросов не было. Де Джагер, служившие с ним в том же разведывательном подразделении Штейн де Вет и Теодорус Гуйшштейн коммунистов и вообще всех левых ненавидели. Ненавидел их и Мартин Долинчек, участвовавший в операции по заданию южноафриканской разведки — Национальной разведывательной службы. Директор НИС Нейл Барнард, давая инструкции своему агенту, предупреждал, что никто не должен знать о его принадлежности к спецслужбе.

— Смотрите, Мартин, — говорил он. — Если дело кончится провалом, то выкарабкивайтесь сами. Мы, конечно,

---

Запада. Новое правительство страны и правящая партия — Прогрессивный фронт народа Сейшельских Островов провозгласили программу прогрессивных социально-экономических преобразований, выступили в поддержку принципа неприсоединения, за дружбу и сотрудничество с другими странами, против размещения на острове иностранных военных баз. — *Прим. авт.*

вам поможем, но не сразу. Я думаю, все будет хорошо. (Доппчек был захвачен в плен сейшельскими солдатами. Он мгновенно рассказал все, что знал, добавив, однако, что является «профессиональным солдатом, посвятившим свои силы борьбе против коммунизма».)

Убрать «коммунистов» с Сейшельских Островов соглашались и 24 сотрудника бывших сил безопасности Родезии, которые обосновались в ЮАР после провозглашения независимости Зимбабве. Они считали «коммунистов и черных» виновными в поражении Родезии и были готовы на все, чтобы отомстить.

Майкл Хор закрыл совещание.

— Все свободны до завтра. Утром отъезд в Эрмело. Время вам сообщат.

...62-летний Майкл Хор — бывший офицер британской армии, после войны работал бухгалтером в Лондоне. Остается загадкой, что заставило его сменить бухгалтерские книги на автомат, но имя Хора в 60-х годах стало синонимом патологической жестокости, расизма, наемничества. Он «прославился» в Конго, бывшем Бельгийском (ныне Заир), где сколотил банду наемников под названием «коммандо-5», и вместе с Денаром, Шрёдером, Шраммом и другими «собаками войны» уничтожал сторонников Патриса Лумумбы.

В Заире на многих миссионерских кладбищах можно увидеть могилы молодых европейцев, погибших в начале и в середине 60-х годов. Это наемники Майкла Хора, которых настигло возмездие африканских борцов за свободу. Таких могил немало, хотя «собаки войны» всегда похвалялись, что побеждали африканских партизан «практически без потерь».

Под командой Хора было не меньше тысячи головорезов из ЮАР, ФРГ, США, Англии, Франции, Италии. Каждый из них четко знал, зачем он находится в Конго: убивать, чтобы заработать. Они прибыли в Конго, пройдя через вербовочные бюро в Солсбери или Йоханнесбурге. Там им обещали солидный куш за услуги «для одного африканского правительства» и гарантировали покровительство западных держав, заинтересованных в быстром успехе. Кого набирали для конголезской «операции»? Предоставим слово самому Майклу Хору, вряд ли кто знал истинное лицо этих бандитов лучше, чем он.

«Общий уровень был тревожаще низким. Слишком много было алкоголиков, просто любителей выпить, бродяг, безработных, отчаявшихся найти какое-либо занятие и ду-

мавших, что перед ними открывается небом посланная возможность сделать легкие деньги. Кроме того, к моему ужасу, я обнаружил немало наркоманов... Самым большим сюрпризом было то, что в течение всех трех шестимесячных контрактов мне пришлось встретить немало гомосексуалистов...»

Были, конечно, и настоящие «профессионалы», которые презрительно относились к подобным типам и старались держаться от них в стороне. Однако жажда наживы объединяла их всех. Вот как пишет об этом Майкл Хор: «Если и есть какая-то общая черта для всех наемников, то это просто-напросто желание быстро сделать большие деньги, при любом риске. Иногда встречались идеалисты, которые в первую очередь просто искали приключений, а не награды, но в подавляющем большинстве мы были там только по одной причине — ради денег».

Ну и, конечно, нужно было исповедовать антикоммунизм, без которого, как «учил» Хор, просто невозможно эффективно воевать в Африке. Мародерствуя и занимаясь грабежами в Конго, он утверждал, что его войску было «предначертано судьбой» освободить Африку от «коммунистической заразы». Только наемник, кликушествовал Хор, «может стать единственно реальным препятствием на пути коммунистического наступления в Африке». Свои действия этот патологический убийца «оправдывал» следующим образом: «Мы должны защитить Запад от заразы коммунизма, наша цель — обеспечить безопасность интересов свободного мира».

Жалкими выглядели потуги хозяев наемников придать этому воинству бандитов благообразие «идейных борцов». Многие буквально потеряли человеческое лицо, превратились в маньяков-убийц, потерявших способность жить среди нормальных людей.

В своей книге «Конголезский наемник» Хор с садистским наслаждением описывает придуманные им способы пыток и казни африканцев. За пристрастие к убийствам он получил кличку «бешеный Майк».

Нужно ли добавлять, что Хор в течение многих лет сотрудничает с ЦРУ и южноафриканской разведкой и пользуется их полным покровительством. В 1974 году он основал в Йоханнесбурге на деньги ЦРУ «клуб диких гусей» — пункт по вербовке наемников. Отделения этого «клуба» были открыты в Боулдере (штат Колорадо), Далласе (штат Техас), Майами (штат Флорида) и других городах США.

Выбор на «бешеного Майка» пал не сразу. Поначалу возглавить операцию по свержению сейшельского правительства предложили более молодому, уже известному своими действиями в Конго Георгу Шрёдеру, но тот отказался. Хор же не раздумывал ни минуты: ему очень хотелось на старости лет сделаться правителем уютного острова в Индийском океане...

ОШИБКА МАЙКЛА ХОРА

24 ноября наемники на автобусах отправились из Йоханнесбурга на запад, в городок Эрмело. Там они переночевали в гостинице «Холидей Инн», а на следующий день двинулись к границе маленького королевства Свазиленд. Границу проехали свободно (для граждан ЮАР визы не нужны) и через час были уже в аэропорте Матсапа, в 8 километрах от второго по величине города королевства — Манзини.

Сонный аэропорт оживал только раза два в день, когда прилетал самолет из Мозамбика или совершал рейсы в соседние страны единственный самолет национальной авиакомпании «Роял Свази» 65-местный «фоккер-Ф28». Служащие аэропорта лениво проводили взглядами группу южноафриканцев, высадившихся из автобуса. Паспортный и таможенный контроль прошли быстро. Багаж никто не осматривал.

— Все нормально, сэр. Желаю вам приятного отдыха, — улыбнулся старшему группы чернокожий таможенный чиновник, однако ответной улыбки не получил. (Потом чиновник вспомнит, что уж больно молчаливая была эта группа. «Я подумал вначале, что это регбисты, но спортсмены обычно шумят и смеются, а эти словно на похороны отправлялись».)

«Фоккер» уже стоял у здания аэропорта. Группа вытянулась в цепочку и, поднявшись по трапу, медленно исчезла в самолете.

Между тем на острове Маэ — главном из 90 островов Сейшельского архипелага — заканчивались тайные приготовления к перевороту. Заговорщики сняли дом в пригороде Виктории и устроили в нем склад оружия. Для маскировки там поселилась южноафриканка Сьюзен Инглес, как оказалось при расследовании, казначей банды наемников. Гражданин ЮАР Роберт Симс — кстати, зять Майкла Хора, — вот уже несколько дней изображавший

из себя туриста, частенько захаживал в лавку владельца скобяным товаром Жана Дингуолла, который был связником между наемниками и заговорщиками в столице, они наметили тех, кого нужно было «убрать» в первую очередь. В гостинице «Риф» — одной из лучших на Сейшелах — уже были готовы номера для прибывающих «завсегдатаев пивных», и ничего не подозревавший хозяин очень волновался, как бы чего не упустить в подготовке такого важного международного конгресса.

Ни у кого не возникало сомнений в успехе операции — ни у Майкла Хора, ни у Мартина Долинчека, ни у бывшего президента Сейшельских Островов Мэнчема, который готовился прибыть в Викторину и расправиться со своими противниками. Наемникам казалось, что им не грозит серьезное сопротивление: вооруженные силы республики насчитывали всего 250 человек, причем они были разбросаны по всему острову, а наемников в общей сложности было около 200 — ожидалось, что 100 бандитов высадятся с моря для поддержки группы Хора и «группы подготовки». В Претории рассчитывали и на фактор неожиданности.

— Это будет как воскресная прогулка, — уверял своих «гусей» Майкл Хор.

Итак, все приготовления к вторжению были завершены. Ждали прибытия бандитов Хора. И вот настало 25 ноября 1981 года.

Служащие аэропорта Пуант-Ларю встречают каждого прибывающего с улыбкой: туристы — желанные гости на острове, туризм — главный источник иностранной валюты. О прибытии спецрейса из Свазиленда было известно за несколько часов, и в аэропорту заранее посмеивались над прибывающими чудаками, представляя их в виде толстых, жизнерадостных и экзотически одетых молодцов. Все были несколько удивлены, когда пассажиры «Роял Свази» появились в здании аэровокзала. Они были похожи на кого угодно, только не на любителей пива.

— Скорее это солдаты, возвращающиеся из отпуска, — пошутил один из таможенников.

Медицинский контроль, паспортный контроль («Все в порядке, проходите, пожалуйста»), таможенный контроль («Какие интересные эмблемы у вашего ордена, сэр. А это что? Игрушки для детей-инвалидов? Благодарю вас от их имени, сэр, это очень благородно!»), и вот двери аэровокзала позади, вся группа расселась в двух комфортабельных автобусах, которые должны были увезти их в гости-

ницу «Риф». В это мгновение раздался оклик сержанта полиции Кершена Эспарона: «Подождите!»

— В чем дело? — с тревогой обернулся Хор к американцу Чарльзу Дьюксу. — Что случилось?

— Кто-нибудь забыл паспорт, — предположил тот. — Не волнуйтесь, шеф.

Но чутье не подвело старого наемника. Произошло то, что не могли предусмотреть ни ЦРУ, ни НИС, ни хитрый Хор и его помощники. Тайное дно одной из сумок открылось, и оттуда показалось дуло автомата. Багаж уже погрузили на тележку и собирались везти к автобусам, когда сержант Эспарон заметил это. Рядом с ним находилась сотрудница полиции Флавьенн Потен. Позднее она вспоминала: «Эспарон попросил меня немедленно связаться с Центральным управлением полиции, а другим приказал обыскать остальной багаж, который был уже погружен на крыши автобусов».

Полицейские на Сейшелах не носят оружия. Эспарон достал автомат из сумки наемника и вышел к автобусам.

— Всем оставаться на местах, — скомандовал он. — Ваш багаж арестован.

Хор похолодел от ужаса. Осечка! В тот самый момент, когда все казалось простым и легким.

— Дьюкс! Немедленно на крышу! Достать оружие! — приказал он.

Тот выскочил из автобуса, мгновенно вскарабкался наверх, крикнул во всю глотку: «Ложись!», сбросил несколько сумок вниз, где их подхватили и стали мгновенно раздирать, а сам выпустил очередь в сторону сержанта. Тот пошатнулся, но успел ответить и первым же выстрелом ранил Дьюкса. Но силы были неравными. Наемники выбежали из автобусов и рванулись в здание аэропорта.

— Брать заложников! Захватить диспетчерскую! — гремел голос Майкла Хора.

Ничего не понимающие пассажиры и служащие аэропорта были оттеснены в угол и окружены. Послышались крики и плач детей.

— Молчать! — заорал один из представителей «древнего ордена» и пустил очередь над головами заложников.

Несколько наемников ворвались в диспетчерскую в тот самый момент, когда силы безопасности Пуант-Ларю получили сигнал тревоги и бросились на помощь своим товарищам. Началась перестрелка.

В то время когда в аэропорту прозвучали первые выстрелы, пилот свазилендского «фоккера» Фергюссон был

уже в гостинице и собирався на пляж. Вдруг раздался телефонный звонок. Фергюссон поднял трубку.

— Это Джон, один из ваших пассажиров, — услышал он торопливый голос на фоне какого-то странного треска. — Немедленно возвращайтесь в аэропорт!

— Что случилось? — не понимал Фергюссон.

— Немедленно возвращайтесь! — уже с угрозой повторил голос. — Нам надо лететь обратно, немедленно!

Фергюссон несколько секунд помолчал, потом, не ответив, опустил трубку. Вторичного звонка не последовало.

Пилот не поехал обратно в аэропорт. К тому времени его «фоккер» уже был изрешечен пулями и полностью вышел из строя.

Между тем пассажирский самолет «Боинг-707» индийской авиакомпании, совершавший рейс № 224 по маршруту Солсбери — Бомбей, приближался к Сейшелам, где должен был заправиться горючим. В 22.10 по местному времени пилот Умеш Саксена попытался связаться с диспетчерской аэропорта Пуант-Ларю, однако ответа не получил. В 22.27, за три минуты до посадочного времени, аэропорт отозвался, и диспетчер дал разрешение на посадку.

«Боинг» сделал круг и, снизив скорость, пошел вниз. Когда до посадки оставалось несколько секунд, пилот вдруг заметил два «лэндровера», стоящих прямо на пути самолета. Менять решение было уже поздно, и капитан попытался сманеврировать, уклониться от столкновения с автомобилями. Однако он все же задел правым крылом один из «лэндроверов».

— Как только самолет сел, посадочные огни были выключены, и мы подрулили к зданию аэропорта в полной темноте, — вспоминал пилот.

Между тем силы безопасности сейшельцев все теснее сжимали кольцо вокруг аэропорта. Перестрелка становилась все более ожесточенной. Несколько наемников во главе с Хором ворвались в индийский самолет и потребовали от пилота доставить их в ЮАР.

Пилот Умеш Саксена, давая показания перед специальной комиссией по расследованию, созданной на Сейшельских Островах, сказал:

— Один из них, пожилой человек, назвавшийся Томом (это был Майкл Хор. — Б. А.), угрожал, что убьет меня и второго пилота, а потом взорвет самолет вместе с пассажирами, если мы не выполним их приказ.

Том заставил пилота сообщить сейшельским властям,

что наемники позволили ему вылететь и что он не возьмет на борт посторонних.

В течение всего полета в ЮАР вооруженный наемник находился в кабине и почти все время держал у головы пилота пистолет. Он слышал, как Майкл Хор говорил остальным:

— Ребята, не бойтесь, власти в ЮАР знают о нас. Самолет сядет нормально, а нам еще красную дорожку выкатят!

Хор позорно удирал, бросив шестерых наемников, которые впоследствии были задержаны сейшельскими военнослужащими.

Утром 27 ноября самолет с наемниками приземлился в аэропорту портового города ЮАР Дурбана.

КТО ПОСЛАЛ «КРАСНЫХ ДЬВЯВЛОВ»!

Премьер-министр ЮАР отдал указание сделать все возможное, чтобы не допустить утечки информации об участии ЮАР (и соучастии ЦРУ) в заговоре. Министр иностранных дел Р. Бота выступил по телевидению и заявил, что все слухи о причастности ЮАР к операции наемников являются злостной пропагандой. Тот факт, что среди бандитов большинство составляли южноафриканцы, причем некоторые из них были военнослужащими, подавался Преторией как простое «совпадение». Однако правительству Боты было чего опасаться в случае разоблачения.

В 9.00 утра 27 ноября 1981 года полковник Андриес Франсуа Хорак, командующий силами специального назначения в Дурбане, получил приказ от генерала Фисагье поднять свою часть по тревоге и двигаться на аэродром и обеспечить порядок. Хорак немедленно связался с подполковником Моутоном из отдела безопасности Управления железных дорог ЮАР и полковником южноафриканской армии Олкерсом. Моутону была поручена связь с представителем наемников Питером Даффи, находившимся в самолете. («Капитан» Питер Даффи служил в Конго вместе с Майклом Хором. Одно время он был адъютантом Моиза Чомбе, в последнее время под видом фотографа вербовал наемников в Йоханнесбурге.)

Самолет был окружен, и пилоту был передан приказ открыть заднюю дверь. Под охраной солдат еще не оправившиеся от переживаний пассажиры были отправлены в здание аэропорта в специальных автобусах.

— Сэр, похитители просят развернуть самолет так, чтобы журналисты не могли их сфотографировать,— сообщил Моутон Хораку.

Хорак получил соответствующие инструкции: чем меньше будет знать пресса, тем лучше. Южноафриканские власти уже, видимо, чувствовали, что им не удастся вылезти сухими из воды, и старались свести к минимуму неблагоприятные последствия провала вторжения на Сейшелы.

— Я думаю, что можно согласиться,— ответил Хорак, помедлив для приличия.— Ведь в их просьбе нет ничего такого, что помешало бы нашей операции.

Самолет развернули, несмотря на протесты представителей прессы. Полковник Грейлинг из отдела безопасности и другие офицеры встали у трапа и наблюдали, как наемники один за другим выходили из самолета и садились в крытый военный грузовик. Когда все вышли, Даффи провел Грейлинга в салон первого класса, где на одном из сидений были свалены автоматы, прикрытые окровавленным одеялом. На борту угнанного самолета было обнаружено 38 винтовок, 2435 патронов и 3 ручные гранаты.

Наемников сразу отвезли в тюрьму Зондеруотер, чтобы не допустить их контактов с журналистами, и предупредили о необходимости держать язык за зубами. Двое бандитов впоследствии признались, что представители правительства угрожали «запереть их в тюрьме до конца жизни», если те станут болтать.

Через несколько дней южноафриканские власти неожиданно освободили 39 из 45 наемников, не предъявив им никакого обвинения. А остальных, включая Майкла Хора, привлекли к суду по статье «похищение». По законам ЮАР это предусматривает всего лишь штраф. Когда бандитов освобождали, министр законности и порядка ЮАР Луи ле Гранж совершенно спокойно сказал, что «полиция не смогла установить, что задержанные нарушили какой-либо закон. Они продырявили несколько окон и пробежались в буше. Какой же закон ЮАР они нарушили?» Это редкое по цинизму заявление было напечатано во всех крупных газетах мира и вызвало всеобщее возмущение. Только под давлением мировой общественности правительство было вынуждено пересмотреть это решение и вновь арестовало отпущенных наемников. 5 января 1982 года всем 45 бандитам было предъявлено обвинение в воздушном пиратстве.

Однако это обвинение, как считали многие обозреватели, являлось лишь вынужденной и временной уступкой общественному мнению, попыткой скрыть причастность Претории к преступлению. Многие западные и южноафриканские журналисты высказывали предположение, что власти ЮАР попытаются сделать все возможное, чтобы наемники (те, кто будет молчать) получили бы лишь символическое наказание.

Но попытки утаить правду ни к чему не привели. Одна из южноафриканских газет процитировала сообщение «источника, близкого к наемникам», который утверждал, что перед отлетом на Сейшелы банда Хора получила «напутственное послание» от правительства. Бывший заместитель министра информации ЮАР Эшель Руди заявил, что вторжение планировалось на первую половину декабря. «Я был удивлен, что его перенесли на 25 ноября».

Йоханнесбургская газета «Санди таймс» от 29 ноября 1981 года привела слова Джима Грейвса, сотрудника журнала «Солджер оф форчун», который «случайно» оказался в это время в ЮАР. «Еще четыре месяца назад я слышал от одного источника во Франции, что вскоре в Африке произойдет кое-что впечатляющее». (Этим источником оказался Питер Даффи, который в то время был в Париже.) Лондонская «Санди таймс» от того же числа отметила, что вербовка наемников для вторжения на Сейшелы началась еще в начале 1980 года и об этом «знали в каждом баре в Дурбане».

Бывший наемник Робин Мур, автор нашумевшего бестселлера «Зеленый берет», заявил, что он хотел вложить солидную сумму в эту операцию в обмен на право открыть игорные дома на Сейшелах, но, «к сожалению», его предложение не встретило интереса. (Как мы увидим дальше, «собаки войны» не испытывали нужды в средствах. Кроме того, они сами претендовали на захват прибыльного бизнеса на островах в качестве «компенсации» за свержение правительства Рене.)

Пилот угнанного индийского «Боинга» У. Саксена сообщил комиссии ООН по расследованию обстоятельств:

— Человек, который называл себя Томом, и другие преступники постоянно угрожали мне, требуя, чтобы я и не произносил слово «угон», когда меня будет допрашивать южноафриканская полиция... Один из них, его имя Питер Даффи, сказал: «Джентльмены, это не угон. Понятно? Не вздумайте сказать это». Когда мы приземлились и все вышли из самолета, я был вынужден сделать то заяв-

ление, которого они требовали. Дело в том, что я не мог понять, на чьей стороне полиция, когда наблюдал за шестичасовыми переговорами между властями и преступниками. Питер Даффи разговаривал с ними в очень-очень дружеской манере и жал всем полицейским и военным руку, как будто знал большинство из тех, с кем он вел переговоры... Уже когда мы подлетали к Дурбану, Том стал уверять, что к нам отнесутся очень тепло, и пусть нас не смущает тот факт, что между Индией и Преторией нет дипломатических отношений. Он сказал, что «все предусмотрено».

Подполковник Моутон заявит на суде, что когда он вступил в контакт с Питером Даффи, тот сказал ему:

— Это очень серьезное дело. Мы пытались свергнуть правительство на Сейшелах, но потерпели неудачу. Мы не хотим ставить правительство ЮАР в неудобное положение, так как оно замешано в этом. О нем знали семь или восемь членов правительства.

Даффи назвал Моутону имена 14 военнослужащих ЮАР из 2-го разведывательного батальона, которые были направлены командованием для участия в операции на Сейшелах. (За день до этого признания Моутону командир 2-го разведывательного батальона Дэни ван дер Спай заявил на суде, что командование батальона не знало об участии своих солдат в операции наемников.)

Этот батальон считается «элитным» подразделением южноафриканской армии.

Мозамбикский институт юга Африки задолго до вторжения на Сейшелы так охарактеризовал его: «Эти отряды состоят в основном из южноафриканских солдат-профессионалов, а также иностранных наемников. Это отборные отряды, специально обученные методам, применяемым английскими и израильскими командос. Программа их обучения включает прыжки с парашютом, плавание (в том числе и подводное), технику необычных боев, рукопашную схватку, диверсии с применением взрывов и т. д. Их обычно используют отдельно от воинских подразделений, и они несут ответственность непосредственно перед штабом сил обороны ЮАР. Солдаты действуют в маскировочной одежде и имеют снаряжение, отличное от снаряжения вооруженных сил ЮАР».

По сообщениям британской печати, «красные дьяволы» участвовали в рейдах против Анголы и Мозамбика в 1981 году. Их командование рассматривало «сейшельскую операцию» как не слишком трудную, поскольку, как

любил повторять своим собутыльщикам в йоханнесбургских пивных де Джагер, «дьяволов» готовят для куда более трудных дел.

В свете этих фактов заявление Дэни ван дер Спая звучало лжесвидетельством. Маловероятно, чтобы 14 солдат и офицеров привилегированного подразделения могли самовольно отправиться на свержение иностранного правительства. Где же тогда хваленая дисциплина южноафриканской армии, о которой так гордо заявляют каждый раз расистские лидеры?

О прямом участии правительства ЮАР в заговоре говорил на суде в Виктории и Мартин Долинчек, захваченный сейшельскими силами безопасности. Он рассказал, в частности, что его фальшивый паспорт (на имя Антона Любича) был выдан паспортным отделом управления внутренних дел Дурбана. Там же выдали фальшивые документы Майклу Хору.

На суде выяснился и еще один любопытный факт. Несколько южноафриканцев, принимавших участие в операции против Сейшельских Островов, перед отправкой в Свазиленд получили официальные повестки сил обороны ЮАР о призыве на военную службу. Таким образом, власти ЮАР пытались скрыть внезапное исчезновение нескольких наемников. Однако глава полиции безопасности генерал-лейтенант Йохан Коэтце по-своему «опроверг» данные следствия.

— Этого не может быть, — заявил он. — Повестки были поддельные.

Тем не менее под давлением общественного мнения была создана комиссия для расследования этого обвинения против армии, и доклад, содержание которого осталось неизвестным публике, был передан главнокомандующему силами обороны ЮАР генералу Вилджоину. Интересно, что этот вопрос в суде больше не поднимался.

Долинчек рассказал, что он, Роберт Симс (также схваченный сейшельскими властями) и двое сыновей Майкла Хора — Крис и Симон испытывали оружие, предназначенное для нападения на Сейшелы среди бела дня на аэродроме Ла Мерси под Дурбаном.

Но больше всех подвел правительство ЮАР не кто иной, как сам предводитель бандитской шайки Майкл Хор. В начале мая он сделал сенсационное заявление на суде в Питермарицбурге (которое, кстати, западная печать постаралась замолчать) о том, что правительство ЮАР не только знало о заговоре, но и принимало непо-

средственное участие в его подготовке. По словам Хора, окончательное решение о свержении сейшельского правительства южноафриканский кабинет принял в сентябре 1981 года. Он сказал, что сотрудник Национальной разведывательной службы ЮАР представил его двум армейским офицерам, с которыми он обсудил планы свержения президента Республики Сейшельские Острова Франса Альбера Рене. Позднее его вызвали в Преторию, где сообщили, что «кабинет одобрил планы и теперь следует обсудить детали».

Майкл Хор, кроме этого, рассказал, что в Лондоне встречался с бывшим президентом Сейшельских Островов Мэнчемом, который попросил его оказать помощь в свержении правительства Рене и даже обещал разделить с ним власть.

Хор, конечно, согласился принять участие в операции не из-за любви к приключениям. Ему обещали в случае успеха примерно 110 тысяч долларов — в десять раз больше, чем «рядовым» наемникам.

Хор признал далее, что «новое правительство» должно было прибыть на Сейшелы в течение часа после переворота.

Признания Хора были настолько неприятными для южноафриканских властей, что на него попытались оказать давление прямо на суде. Генеральный прокурор провинции Наталь Сесил Риз недвусмысленно предупредил Хора, чтобы тот не раскрывал секретов, которые ему были доверены.

— Вам должно быть известно кардинальное правило каждой игры, полковник, — угрожающим тоном произнес он после того, как Хор заявил, что правительство, вооруженные силы и спецслужбы ЮАР, а также ЦРУ знали и принимали участие в подготовке заговора, — уважать обязательства партнеров и не раскрывать имена тех, кто вас поддерживал. Особенно если раскрывали перед вами секретную информацию... А вы своими заявлениями предаете тех, кто вам доверял.

Но старый наемник и глазом не моргнул. В этой ситуации ему было все предельно ясно. Ему надо было спасти свою шкуру.

— Конечно, в какой-то степени вы и правы, — недолго помолчав, ответил он генеральному прокурору. — Но мы делали все возможное, чтобы оградить правительство ЮАР от неприятных последствий.

— Вы должны были сдать властям, а не выдавать

тех, кто вам помогал,— настаивал Сесил Риз, не смущаясь присутствием в зале суда представителей прессы. (Он прекрасно знал, что в случае необходимости можно будет наложить арест на нежелательные публикации, а болтливых газетчиков наказать.)

— А мне казалось, что лучше всего закамуфлировать всю нашу операцию,— притворялся непонимающим Хор.

Прокурору не удалось «уговорить» Хора, и тот продолжал продавать своих хозяев, делая вид, что идет на такой шаг против своей воли, под нажимом обстоятельств, прикидываясь, что желает «установить справедливость» и вовсе не беспокоится о собственной судьбе. Его признания не просто доставили «неприятности» правительству ЮАР. Речи Хора привели в бешенство южноафриканского генерала Кнотце, который понадеялся на его «порядочность» и как-то предложил использовать для подготовки наемников армейский лагерь в западном Трансваале. «Предателем» назвал Хора заместитель директора НИС Н. Клаазенс, поддерживавший с ним связь от имени правительства. Именно Клаазенс сообщил наемнику в сентябре 1981 года, что кабинет министров ЮАР «полностью утвердил план переворота». Вместе с генералом Д. Хамманом из сил обороны ЮАР он обеспечил доставку оружия и боеприпасов для сейшельской операции со складов вооруженных сил прямо на дом Майклу Хору в провинции Наталь.

— Мы договорились с Клаазенсом и Хамманом, что нам найдут оружие советского и восточноевропейского производства. Таким образом, мы надеялись исключить обвинения против ЮАР в случае провала,— заявил на суде Хор и предъявил суду счет, выданный силами обороны ЮАР, в котором значилось 75 автоматов, около 24 тысяч патронов, 40 гранат, 10 базук и 100 снарядов к ним.

Ветеран наемничества, имеющий богатый опыт предательства своих братьев и хозяев, говорил на суде, не останавливаясь. Его показания, какими бы противоречивыми и запутанными ни были, прояснили картину заговора. Участие в нем правительства ЮАР, ЦРУ и разведок других западных стран стало еще более очевидным.

Когда попытка заставить Хора замолчать с помощью генерального прокурора Сесила Риза не увенчалась успехом, решили воспользоваться услугами судьи Джеймса. Он, не стесняясь, «давил» на Хора.

— Вот вы все время говорите о том, что происходило

до вашего отправления на Сейшелы. Но, полковник, кого это интересует? Оставьте ваши воспоминания при себе. Обвинения против вас касаются лишь тех обстоятельств, при которых вы покинули остров Маэ.

— Но, Ваша честь, мне не остается ничего другого, — снова играл в простачка Хор. — Ведь если я не расскажу предысторию, то кто поймет, как все происходило на Сейшелах? Поверьте, лучше будет, если я все расскажу, а потом поступайте как знаете...

После этого Хору был нанесен еще один удар. Его защитник, адвокат Майкл Хэннон, внезапно отказался от участия в процессе.

— Что же это такое?! — возмущался Хор. — Я ему заплатил больше 40 тысяч рандов, и вдруг он меня оставляет. Я ничего не понимаю!

Но понять было нетрудно: без защитника Хора было бы легче поймать на вранье и тем самым подвергнуть сомнению его показания об участии ЮАР и США в заговоре. Когда «полковник» взял защиту на себя и потребовал вызвать в суд в качестве свидетелей министра законности и порядка ЮАР ле Гранжа, бывшего президента Сейшельских Островов Джеймса Мэнчема, нескольких руководителей НИС и генералов вооруженных сил, то судья Джеймс, еле сдерживая улыбку, отказал ему и посоветовал больше не просить «о таких вещах».

— Вы сами не понимаете, что делаете, — сказал он. — Знаете, что может случиться? Они придут сюда, но скажут про вас такое, что вам потом придется еще труднее.

После признания Хора стали делать признания и другие наемники. Южноафриканец Патрик Эурель сказал, что перед группой «завсегдатаев пивных» была поставлена задача уничтожить президента Рене и членов его правительства.

— Нам заранее показали фотографии членов кабинета министров, — заявил он.

(Хор внес «поправку», сказав, что вначале нужно было арестовать министров, а только потом их уничтожить.)

Другой обвиняемый, англичанин Роберт Джонс-Дэвис, отрицал, что действия наемников были незаконными.

— Убийство министров было бы вполне законным, так как операция проводилась с одобрения правительства ЮАР, — сердито говорил он. — А я считал себя в какой-то степени солдатом армии ЮАР.

Джонс-Дэвис вполне искренне пытался уверить суд, что раз наемники получили задание от правительства ЮАР,

то, стало быть, никто не может подвергнуть сомнению правомерность их действия!

— Кроме всего прочего,— сказал он,— и при инструктаже нам повторяли, что переворот поддерживает правительство ЮАР, а также ЦРУ США. Чего вам еще нужно?!

Алекс Дикон, капрал 2-го разведывательного батальона, рассказал суду, что в операции против Сейшельских Островов должен был принять участие майор Уилли Уорд, командир 3-го парашютного батальона. Затем выяснилось, что Уорд поначалу должен был возглавить всю операцию, но затем от его услуг отказались. По словам другого обвиняемого, Уильяма Пола (кстати, специалиста по каратэ), Уорд планировал вовлечь в операцию большую часть своего батальона, чтобы избежать участия «случайных людей». Наемники в один голос утверждали, что все прошли специальную проверку, которую проводила контрразведка. Туллио Монета вспомнил, что однажды ему позвонил некий Антон и рекомендовал не брать на Сейшелы одного из наемников, так как у контрразведки были на него компрометирующие данные. «Больше об этом человеке я не слышал»,— сказал Монета.

Стефан Биддлкомб, служивший раньше наемником в родезийской армии и южноафриканских частях в Намибии, заявил, что когда полиция начала обыскивать его в Дурбане (после приземления похищенного самолета), он думал, что это инсценировка: «Ведь правительство ЮАР знало о нашей миссии».

Бывший солдат 1-го разведывательного подразделения Кристо Хилдебранд, кавалер высшей награды за храбрость, сказал, что он ни в чем не виноват, а вот австралиец Кеннет Дикон Келли давно уже служит в южноафриканской тайной полиции. На вопрос судьи, правда ли это, разозленный Келли процедил сквозь зубы: «Мне нечего сказать по этому поводу».

Почувствовав, что и о нем могут рассказать кое-что неприятное, разоткровенничался и помощник Хора Туллио Монета.

Вначале он сообщил, что контакт между наемниками, правительством и людьми бывшего президента Сейшел Мэнчема осуществлял кандидат от правящей Националистической партии в парламент ЮАР Норман Ривс.

— Мэнчем рыскал по всему свету в поисках группы, которая могла бы организовать переворот. На роль вице-президента был определен бывший министр в правитель-

стве Мэнчема Жерар Хоро. Он, кстати, мог бы стать и президентом, случись что с Мэнчемом. Мы были для него сущей находкой. Эти люди слышали о Майкле Хоре и считали его самым знающим человеком в Африке. Я полностью согласен с этим мнением. Полковник знал, например, что произойдет в Биафре задолго до начала гражданской войны в Нигерии... Так вот, Ривс и майор Уорд тайно встречались с Хоро. Они же вместе с нами участвовали в разработке плана вторжения. Полковник Хор говорил мне, что план был одобрен не только правительством ЮАР, но и ЦРУ, которое оказывало нам помощь, в том числе и финансовую. Связь с ЦРУ поддерживалась через некоего Мэннинга...

Затем Монета рассказал, что за два месяца до вторжения он под видом туриста ездил на Сейшелы «для сбора разведывательных данных».

— Я с удовольствием взялся за это дело: кроме возможности повоевать и свергнуть правительство коммунистов, меня устраивал и гонорар — 50 тысяч долларов за операцию плюс возмещение всех расходов, связанных с ней. Лидеры групп должны были получить по 30 тысяч долларов, а их помощники — по 20 тысяч...

Южноафриканские власти были вне себя после этих разоблачений. Министр обороны ЮАР генерал Магнус Малан вмешался в ход судебного разбирательства и запретил давать «любые показания, относящиеся к действиям замешанных в дело военнослужащих ЮАР и других наемников до захвата индийского самолета на Сейшелах». Министр пояснил, что это решение принято «в интересах государственной безопасности». Полиция ЮАР получила указания принять меры к ограничению газетных публикаций на эту тему. В середине мая 1982 года власти конфисковали ряд материалов в редакциях йоханнесбургских газет «Ранд дейли мэйл», «Санди таймс» и «Раппорт», в которых говорилось о показаниях агента НИС Мартина Долинчека и других наемников.

Вначале НИС полностью опровергла утверждения Долинчека о том, что он является кадровым сотрудником южноафриканской разведки. Затем под давлением доказательств было сделано новое заявление. «Он действительно работал в НИС, но ушел в отставку в сентябре 1981 года», — заявил представитель НИС южноафриканским журналистам. Однако английская газета «Санди таймс» (в номере от 4 июля 1982 года) сообщила, что за три недели до отправки Долинчека на Сейшелы руководство НИС награ-

дило его бронзовой медалью «За верную службу» — одной из высших наград разведки ЮАР.

В руки журналистов попала копия приказа НИС о поощрении Долинчека. Приказ подписал заместитель Барнарда А. Кнотце 4 ноября 1981 года, то есть через два месяца после того, как он якобы «уволнился» из НИС. В этом документе за № 1/533/9/1/1 с грифом «секретно» выражалось «одобрение» работы, проделанной Долинчеком в его подразделении № 051/02, и говорилось, что в соответствии со статьей 5/2 устава № 1670 он награждается медалью.

«Санди таймс» высказала предположение, что Долинчек получил «бронзу» за участие в подготовке плана вторжения на Сейшелы. Сам Долинчек этого не отрицал.

Барнард приказал «заткнуть рот» Долинчеку любым способом.

НИС пошла на риск и направила на Сейшелы трех своих сотрудников с заданием выведать, что еще рассказал Долинчек, и принять меры к его уничтожению. Герхардус Х. Ротмэн и Эверт Йоханнес де Вет прибыли в Викторию под видом туристов. Однако им не удалось выполнить приказ Барнарда. Вместе со своим третьим «коллегой» они познакомились с майором сейшельской армии Ролли Мари и за кружкой пива попытались выудить у него сведения о результатах допроса Долинчека. Это показалось майору странным, и он сообщил властям о подозрительных туристах. Узнав, что их разыскивает полиция, шпионы поспешили вернуться в ЮАР.

Сейшельские власти опубликовали имеющиеся данные на южноафриканских шпионов:

Эверт Йоханнес де Вет, родился 29.10.41, паспорт № 555528;

Герхардус Х. Ротмэн, родился 15.1.32, паспорт № P501960.

Имя третьего агента сейшельцам установить не удалось, однако йоханнесбургская газета «Ранд дейли мэйл» из одного источника узнала, что им мог быть некий Луис Штейн, про которого говорили, что он «мог застрелить собаку на расстоянии 500 метров».

Долинчек опознал двоих сотрудников НИС по фотографиям. После появления сообщений об этом в печати он сделал любопытное заявление.

— Я разговаривал по телефону со знакомым агентом ЦРУ, который позвонил мне из ЮАР, и тот сказал, что директор НИС распорядился убить меня,— сказал он журналистам.

Оставим в стороне опасения Долинчека за свою жизнь. Откуда появился «агент ЦРУ»? И как ЦРУ могло узнать о наверняка секретном приказе Нейла Барнарда? Являются ли эти слова Долинчека хитрой уловкой опытного шпиона, стремящегося увести следствие в сторону, или же за ними скрывается связь наемников с американской разведкой?

Постепенно стало явлю, что наемники чувствовали за собой мощную поддержку не только спецслужб ЮАР, но и стран НАТО, и прежде всего США.

Вашингтон особенно раздражали усилия правительства Рене, направленные на ликвидацию американских военных баз в Восточной Африке, и особенно базы на острове Диего-Гарсия, которые рассматриваются сейшельским правительством как реальная угроза миру и стабильности в этом районе.

На допросе Долинчек сделал еще одно любопытное заявление:

— Если бы переворот удался, он полностью изменил бы равновесие сил в Индийском океане в пользу всего западного мира.

Результаты расследования, как подчеркивала английская газета «Дейли телеграф» в номере за 11 января 1982 года, показали, что «ряд западных спецслужб, в том числе и ЦРУ, был осведомлен о подготовке переворота и мог даже втайне оказывать этой акции поддержку».

Когда представитель госдепартамента Фишер официально опроверг сообщения о причастности США к вторжению наемников на Сейшелы в ноябре 1981 года, лишь немногие вспомнили короткую заметку в вашингтонском журнале «Америкэн релэйшнз» (орган Института американских отношений, известного своими связями с американской разведкой), опубликованную в сентябрьском номере за 1981 год — за два месяца до неудачной авантюры Майкла Хора. Она называлась «Переворот на Сейшелах?». В ней говорилось, что «Соединенные Штаты не желают иметь педружественное государство в районе пересечения важных морских путей», и с удивительной прозорливостью утверждалось: «Ждите волнений на Сейшелах в ближайшие месяцы».

За месяц до вторжения наемников президент Рене в интервью журналу «Африк-Ази», издающемуся в Париже, предупреждал о растущей угрозе революции со стороны американского милитаризма. «Попытки дестабилизации не прекратились,— говорил он.— Прогрессивные страны

представляют собой наиболее вероятные мишени американской агрессивной политики, в частности после принятого США решения обучать, вооружать и финансировать ангольских, мозамбикских, кхмерских, афганских и других контрреволюционеров, саботировать решения ООН по Намибии, увеличивать поддержку расистскому режиму ЮАР, пытаться свергнуть силой режим Каддафи и считать «террористами» всех бойцов освободительных движений...»

Любопытный факт привела кипрская газета «Неа». В середине ноября 1981 года — всего за несколько дней до вторжения наемников — Викторию посетил высокопоставленный чиновник госдепартамента США, курирующий связи с Кенией и Сейшельскими Островами Ричард Росс, который пытался склонить президента Рене к изменению внешнеполитического курса. «Росс пришел к выводу, — пишет газета, — что «правительство Рене зашло слишком влево». Вскоре после этой беседы Центральному разведывательному управлению был дан зеленый свет на подготовку переворота.

Журналисты во всем мире задавали вопрос: кто оплачивал счета наемников, кроме ЮАР? По примерным оценкам, стоимость антисейшельской акции составляла около 5 миллионов долларов. Вряд ли такую сумму могли осилить сейшельские эмигранты, на которых пытались свалить ответственность за высадку наемников ЮАР и США. Йоханнесбургская газета «Стар» (25 ноября 1981 года) уверенно заявила, что наемники были завербованы на деньги ЦРУ. Ее мнение разделяла дурбанская «Санди трибюн», ссылающаяся в подтверждение этого факта на «различные источники в кругах наемников в ЮАР». По словам газеты, некоторые родезийские «солдаты удачи» в частных беседах признавали, что за этой операцией наряду со спецслужбами ЮАР стоит ЦРУ.

7 июля 1982 года Верховный суд Сейшельских Островов приговорил 4 наемников, участвовавших в заговоре с целью свержения сейшельского правительства, к смертной казни. Это — бывшие родезийцы Фрэнк Брукс и Роджер Инглэнд, южноафриканец, «ветеран Конго» Джеремия Пурен и англичанин Бернард Кэри. Роберт Симс — зять Майкла Хора — получил 10 лет, а Мартин Долинчек — 20 лет тюремного заключения.

А через 20 дней закончился и суд в Питермарицбурге. Тут картина была другая. Когда судья Джеймс зачитал приговор, то зал, полный друзей и родственников преступ-

ников, огласился радостными криками и рукоплесканиями.

— Суд приговаривает,— медленно начал Джеймс,— Майкла Хора к десяти годам заключения, Питера Даффи — пяти годам, Майкла Уэбба, Кеннета Далглейша и Чарльза Гоатли — к двум с половиной годам, а Вернона Принслоу — к одному году тюрьмы.

Другие 34 наемника приговаривались к 6-месячному заключению.

Через день после объявления приговора премьер-министр ЮАР Бота выступил по радио и телевидению и заявил, что «вполне удовлетворен» наказанием, которое получили наемники. Он даже дал понять, что приговор для Хора мог бы быть и строже, однако суд принял во внимание его преклонный возраст — 63 года. Но дело не в возрасте.

Относительная суровость приговора Майклу Хору объясняется, пожалуй, стремлением властей наказать наемника за его излишнюю болтливость. Суд сделал все, чтобы представить показания «бешеного Майка» ложью, запутать дело так, чтобы никто не смог докопаться до правды. Претория решила пожертвовать Хором и его сообщниками, которых сама же наняла для проведения переворота на Сейшелах. Власти ЮАР избавились от опасного свидетеля, засадив его на долгий срок за решетку. В этом случае они были последовательны: ведь предупредили же наемников после их приземления в Дурбане, чтобы они держали язык за зубами. Те, кто прислушался к угрозам, получили меньшие сроки и могли в будущем рассчитывать на дополнительное снисхождение. А «бешеный Майк», попытавшийся спасти свою шкуру и раскрывший планы правительства ЮАР, был наказан.

Конечно, легко представить себе разочарование Хора, Даффи и других наемников, бывших в полной уверенности, что все их деяния будут прощены, как это случалось и раньше.

— Как же так?! — ошеломленно спрашивал Даффи своего шефа после оглашения приговора. — Ведь это же предательство! Нам же обещали! Мы же были на службе правительства!

— Ничего, ничего, — успокаивал его Хор. — Может быть, они специально так сделали, чтобы больше никто не придирался к ЮАР по поводу Сейшел. Ну отсидим немного, а потом выпустят.

Но Даффи был неутешен: все его планы рушились.

Вместо безбедного существования в качестве бизнесмена на Сейшелах, о чем он мечтал в случае удачной попытки переворота, ему придется провести ближайшие годы в унылой камере питермарицбургской тюрьмы.

Наемники мгновенно подали апелляции и заявили журналистам, что уверены в сокращении срока тюремного заключения.

Итак, суд закончился. Преступники осуждены. Кто теперь осмелится обвинить ЮАР в потворстве преступникам или же соучастию в заговоре против Сейшельских Островов?

Еще до вынесения приговора в Питермарицбурге в западной печати появились сообщения о том, что бывший президент Сейшельских Островов Мэнчем намерен продолжить «борьбу за свободу островов», утверждалось, что в некоторых западных странах, а также в ЮАР снова вербуются наемники. Правительство Сейшельских Островов выступило с рядом заявлений по этому поводу, в которых обращало внимание на сохраняющуюся угрозу независимости страны и требовало от западных держав принять меры по нейтрализации деятельности антисейшельских элементов на территории их стран.

Вскоре враги народной власти на Сейшелах предприняли новую попытку переворота.

17 августа 1982 года — меньше чем через месяц после окончания суда в Питермарицбурге — жители Виктории были разбужены выстрелами и взрывами. Радио сообщило, что «революционные солдаты» сейшельской армии подняли оружие, протестуя «против армейского руководства», захватили 239 заложников, в том числе и некоторых министров, а также 6 наемников, осужденных за участие в попытке государственного переворота. Воспользовавшись отсутствием президента Рене (он находился на Амирантских островах — в 400 километрах от Виктории), мятежники повели себя активно. Они заявили, что захватят власть, если правительство не выполнит их требования: сместить ряд офицеров, уволить в отставку нескольких министров. Руководителем «восстания» объявил себя некий сержант Дж. Николе.

Как только верные президенту подразделения начали теснить мятежников, Николе позвонил в редакцию южноафриканской газеты «Ранд дейли мэйл» и попросил передать правительству ЮАР, что он нуждается «в срочной помощи».

— Передайте министру иностранных дел, что нам нуж-

пы подкрепления и оружие, — кричал в трубку сержант. — Мы контролируем радиостанцию, аэропорт, заминировали порт, держим у себя министра обороны и министра информации. Кроме того, мы освободили шесть наемников. Передайте, что мы еще продержимся, но сил мало!

Николе пригрозил, что если помощь не будет предоставлена, то «революционные солдаты» уничтожат заложников и взорвут все бензозаправочные станции города.

Крик о помощи сержанта Николе, наверное, вызвал немало неприятных ощущений у членов кабинета премьер-министра ЮАР Боты. Ведь такой призыв, да еще в такое время, мог расцениваться как по крайней мере косвенное свидетельство причастности ЮАР к организации мятежа. Кроме того, в памяти еще были свежи воспоминания о неудачной попытке переворота с помощью наемников.

Мятежники не смогли удержать своих позиций: под давлением правительственных войск они отступили в казармы, а потом сдались.

Анализируя причины мятежа, президент Рене заявил, что целью заговора было свержение правительства, а не «смена нескольких офицеров».

В конце октября 1982 года была предпринята еще одна попытка совершить вторжение на Сейшелы. Вот как об этом сообщила лондонская газета «Санди таймс»: сейшельские эмигранты получили оружие с борта самолета южноафриканской компании «Саут Африкэн эйруэйз» в лондонском аэропорту Хитроу. Журналисты узнали об этом и проследили за заговорщиками. Они остановились в гостинице «Карлтон тауэр» в номере 412. Скотланд Ярд установил в номере подслушивающее устройство, с помощью которого были получены убедительные факты об очередном заговоре против правительства президента Рене. Полиция арестовала постояльцев номера 412. Ими оказались: Жерар Хоро, бывший первый секретарь сейшельского посольства в Лондоне Эдмонд Камиль и Поль Шоу, который когда-то владел газетным киоском на островах.

Хоро, взбешенный после очередного провала вторжения наемников Майкла Хора, поклялся своему боссу Мэнчему, что не оставит попыток свержения сейшельского правительства, «пока он жив».

Он прибыл в Лондон 30 сентября 1982 года, чтобы начать подготовку к очередному заговору. Вначале бандиты намеревались провести серию взрывов в общественных зданиях на Сейшелах, чтобы запугать население и вызвать панику. После этого на острова должны были прибыть

300 южноафриканских наемников, чтобы свергнуть президента Рене. Хоро рекомендовал своим коллегам подготовить для диверсантов форму военнослужащих сейшельской армии, чтобы затем выдать взрывы и убийства за дело рук «недовольных элементов в вооруженных силах». Некоторые политические и общественные деятели республики должны были погибнуть уже в ноябре 1982 года. В списке были министр обороны О. Берлуи, бывший министр сельского хозяйства М. Сервина.

Двое из заговорщиков погибли в результате собственной небрежности: они подорвались на бомбе, которой хотели убить министра обороны Сейшельских Островов О. Берлуи, когда тот находился с неофициальным визитом в Лондоне. «Санди таймс» сообщила, что убийцы получили финансовую поддержку из ЮАР, которая причастна к подготовке этого переворота.

Претория сразу попыталась отвергнуть эти обвинения.

Но даже спустя полтора года после этой провокации южноафриканские политики продолжали выступать с противоречивыми заявлениями, обвиняли друг друга «в сокрытии истины», — словом, вели себя как пауки в банке. Премьер-министр ЮАР П. Бота не нашелся что сказать, когда в парламенте уже в феврале 1983 года ему задали прямой вопрос: знал ли он заранее о готовящейся высадке наемников на Сейшелы? А ведь мог бы уже и «подготовиться».

Министр обороны ЮАР генерал М. Малав, отвечая на такой же вопрос, был по-военному краток: «Я ничего не знал об этом».

«В таком случае это — потрясающий министр! — заявил депутат от правой Консервативной партии Ф. Хартцеберг (кстати, ярый расист, сторонник «политики силы» в отношении соседних африканских государств). — Его солдаты едут и совершают государственный переворот, а он ничего не знает!»

Кстати, всего через четыре месяца после оглашения приговора 34 террориста из шайки «бешеного Майка» оказались на свободе. Южноафриканские власти заявили, что их освободили «за примерное поведение».

Не забыты были и те, кто пытался докопаться до правды в ходе судебного разбирательства над бандой Хора. Почти одновременно с освобождением наемников четверем южноафриканским журналистам из «Рэнд дейли мэйл» и «Санди таймс» (Р. Гибсону, Т. Майбургу, К. Киндслею и Ю. Хуго) были предъявлены обвинения в нарушении так

называемого «закона об информации», запрещающего, в частности, разглашение любых сведений, касающихся деятельности НИС. В апреле 1982 года редакции этих газет подверглись обыску, и ряд материалов об участии правительства ЮАР в заговоре против Сейшельских Островов был конфискован. Британская газета «Гардиан» сообщала, что приказ о «расследовании» деятельности этих журналистов подписал сам Н. Барнард, репутацию которого так подпортили опубликованные во многих газетах признания его бывшего подчиненного Долинчека.

Судебный процесс над журналистами состоялся при закрытых дверях в марте 1983 года. Не было опубликовано никаких подробностей — свидетельских показаний, выступлений обвинителей или обвиняемых. Просто было сообщено, что подсудимые оштрафованы на сумму от 300 до 800 рандов каждый.

После объявления приговора Т. Майбург заметил: «Достоин удивления тот факт, что по окончании сейшельской авантюры военные, предоставившие оружие наемникам, все еще занимают свои посты, а журналисты подвергаются преследованиям». Что ж, таков режим апартеида.

Наказали и сотрудника НИС Долинчека, отбывающего срок на Сейшелах. Через 6 месяцев после того, как его арестовали на Сейшелах, он был уволен из Национальной разведывательной службы «за самовольное отсутствие на работе без уважительной причины»! А затем и сам премьер-министр П. Бота был вынужден признать (но уже в феврале 1983 года), что во время совершения высадки наемников на Сейшелы Долинчек состоял на службе НИС (об этом, в частности, сообщила 10 февраля 1983 года йоханнесбургская газета «Стар»).

Разоблачение сговора американского империализма и южноафриканского расизма вновь показало, насколько интересы США противоречат интересам африканцев. Провал авантюры на Сейшелах, как писал английский еженедельник «Обсервер», — это удар по планам США в Индийском океане.

* * *

Не только Сейшельские Острова, но и Маврикий, Мадагаскар давно уже стали объектами подрывных действий западных и южноафриканских разведок, стремящихся насадить в этих странах марионеточные режимы. «Попытки дестабилизации» на островах Индийского океана, как

писал французский журнал «Монд дипломатик» в январе 1982 года, проводились с помощью «нерегулярных вооруженных сил, вербуемых специально для данного случая».

В мае 1978 года группа бандитов из Франции и Бельгии во главе с французским наемником Бобом Денаром свергла правительство Коморских Островов, убила президента Али Суалиха и восстановила власть бывшего президента Ахмеда Абдаллы, который встал «на защиту» западных интересов на Коморах и в Индийском океане.

Захват Коморов характерен тем, что наемники не убрались восвояси после окончания операции, а поселились на островах, перевоплотившись в командный состав президентской гвардии, руководителей экспортно-импортных контор, воздушного транспорта. Это единственное государство в мире, которое управляется наемниками. Остался на острове и Боб Денар — в качестве «сопрезидента», чтобы контролировать действия Ахмеда Абдаллы и поддерживать «стабильность». Теперь Боба зовут Саид Мустафа М. Хаджу. Ему принадлежит 60 процентов акций в местной компании почт и телекоммуникаций. Остальными 40 процентами владеет президент Абдалла.

После переворота Коморские Острова заключили секретное соглашение с ЮАР, по которому ЮАР получила разрешение на строительство телекоммуникационной станции на Коморах в обмен на экономическую «помощь».

На островах был создан огромный лагерь для подготовки наемников. Он находится в Кандаани. Здесь же расположена англо-американская станция «глубоководных исследований» — странное соседство (кстати, эта станция до сих пор ничем не обогатила мировую океанографию).

Судя по всему, Денару дали «отдохнуть» за особые заслуги перед разведками США, Франции и ЮАР. Издающийся в Лондоне журнал «Нью Африкен» напоминает, что он, выполняя задание французской разведки, в 1970 году попытался свергнуть правительство Ахмеда Секу Туре в Гвинее, а в 1977 году руководил высадкой наемников в Бенине. Денар отличился в Катанге (старое название заирской провинции Шаба), в Родезии и, как отмечает «Монд дипломатик», оказал значительные услуги французской контрразведке (СДЕСЕ) и американскому ЦРУ в вербовке наемников для войны в Анголе. Не исключено, пишет журнал, что Боб Денар и его люди косвенно участвовали и в операции на Сейшельских Островах 25 ноября 1981 года. С 19 ноября по 8 декабря главарь наемников жил в Моро-

ни, на Коморских островах, где сделал промежуточную посадку свазилендский самолет с наемниками.

Режим, установленный на Коморах, очень устраивает и Преторию, и Вашингтон. Видимо, такая же участь ожидала и Сейшелы.

* * *

25 июля 1981 года «Вашингтон пост» сообщила, что члены комиссии по делам разведки палаты представителей конгресса США потребовали от президента Рейгана объяснений по поводу некоего плана ЦРУ, о котором в общих чертах сообщил им бывший в то время заместителем директора ЦРУ Макс Хугел. По словам газеты, этот план касался «подрывной акции в Африке с целью свержения иностранного правительства» и «заговора с целью убийства африканского лидера». В августе влиятельная американская газета «Уолл-стрит джорнэл» заявила, что речь шла о готовящейся ЦРУ операции по убийству тогдашнего генерального секретаря партии Маврикийское боевое движение (МММ) Поля Беранже. Газета утверждала, что для этой цели уже завербованы наемники.

Почему Центральное разведывательное управление США решило ликвидировать П. Беранже?

Вот как ответил на этот вопрос журнал «Африка — Азия». «Ни правительство Рейгана, ни расисты Претории, — писал журнал, — не могут примириться с мыслью о том, что остров Маврикий может встать на путь социализма и проводить политику неприсоединения».

Дело в том, что Маврикию принадлежит остров Диего-Гарсия — военная база США в Индийском океане, и прогрессивные силы Маврикия все настойчивее требуют прекращения незаконной его оккупации вооруженными силами США. Диего-Гарсия — маленький остров, входящий в состав архипелага Чагос, его территория составляет всего 25 квадратных километров. Диего-Гарсия расположен в самом центре Индийского океана и представляет собой идеальное место для военно-морской базы.

В 1966 году Диего-Гарсия фактически был отторгнут Англией от Маврикия в качестве условия предоставления независимости маврикийскому народу. При этом Лондон обязался не использовать остров в военных целях. Заявление это было насквозь фальшивым: как раз тогда в английском министерстве обороны разрабатывались планы создания так называемой «Британской территории Индий-

ского океана», куда должны были войти в качестве «стратегического резерва» наиболее выгодно расположенные острова, принадлежавшие Сейшелам и Маврикию. Причем еще со времен второй мировой войны Англия держала на острове Диего-Гарсия радиостанцию военно-морских сил.

После провозглашения независимости Маврикия правительство Великобритании отдало остров Диего-Гарсия в аренду Соединенным Штатам сроком на 50 лет вопреки Декларации ООН, принятой в декабре 1960 года, которая запрещает расчленение какой-либо территории, когда ей предоставляется независимость. Коренные жители Диего-Гарсия обманным путем были выселены на Маврикий. Никто не спрашивал их согласия на строительство на острове военной базы. Таким образом, Лондон и Вашингтон нарушили Всеобщую декларацию прав человека, гласящую, что никого нельзя принуждать к изгнанию; каждый имеет право возвратиться на родину. А вот этого права лишили жителей Диего-Гарсия.

Чтобы было понятней значение Диего-Гарсия для Пентагона, приведем несколько фактов. В 1975 году, после получения острова в «аренду» от Великобритании, США вложили 32 миллиона долларов в строительство там военно-морской базы. В начале 1981 года Пентагон запросил у конгресса 158,9 миллиона долларов для ее «модернизации». Диего-Гарсия считается ключевой базой американских ВМС, координирующей действия американских «сил быстрого развертывания» в западной части Тихого океана, Южной Азии, Персидском заливе и в обширном регионе от Восточной Африки до Южной Атлантики. На острове Диего-Гарсия могут базироваться атомные подводные лодки, включая самые современные типа «трайидент».

Вот почему все требования народа Маврикия вернуть ему остров Диего-Гарсия рассматриваются Пентагоном чуть ли не как угроза «национальной безопасности США».

Вот почему Поль Беранже стал врагом США. Однако Белый дом сразу опроверг сообщение «Уолл-стрит джорнэл», хотя провокации против Маврикия продолжались. (Выступая 14 мая 1982 года на митинге в маврикийском городе Мазбур, Поль Беранже сообщил, что его партия располагает документами и фактами, свидетельствующими о продолжающемся вмешательстве ЦРУ в политическую жизнь страны накануне всеобщих выборов).

Эхо провокации на Сейшелах еще долго слышалось во

всем мире, несмотря на попытки определенных кругов на Западе заглушить его.

То и дело всплывали новые факты, свидетельствовавшие о том, что враги Африки и не думают прекращать своей подрывной деятельности.

В середине 1982 года в руки журналистов попало любопытное письмо, направленное американской компанией «Авиэйшн персонэл интернэшнл» командующему ВВС ЮАР генерал-майору Мюллеру. Письмо было датировано 6 апреля 1982 года. Вот его содержание.

«Господин генерал!

В соответствии с нашим соглашением от 12 декабря 1981 года направляю Вам личные дела пилотов, которые, на наш взгляд, удовлетворяют Вашим требованиям. Упомянутые пилоты специально обучены управлению боевыми вертолетами типа УАН-64 и хорошо подготовлены для ведения боевых действий в условиях джунглей.

Еще раз напоминаем, что наша фирма лишь подбирает пилотов и рекомендует их, а ответственность за их использование в военных операциях целиком и полностью лежит на Ваших представителях. Согласно инструкциям компетентных правительственных органов США, а также в силу ряда политических факторов подобная посредническая деятельность нашей организации требует с Вашей стороны соблюдения абсолютной секретности в полном соответствии с данными Вами ранее гарантиями. Это особенно важно в связи с обстоятельствами, возникшими в результате сейшельской акции. Мы не намерены вновь подвергать себя риску, сопряженному с недостаточно внимательным анализом конкретной обстановки.

Надеемся, что Вы согласитесь с нашими соображениями и будете удовлетворены дальнейшим характером наших деловых отношений. Мы полностью понимаем Ваше положение и поэтому будем по-прежнему подбирать для Вас товарищей по оружию, надежных во всех отношениях».

Текст письма стал дополнительным доказательством сотрудничества между спецслужбами США и ЮАР в подготовке заговоров против прогрессивных режимов в африканских странах. Причем руководство «Авиэйшн персонэл» даже предупреждало Преторию о необходимости более тщательной обработки всех деталей вторжения («мы не намерены вновь подвергать себя риску...»).

Кстати, корреспондент зимбабвийской газеты «Геральд» (которая опубликовала письмо) попытался выяснить под-

робности этой тайной операции и связался со штаб-квартирой «Авиэйшн персонэл» в Новом Орлеане (США). Однако узнать ничего не сумел: президент компании Дж. Баден сделала вид, будто документ составлен без ее ведома. А того лица, кто подписал письмо, на работе не оказалось, и когда он появится, никто не знал. Руководство компании решило вообще не реагировать на газетные «выпады»: кто и какое обвинение может предъявить ей? Бизнес, которым занимается компания, вполне законный, налоги платятся исправно, что еще нужно? А что касается наемников, то это падо доказать. И вообще, кому какое дело? Разве мало в США фирм, практически открыто вербующих наемников для других стран, в том числе и для ЮАР? Все они действуют без всяких препятствий.

Сенсация о тайных связях «Авиэйшн персонэл» с расистским режимом ЮАР продержалась недолго на страницах западной печати. О ней перестали писать практически через день. Такая же участь постигала и другие сообщения, касавшиеся преступных связей США с режимом апартеида или же подрывных действий ЦРУ в Африке. Видимо, дело тут не обошлось без длинной руки спецслужб. Возможно, что сказалась и клановая солидарность газетных магнатов.

Почти незамеченными поэтому остались и другие сенсации. 27 марта 1982 года американская газета «Пиплз уорлд» сообщила, что ЦРУ готовит заговор с целью свержения правительства Дж. Ролингса в Гане, которое, придя к власти в конце 1981 года, сразу же заявило о своей решимости проводить антиимпериалистический курс. По словам газеты, сценарий переворота как две капли воды походил на план свержения правительства Сейшельских Островов в ноябре 1981 года. ЦРУ начало вербовку для ганской авантюры наемников в Англии, других западных странах, а также в ЮАР. Для операции была выделена солидная сумма денег. Сведения о заговоре просочились в печать после того, как один из наемников, бывший офицер британской армии Ник Холл, выболтал газетчикам детали предстоящей акции. Холл заявил, в частности, что подготовка переворота «находится в завершающей стадии» и что из Вашингтона в Лондон уже прибыл его связник — ганец по национальности — Квези Офори, доставивший полученные от ЦРУ 180 тысяч долларов для вербовки дополнительного числа наемников и еще 80 тысяч — на проведение операции. Оружие наемники собирались приобрести в ЮАР. После этого они планировали нанести удар

сразу по нескольким ганским городам и спровоцировать в стране антиправительственные беспорядки...

Незапланированная утечка информации помешала осуществлению этой провокации. Высадки наемников в Гане в 1982 году не произошло. Но уж слишком большие деньги были потрачены. Неужели впустую?

— Я не думаю,— прокомментировал это сообщение в разговоре с автором этих строк один из зимбабвийских журналистов.— История независимой Африки показывает, что империализм впустую денег не тратит. Если капитал вложен — он должен окупиться. И неважно, в какой форме это произойдет. Если при этом погибнут сотни невинных людей, будут разрушены города и деревни, сожжены посевы, взорваны школы и больницы — не беда. Главное — добиться поставленной цели.

Именно так действуют спецслужбы США и ЮАР в отношении многих африканских стран, и прежде всего народной Анголы, против которой империализм и расизм ведут необъявленную войну с 1975 года.

НЕОБЪЯВЛЕННАЯ ВОЙНА ПРОТИВ АНГОЛЫ

«Наша озабоченность положением в Южной Африке — от Заира до Кейптауна — вытекает из стратегической, политической и экономической важности этого региона для Соединенных Штатов и западного мира... Ставки слишком высоки, угроза нашим интересам слишком велика, чтобы мы ограничились нашим участием в проблемах этого района мира» — так говорил в июне 1981 года помощник госсекретаря США по африканским делам Честер Крокер.

Действительно, «участие» США в проблемах юга Африки стало очень заметным. Это в полной мере почувствовали на себе «прифронтовые»¹ государства, которые находятся на переднем крае борьбы против южноафриканских расистов. Наиболее характерно выявляется суть этого «участия в проблемах» Африки на примере совместных действий спецслужб США и ЮАР против Народной Республики Ангола в 1975 году.

Ангольский народ завоевал независимость в результате многолетней упорной борьбы, которую возглавила партия Народное движение за освобождение Анголы (МПЛА). 11 ноября 1975 года была провозглашена независимая Народная Республика Ангола. Ее признало большинство государств мира. Однако приход к власти в этой стране прогрессивных сил, заявивших о решимости бороться против остатков колониализма, южноафриканского расизма и происков империализма, пришелся не по вкусу Претории и особенно Вашингтону.

Администрация США сразу же заняла откровенно враждебную позицию в отношении народного правитель-

---

¹ «Прифронтовые» государства — Мозамбик, Ангола, Замбия, Танзания, Ботсвана, а с 1980 года — и Зимбабве. — *Прим. авт.*

ства Анголы и попыталась насильственным путем свергнуть его.

ЦРУ было выделено около 100 миллионов долларов для оказания помощи двум контрреволюционным группировкам — «Национальному союзу за полную независимость Анголы» (УНИТА) и «Национальному фронту освобождения Анголы» (ФНЛА), которые возглавлялись ставленниками ЦРУ Ж. Савимби и Х. Роберто. Транспортные самолеты ВВС США доставляли оружие и боеприпасы на базы УНИТА и ФНЛА в Заире. В бандитских отрядах появились американские военные советники, инструкторы, наемники.

Несколько слов об этих бандитских организациях.

УНИТА был создан в марте 1966 года. К его появлению причастно не только ЦРУ, но и португальская охранка ПИДЕ. С самого начала своей деятельности УНИТА выступал против МПЛА, опираясь на военную и финансовую помощь западных спецслужб. С 1975 года Савимби открыто сотрудничает с расистским режимом ЮАР и получает оттуда значительную помощь. Около десятка баз УНИТА расположены на территории Намибии, под охраной вооруженных сил ЮАР. переброска террористов УНИТА в Анголу проводится вертолетами и автомашинами оккупационных войск ЮАР в Намибии. УНИТА имеет своих агентов в США, Португалии, Великобритании, Франции, Бельгии, Канаде и получает от этих стран разнообразную помощь. Главари бандитских формирований проходят военную подготовку в ЮАР, США, Великобритании и Канаде.

ФНЛА образовался в 1962 году. Его председатель — Холден Роберто (он же Жозе Жилмор), бывший сотрудник гвинейского посольства в Вашингтоне, где и был завербован ЦРУ. ФНЛА действует в северных и северо-восточных провинциях Анголы, в основном с территории Заира (там расположено более 10 баз). В середине 1980 года в этой организации произошел раскол, в результате чего появилась еще одна бандитская группа — «Военный комитет ангольского сопротивления» (КОМИРА), — которая финансируется посольством США в Заире.

Но несмотря на поддержку США, военные позиции УНИТА и ФНЛА быстро ухудшались. Тогда в войну против Анголы были брошены отборные подразделения вооруженных сил ЮАР. Так началась открытая агрессия против Анголы.

Молодая республика, не имевшая еще собственной ре-

гулярной армии, не располагавшая достаточными средствами для отражения агрессии ЮАР и подрывной деятельности внутренней контрреволюции, обратилась за помощью к странам социализма, ко всем прогрессивным силам. Верные своему интернационалистскому долгу, социалистические государства направили в Анголу оружие, боеприпасы, медикаменты, продовольствие. Прибыли в Анголу и кубинские военнослужащие. Благодаря этой помощи ангольцы смогли ликвидировать угрозу народной власти. Правительство НРА попросило Кубу оставить на территории страны своих военнослужащих до тех пор, пока сохраняется опасность агрессии со стороны ЮАР. Законность такой просьбы неоспорима — ведь Устав ООН предусматривает право правительств суверенных государств в случае необходимости обращаться за помощью к любой стране.

Руководители Анголы и Кубы неоднократно подчеркивали, что кубинский воинский контингент находится в Анголе по просьбе правительства НРА с того момента, как она стала жертвой интервенции со стороны южноафриканской расистской армии.

Действия США и ЮАР в Анголе вызвали волну протестов во всем мире. Простые американцы, у которых еще свежи были воспоминания о вьетнамской аванюре США, требовали прекращения необъявленной войны Вашингтона в Африке. Под давлением общественного мнения конгресс США вынужден был принять в 1976 году закон, запрещающий ЦРУ оказание тайной или явной помощи УНИТА и ФНЛА. Этот закон известен под названием «поправка Кларка» — по имени сенатора, сформулировавшего его основные пункты.

Однако «поправка Кларка» не положила конец проискам американского империализма в Анголе. Контакты США с ангольской контрреволюцией не были прерваны. Не отказался Белый дом и от попыток дестабилизировать обстановку в Анголе с помощью расистского режима ЮАР.

В марте 1976 года южноафриканские войска, потерпевшие ряд поражений в Анголе, были вынуждены отойти в Намибию. В связи с этим южноафриканские расисты и американские империалисты решили изменить методы подрывной деятельности, сделав еще больший упор на помощь контрреволюционным группировкам УНИТА, они стали наносить отдельные массированные удары по территории Анголы.

С 1976 по 1980 год ЮАР провела более 400 вооруженных акций на территории Анголы, в ходе которых погибло много мирных жителей; были уничтожены деревни, посевы, скот. Убедившись, что подобные провокации не приносят желаемых результатов, в марте 1980 года ЮАР усилила террористические действия против Анголы, а в июне вновь совершила вторжение на ангольскую территорию, захватив обширные районы на юге страны, а также крупные населенные пункты, в том числе Монгва, Эвале, Куамато, Мулемба. Оккупанты уничтожали все промышленные и сельскохозяйственные предприятия, сжигали постройки, угоняли скот. В некоторых местах войска агрессора продвинулись на глубину до 140 километров. В августе 1981 года южноафриканская военщина начала новое крупное вторжение под кодовым названием «операция Протея». В нем участвовало 11 тысяч солдат мотопехоты и батальон танков при поддержке тяжелой артиллерии, самолетов, вертолетов. В августе и ноябре южноафриканские войска продвинулись на глубину до 200 километров, применяя на своем пути «тактику выжженной земли». В конце лета 1982 года расисты вновь напали на южные районы Анголы, нанеся им огромный ущерб, и расширили район оккупации.

В результате массированных нападений ЮАР на Анголу в 1981—1982 годах расистам удалось захватить около 50 тысяч квадратных километров ангольской территории к югу от реки Кунене. Материальный ущерб, причиненный Анголе агрессивными действиями ЮАР с 1975 по конец 1982 года, превысил 10 миллиардов долларов.

Американские правительственные круги не скрывали своего удовлетворения результатами нападений ЮАР на Анголу. В сентябре 1981 года США в очередной раз наложили вето в Совете Безопасности ООН на проект резолюции, осуждающий ЮАР и требующий немедленного вывода южноафриканских войск из Анголы.

Пытаясь оправдать свои преступления, ЮАР ссылается на то, что Ангола оказывает помощь патриотам Намибии, которых Претория и Вашингтон зачислили в разряд «террористических движений». Действительно, Ангола поддерживает патриотов Намибии в их борьбе за обретение свободы и независимости, руководствуясь решениями Организации Объединенных Наций, признавшей СВАПО единственным и законным представителем народа Намибии, а также резолюциями Организации африканского единства. И все это — в соответствии с

Декларацией ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам.

На деле все действия ЮАР продиктованы одним стремлением — подавить национально-освободительное движение африканских народов, расправиться с прогрессивными режимами, и в первую очередь в Анголе, попытаться спасти от полного и окончательного разгрома банды террористической группировки УНИТА, состоящие на службе режима Претории.

В составе оккупационной армии ЮАР, вторгшейся в южную часть Анголы, действуют подразделения наемников (в том числе из США), завербованных ЦРУ и НИС, и прежде всего 32-й батальон «Буффало».

АРМИЯ УБИЙЦ

Лейтенант Жозе Рикарду Бельмунду, 30-летний паемник, на торжественной церемонии был произведен в капитаны. Подполковник Деон Феррейра, командующий 32-м батальоном, лично выдал ему погоны с тремя бычьими головами на каждом, произнес дежурное поздравление («Капитан, надеюсь, что вы оправдаете это высокое доверие») и отправил его во главе большого отряда в Анголу.

Феррейра не сомневался в Бельмунду. Он знал его с 1978 года, да и прежний командир батальона — американский паемник, «ветеран» Вьетнама, ставший полковником южноафриканской армии, — Карпентер был о нем прекрасного мнения.

— Знаете, Феррейра, — говорил он, — этот Бельмунду — отличный парень. Такие, как он, нас не подведут.

Послужной список Бельмунду был безупречен: в 32-м батальоне со дня основания — с января 1976 года. Прошел специальную подготовку на основной базе в Буффало (на севере Намибии). В 1976—1978 годах обучался на двухгодичных курсах «коммандос» в Дурбане. На курсах унтер-офицеров в Претории получил офицерское звание. Год командовал 6-м взводом роты «Браво», принимал участие в нескольких операциях в ангольской провинции Кунене...

Словом, Феррейра был уверен в верности Бельмунду.

Но капитан подвел. Сделал то, чего никак не ожидали от него хозяева. В один прекрасный день он пропал без вести, а потом объявился в Анголе. На пресс-конференции рассказал все, что знал о 32-м батальоне. Одновременно с Бельмунду сбежал англичанин Тревор Эдвардс, прослуживший с Феррейрой девять месяцев. И еще один, назвав-

шийся на другой пресс-конференции в столице Зимбабве только своей кличкой — Ковбой.

Дорого бы дал Феррейра, чтобы Бельмунду, Эдвардс и Ковбой попались ему в руки. Да и не только Феррейра. Министр обороны ЮАР генерал Магнус Малан буквально зашелся в крике, когда в ходе парламентских дебатов в апреле 1982 года его попросили прокомментировать заявление Эдвардса о том, что «солдаты ЮАР проникали в Анголу без всяких опознавательных знаков и документов».

— Это гнусный лжец, дезертир, предатель! — брызгал слюной генерал. — Ренегат, продавшийся АНК¹!

Откровения бывших наемников вызвали гнев и в ЦРУ. Ведь они не только сообщили, что гражданин США Карпентер, выполнявший задания американской разведки в Конго, Анголе и Зимбабве, командовал столь крупным соединением южноафриканской армии. Бельмунду и Эдвардс рассказали еще, что 32-й батальон был оснащен самым современным оружием, которое доставлялось из США — в нарушение эмбарго, введенного ООН и самим американским правительством. Ангольскую территорию обстреливали даже из 155-мм орудий, изготовленных американско-канадской корпорацией «Спейс Ресерч».

Кроме того, Бельмунду и Эдвардс сообщили журналистам и такие факты, которые ЦРУ всегда тщательно скрывало.

Вот вкратце содержание их рассказа.

32-й батальон — крупнейшее формирование наемников из тех, которые когда-либо действовали в Африке. Создан ЦРУ и секретной службой ЮАР в 1975 году для проведения террористических акций против народного правительства Анголы и партизан СВАПО, а также соседних с ЮАР независимых африканских государств. Костяк батальона составляет более 9 тысяч террористов из раскольнической группировки «Национальный фронт освобождения Анголы» (ФНЛА) платного агента ЦРУ Холдена Роберто. В 1981 году в батальоне было около тысячи наемников из США, Англии, Франции, Португалии, Израиля и Чили. Большинство командных постов занимают примерно по 150 южноафриканских офицеров, а также белые наемники — «ветераны». Батальон известен еще и под назва-

---

¹ АНК — Африканский национальный конгресс Южной Африки, крупнейшая и самая влиятельная организация, борющаяся против режима апартеида в ЮАР. — *Прим. авт.*

нием «Буффало» — по имени своей основной базы. Некоторые его подразделения действуют на ангольской территории, маскируясь под отряды УНИТА или же переодеваясь в форму партизан СВАПО. Перед выходом на операцию белые наемники гримируются под черных. «Буффало» является подразделением южноафриканской армии и подчиняется главнокомандующему вооруженными силами ЮАР в Намибии генерал-майору Чарльзу Ллойд. Главные задачи батальона откровенно террористические: «уничтожение на юге Анголы гражданских и экономических объектов» с целью создания там «мертвой зоны».

— У нас были четкие инструкции,— разъяснял Бельмунду,— уничтожать все, что двигалось: людей и скот. Разрушать деревни, мосты, школы, больницы. Мы должны были оставлять за собой безжизненное пространство.

Описывая операции 32-го батальона в Анголе, капитан Бельмунду рассказывал, что если «цель» находилась недалеко от намибийской границы, то наемники шли пешком, преимущественно ночью. Однако для поражения объектов, расположенных в глубине ангольской территории, использовались вертолеты.

— В таких случаях нам выдавали оружие, которым были вооружены партизаны СВАПО и ангольцы,— продолжал Бельмунду.— Нам не разрешалось брать с собой документы. На всех была одинаковая маскировочная форма без опознавательных знаков.

В ходе этих операций гибло много мирных жителей. Террористы, впрочем, брали и пленных — преимущественно молодых мужчин.

— Отношение к пленным зависело от их национальности,— продолжал разъяснять Бельмунду.— Намибийцев, как правило, подвергали пыткам, с тем чтобы выжать информацию о СВАПО. Некоторых после этого убивали, других на вертолетах отправляли в неизвестные мне места. К ангольцам относились «помягче»: их сразу отправляли в концлагеря, расположенные на территории южноафриканских военных баз в Намибии, и там «промывали мозги» побоями и угрозами. Тех, кто не хотел умирать, включали в состав антипартизанских групп.

...Ангольца Мутенью Нангуво южноафриканские «коммандос» похитили во время рейда на его деревню Наулила 25 ноября 1979 года. То, что с ним произошло дальше, рассказал он сам:

— В шесть часов утра мы были разбужены нарастаю-

щим гулом. Из своей хижины я увидел несколько вертолетов в серо-зеленых пятнах, они садились на деревенской площади. Поднялось много пыли. Из вертолетов выскочили белые и черные солдаты и стали стрелять, разбегаясь по деревне. Они врывались в дома и выгоняли всех наружу. Многим удалось убежать, а я и еще восемь человек не успели. Мы видели, как расисты подожгли школу и устроили костер из школьных учебников и тетрадок. Потом они взорвали больницу, сожгли амбары...

Пленных связали, бросили в вертолеты и доставили на военную базу Ошакати, на севере Намибии.

— Нас отнесли в тюрьму и развязали,— продолжает Нангуво.— Потом повели на допрос. Там было несколько белых, говоривших по-португальски. Они сразу стали избивать меня, требуя, чтобы я признался в принадлежности к СВАПО. Я не знал, что говорить, потому что я простой крестьянин и не интересуюсь политикой. Но им было все равно. Меня били три дня подряд.

Заключенных не кормили, им давали только кружку грязноватой воды на целый день. Через три дня их вновь связали и перевели в тюрьму Ондангуа.

— Здесь нас в первый раз накормили. Надзиратель сказал, что если мы не согласимся работать на ЮАР, то нас ждет ужасная участь. Он показал нам одного намибийца, которого пытали несколько дней подряд. У него отрезали уши, сломали ноги и руки. Я понял, что если не соглашусь на требования палачей, то со мной произойдет то же самое. И согласился...

Избиения сразу прекратились, и его отправили в военный лагерь Дукундуку в южноафриканской провинции Натал. Здесь шла подготовка одного из подразделений 32-го батальона — «коммандос-5».

— Семь месяцев мы занимались военной подготовкой. Нас учили стрелять, убивать и взрывать. Белый майор говорил, что нам выдадут форму партизан СВАПО и забросят на ангольскую территорию. У многих в этот момент появилась мысль о побеге, но майор, как будто подслушав наши мысли, предупредил, что беглецов ждет суровая расправа. Кроме того, он добавил, что в этом случае будут убиты наши семьи.

В июне 1980 года Нангуво снова перевели на намибийскую базу в Ондангуа. Нангуво прикрепили к отряду из 30 человек, которым командовал южноафриканский офицер в чине капитана.

— 24 октября 1980 года я в первый раз участвовал в

бою с партизанами. Но оказалось, что южноафриканские солдаты приняли нас за настоящих партизан СВАПО и открыли огонь. Два человека было убито. Через два месяца во время столкновения с партизанами мне удалось бежать.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ БЕЗ НАКАЗАНИЯ

Тревор Эдвардс — типичный наемник, убийца-профессионал. Он убежал из 32-го батальона не потому, что его замучило раскаяние в совершенных преступлениях, а просто из-за страха за собственную шкуру. Признания Эдвардса — одно из свидетельств преступной террористической деятельности расистов в Намибии и Анголе.

Эдвардс стал наемником в 1978 году. От одной вербовочной компании в Лондоне он получил авиабилет до Солсбери и через несколько дней был уже в Родезии. На аэродроме его встречал офицер родезийской армии. Он уточнил его имя по списку и проводил в небольшую комнату в здании аэропорта. Там заседала «приемная комиссия».

— Эдвардс Тревор, — отрывисто представил его сопровождающий сидевшим за столом троим военным. — Бывший официант кафе в Кенте. Желает поступить в боевое подразделение нашей армии. Опыт обращения с оружием имеется...

— Скажите, Эдвардс, — прервал его пожилой мужчина в форме капитана родезийской армии. — Бы приехали сюда по доброй воле? Понимаете, что вам придется здесь делать?

— Да, сэр, — гаркнул Эдвардс. — Мне сказали, что нужны крепкие ребята, чтобы убивать черных и коммунистов. Я согласился. По правде говоря, сэр, мне давно этого хотелось. Я всегда мечтал попасть на настоящую войну. От спокойной жизни быстро толстеешь.

— Отлично сказано, Эдвардс! — крикнул от удовольствия капитан. Заулыбались и другие члены «приемной комиссии».

— Мы принимаем вас, — с торжественной ноткой в голосе объявил капитан. — Нам нужны настоящие солдаты. Особенно сейчас, — капитан многозначительно посмотрел на Эдвардса. — Грэм, — обратился он к офицеру, встретившему Эдвардса, — составьте приказ о зачислении этого парня в подразделение легкой пехоты, я потом подпишу.

Ну что ж, Эдвардс, желаю вам успеха,— и он протянул руку повобранцу.

— Благодарю вас, сэр! — вытянулся в струнку тот и пожал протянутую руку.

Когда Эдвардс садился в военный автобус, отправлявшийся в город, Грэм похлопал его по плечу:

— Считайте, что вам повезло: легкая пехота — это элита!

«Родезийская легкая пехота» была действительно на привилегированном положении. Сюда после тщательной проверки и подготовки набирали отъявленных головорезов. Это подразделение, подобно бандитским отрядам «селу скаутс», было создано исключительно для антипартизанской борьбы, в том числе и в тылу противника.

— Подготовка была тяжелой,— вспоминал Эдвардс.— Почти 24 часа в сутки. Некоторые не выдерживали, и их переводили в другие подразделения. Но я остался. Мне присвоили звание капрала. Это было хорошее время. Мы часто вступали в бой. Убивали тоже часто. Мне это нравилось.

Два года прослужил наемник в родезийской армии. Весной 1980 года после крушения расистского режима Смита была провозглашена независимая Республика Зимбабве, и у власти встало первое в истории страны правительство африканского большинства. Наемники оказались без работы. В числе сотен других Эдвардс отправился на Бейкер-авеню, в известный всему Солсбери «Санлам хаус», где помещалось посольство ЮАР. Он попал на прием к военному атташе и прямо попросился в 32-й батальон, о котором слышал от служивших с ним американских наемников. Но военному атташе такая просьба показалась подозрительной.

— Что это еще за 32-й батальон? — сверлил он глазами Эдвардса.— Кто вам о нем говорил? Такого не существует в природе: зарубите себе на носу. Единственное, что я могу предложить вам,— это годовой контракт в наших вооруженных силах.

Эдвардса это не устраивало.

— На черта мне сдалась обычная служба,— возмущался он после разговора с военным атташе.— Я хочу убивать каффиров!

Эдвардс и 15 других наемников, служивших в родезийской армии, решили «пробиваться» в «Буффало» собственными силами. Они наняли автобус, загрузили его украденным в казарме оружием, тайно перешли зимбабвийскую

границу и за несколько дней добрались до военной базы ЮАР Рунду в северной Намибии, где находился административный штаб 32-го батальона.

— Нас записали без проволочек, — с гордостью вспоминал паемник. — Предупредили только, что здесь убивать каффи́ров не легче, чем в Родезии. Но нас это не смутило.

20 мая 1980 года Эдвардс принял участие в своей первой операции на территории Анголы.

— Нас было 300 человек, разбитых на две группы, — рассказывал он. — У каждой имелась артиллерия. Мы выехали на бронетранспортерах с базы в Омани, пересекли ангольскую границу и остановились в пятнадцати километрах от городка Савате. Здесь переночевали. Наутро нас подняли, всем белым приказали вымазать лица черной краской и двигаться на Савате. Мы не ожидали сильного сопротивления, но ошиблись: пришлось трижды атаковать этот проклятый город, пока удалось его захватить. После этого мы послали связника в отряд УНИТА, который должен был войти в город и объявить, что именно они «разбили красных».

— Мы, конечно, смеялись в душе над этим спектаклем: ведь УНИТА — это сброд, настоящие уголовники, ни на что не способные в военном отношении. Своими «победами» они обязаны прежде всего ЮАР. Ну а чтобы скрыть наше нападение на ангольский гарнизон, находившийся в этом городе, была заготовлена версия о разгроме «базы СВАПО в Савате». Я, правда, не видел там ни одного сваповца.

(Неделю спустя правительство Анголы заявило протест в ООН и обвинило ЮАР в нападении на Савате. Южноафриканские власти заявили, что «никогда даже не слышали об этом городе».)

— Такого рода задачи ставились перед нами не часто. Наша регулярная работа заключалась в «очистке буша» — так мы называли поиск и уничтожение ангольских солдат или местных жителей, если они попадались по дороге.

— Мы уходили в буш на четыре-пять недель. Работа тяжелая, если говорить честно. Каждый день приходилось допрашивать местных. Мы били их, увечили, а потом убивали. Ангольских солдат вывозили на базы и допрашивали там. Иногда приходилось помучать и ребенка, чтобы выведать правду. Раз поймали парнишку, он сказал, что ему 12 лет. Но такой упорный попался, что даже не плакал, когда мы его били. А нам нужно было позарез узнать, что

происходило в районе его деревни. И мать его молчала, а других под рукой не было.

Тогда я приказал связать его, как цыпленка, — руки назад и привязать к лодыжкам. Потом мы бросили его в реку и стали играть в поло его телом. Сопляк тонул, мы его вытаскивали, бросали, он снова захлебывался, но не плакал, сукин сын, и молчал. И мать его молчала. В конце концов нам это надоело, и мы бросили его на середину реки, и он утонул. А мамашу его пристрелили...

Мне такие вещи не очень нравились, но многие ребята просто не могли без них прожить и все время вспоминали наиболее «смешные» истории. Среди моих солдат были такие, которым нравилось убивать только женщин или только детей. Они делали с ними разные вещи, при этом смеялись, а потом фотографировались рядом с трупами. Я их не осуждал, ведь убивать — главное назначение солдата, не правда ли? То же самое могу сказать и о случаях мародерства. Нашим солдатам было разрешено брать у африканцев все, что им нравилось, включая женщин.

В октябре 1980 года мой взвод послали в Анголу, под предлогом поиска отряда СВАПО. Нас перебросили на вертолетах в указанный район. Определив направление, мы двинулись вперед, держа автоматы наготове. Вдруг из-за кустов выпрыгнули двое детей и бросились бежать, завидев нас.

«Не стрелять!» — приказал я. — Один из моих ребят, намибиец, закричал на местном языке, чтобы они остановились, но те припустили еще быстрее. Мне ничего не оставалось сделать, как приказать открыть огонь — ведь они могли рассказать о нас партизанам. Мы начали стрелять, и тут из-за кустов, подняв руки вверх, стали выбегать и другие дети, многие из них совершенно голые. Потом появилось несколько взрослых. Мы подстрелили одну девочку. Ей было лет пять. А потом кокнули ее отца. И еще семерых. Остальным удалось убежать.

Только мать и сестра убитой девочки не убежали. Эти сумасшедшие молча шли и шли за нами, держась примерно в ста метрах позади. Они не плакали. Я послал несколько парней, чтобы их прогнать, но без толку. Пришлось их застрелить... Я солдат, а на войне как на войне...

Эдвардс остался на свободе. Британская Фемида легко простила ему даже убийство 5-летней ангольской девочки и ее матери. И в Лондоне, и в Вашингтоне «террористами» называют кого угодно, но только не наемников. Так, борцов против расизма, апартеида, колониализма на Запа-

де с удовольствием зачислят в разряд «террористов», а наемных убийц назовут искателями приключений, пусть, мол, они авантюристы, но «настоящие защитники свободы и демократии».

К числу этих «честных парней» принадлежит подполковник Феррейра, приходящий в настоящий восторг от вида трупов африканцев, особенно детей; сержант дю Друат, коллекционирующий черепа своих жертв, другие наемники из 32-го батальона. Можно вспомнить и «полковника» Келлена, который убивал африканцев лишь для того, чтобы опробовать свое оружие, «ветеранов» бывшего Бельгийского Конго — Шрамма, Шрёдера, Хора, подвергавших пленных африканцев чудовищным пыткам.

Батальон «Буффало» — это только, так сказать, верхушка айсберга армии наемников, которую создали расисты ЮАР совместно с ЦРУ для борьбы с освободительными движениями африканцев.

— Когда я учился в Дурбане и Претории, — рассказывает Бельмунду, — я встречал африканцев-наемников, завербованных и в Мозамбике, Замбии, Ботсване. Они проходили специальную подготовку под руководством офицеров разведки ЮАР. Мне сказали, что у них особое, секретное задание.

Бывший капитан 32-го батальона встречал террористов из так называемого «национального движения сопротивления», которое было создано для дестабилизации народного Мозамбика. Познакомился и с террористами, входившими в группу по борьбе с патриотами СВАПО и АНК и беженцами из ЮАР и Намибии на территории Замбии. Он узнал о существовании «31-го батальона», который сформирован из трех тысяч бушменов и нескольких сот белых наемников для операций в Замбии, Намибии и Ботсване.

...Когда подполковник Феррейра направлял террористов из 32-го батальона в Анголу, он каждый раз напоминал:

— Не забывайте про листовки. Разбрасывайте их в деревнях, раздавайте пленным, детям — словом, постарайтесь, чтобы о них знали все в Анголе.

Феррейра добился своей цели: о лживых призывах расистов знают все ангольцы. Да и не только они. Тексты листовок — потрясающая смесь цинизма, лжи, шантажа и наглости — стали известны во многих странах мира.

В Луанде мне показали две такие листовки, которые распространялись во время налетов южноафриканских войск. В одной говорилось: «К ангольцам. Силы безопасно-

сти ЮАР и Юго-Западной Африки сражаются против террористов СВАПО. Мы не сражаемся против ангольцев. Ни один из ангольцев не пострадает, при условии, если ангольцы не будут стрелять в силы безопасности или любым образом помогать террористам СВАПО. Мы будем разрушать базы СВАПО и их постройки, где бы они ни находились, до тех пор, пока террористы не прекратят свои нападения на невинных гражданских лиц в Намибии». В подобном духе были выдержаны и другие листовки. Однако, как известно, военщина ЮАР ведет бои там, где никогда не было и нет ни партизан СВАПО, ни лагерей намибийских беженцев.

Борьба против СВАПО — прикрытие агрессии южноафриканских расистов против законного ангольского правительства, поддержка ими контрреволюционных группировок в Анголе.

ЮАР никогда не признает, что во время ее нападений на Анголу гибнут мирные жители. Южноафриканская пропаганда пытается уверить, что армия ЮАР ведет военные действия против «баз СВАПО». В сводках военного командования указывается количество убитых «партизан СВАПО». Однако, как показывают факты, южноафриканская армия в основном охотится на беззащитных детей, женщин и стариков. Только за четыре года (с 1977 по 1981) было убито более трех тысяч ангольских крестьян. А сколько погибло намибийских беженцев, никогда не державших в руках винтовку? Достаточно вспомнить трагедию Кассинги, где расистские террористы хладнокровно уничтожили в 1978 году около тысячи намибийских крестьян, из них 300 детей.

В январе 1981 года южноафриканская правительственная пресса яростно опровергала сообщения о жестоких расправах солдат армии ЮАР с ангольскими мирными жителями. Представители властей делали пространные заявления, в которых обвиняли «международный коммунизм» в распространении подобных «слухов» с целью «подрыва стабильности в Южной Африке». На проходившей в это время конференции по Намибии в Женеве назначенный властями ЮАР «генеральный администратор» Намибии Хоуг призывал журналистов «не верить» этим сведениям, которые «явно исходят от коммунистических стран». Хоуг клятвенно заявлял, что южноафриканская армия если и ведет какие-то вооруженные действия, то лишь с целью обороны от нападений «террористов».

Однако лгал и Хоуг, и расистские газеты. И скоро весь мир узнал об этом.

Группа иностранных журналистов посетила городок Куамато, лежащий в 25 милях к северу от намибийской границы. Типичное африканское селение, которое и городом-то назвать нельзя: единственная улица, вдоль которой расположились две-три лавчонки, почта, крохотная гостиница. Коровы пасутся в буше, который начинается сразу же за домами, колючий кустарник, тянувшийся до горизонта, выцветшее небо, зелень травы по краям болот. Словом, ничего особенного. Местные жители давно уже не знали покоя — то банды УНИТА, то южноафриканские войска. То в одной, то в другой семье раздавался плач: подорвался на южноафриканской мине 5-летний Педро, бандитской пулей ранило маленькую Марию.

И деревни по соседству не чувствовали себя спокойно. Террористы из УНИТА и «специальных сил» ЮАР запугивали жителей.

И вот 15 января тихий вечер взорвался ревом боевых вертолетов «пума». Шесть машин в черно-зеленых маскировочных пятнах опустились в центре деревушки к западу от Куамато. Из них выскочили южноафриканские солдаты и открыли автоматный огонь по хижинам — а их всего-то было не больше десятка. Из одной высунулась женская голова и тотчас дернулась, как будто ударилась обо что-то невидимое, замерла, окрасившись кровью, и медленно провалилась внутрь хижины. Послышался детский крик, и потух внезапно, и больше не повторился. Солдаты облили бензином солому на крышах домов, несколько грузовиков, привезших утром стройматериалы для районной школы, потом разбежались по вертолетам... Винты закружились, и вертолеты, как стая саранчи, поднялись над десятком огромных пылающих факелов...

Другая группа вертолетов уничтожила находившийся рядом военный лагерь одной из частей ангольской армии. Ангольское подразделение оказало упорное сопротивление и сбило три вертолета. Но силы были неравны, и вскоре на месте лагеря остались дымящиеся развалины, сожженная техника и трупы ангольских солдат. А листовки, напечатанные в Претории, продолжали заверять, что армия ЮАР не сражается с ангольской армией.

«Свою дьявольскую работу южноафриканцы сделали чисто, — сообщал побывавший в этой деревне корреспондент английской газеты «Гардиан» Джонатан Стил. — Они постарались скрыть следы своего преступления. Впоследствии было объявлено, что этот лагерь-де принадлежал СВАПО. Но у нас не было сомнений, что, кроме ап-

гольцев, здесь никого не было. Один пример: среди полу-сгоревшего мусора мы обнаружили несколько писем, остатки политических книг — все они были на португальском языке, а среди намибийцев, как известно, имеет хождение английский...

Недалеко от уничтоженной деревни находится католическая миссия Куамато, а при ней больница. Через два дня после нападения на деревню южноафриканские «пумы» напали и на миссию. Они обстреляли больницу, но, к счастью, накануне большинство больных было эвакуировано...

«Было совершенно ясно, — отмечал английский журналист, — что ЮАР проводит политику систематического уничтожения экономических и военных объектов в Анголе. Больше не может быть сомнений в правдивости заявлений Анголы о том, что она подвергается агрессии со стороны ЮАР».

Корреспондент другой английской газеты — «Санди экспресс» Десмонд Блоу был свидетелем нескольких операций южноафриканских войск в Южной Анголе. Вот выдержка из его репортажа:

«Наземные силы во главе с 32-м батальоном поддерживаются ВВС ЮАР. Истребительная авиация, бомбардировщики, боевые вертолеты — вся эта мощь используется в основном в борьбе против мирного населения. Убивают всех без разбора — таков приказ».

Блоу приводит слова Деона Феррейры, командира 32-го батальона: «Одна из причин нашего успеха заключается в том, что мы действуем в тесном контакте с военно-воздушными силами ЮАР. Наша цель заключается в том, чтобы убить как можно больше террористов в каждом бою, и поэтому мы зависим от поддержки ВВС».

Бригадный генерал ВВС ЮАР Босман Гуйсер похвастался, что его пилоты вылетают на «задания» в любое время суток. Ангольцам и намибийцам, живущим по обе стороны границы, угрожает опасность даже ночью. Капитан Нейл Эллис, капитан Ян Хоугардт, майор Дик Лёвер и другие «профессионалы» по части убийств мирного населения специализируются именно на ночных вылетах. Лёвер уже участвовал в 11 операциях против Анголы и с гордостью говорил, что ему очень нравится то, чем он занимается...

На юге Анголы расисты, пользуясь военным превосходством, продолжают бесчинство.

Мы не уйдем оттуда, говорил «генеральный администратор» Намибии, назначенный властями ЮАР, Хоуг. Мы готовы стоять там хоть сто лет.

За этой фальшивой патетикой южноафриканского чиновника слышались те же нотки, что и у родезийского премьера Смита, грозившего когда-то, что не допустит африканцев к власти «и через тысячу лет».

Но сомнений нет: и Хоуга, и Боту, и других расистов ждет судьба горе-пророка Смита...

Убийцы из 32-го батальона оставляли за собой кровавый след: трупы женщин и детей, сожженные деревни... Нельзя без боли слушать рассказы очевидцев, случайно оставшихся в живых.

10-летняя девочка из пограничной ангольской деревни вспоминала:

— Мы с сестрой собирали хворост, когда появились солдаты. Там были и белые, и черные. Они начали стрелять, и мы спрятались. Мы видели, как загорелись наши хижины, слышали крики. Тут перед нами оказались солдаты. Они схватили нас и приказали раздеться. Мы только плакали. Тогда они схватили мою сестру, бросили ее на землю, сорвали платье и начали издеваться над ней. А меня заставили смотреть. Их было четверо. Сестра была уже без сознания, когда солдаты, смеясь, отрезали ей правую грудь, а потом вспороли живот...

Элен Томас, 21 год, крестьянка из деревни Эндама:

— Они все спрашивали: где террористы? Меня ударили по голове, я упала. Мужа увели, и вот уже восемь месяцев я не слышала о нем...

Гудсон Хафени, 28 лет, учитель:

— Людей заставили раздеться и лечь на землю. Солдаты били их ногами, а потом начали убивать через одного...

Слушая горестные истории ангольцев и намибийцев, пострадавших от расистов, я невольно задавался вопросом: мучает ли совесть убийц? Сняты ли им проколотые штыками младенцы? Женщины и старики, которых они хладнокровно убивали?

Пленного южноафриканского солдата спросили: как он мог убивать детей и беременных женщин? Он в ответ пожал плечами: мол, приказывали... и, кроме того, лейтенант каждый день промывал мозги: «Черные — это не люди, они как животные. Когда дикие звери нападают на че-

ловека, их ведь убивают, и никаких угрызений совести при этом ведь не испытываешь».

«Приказывали». Так оправдывались нацистские палачи, так пожимали плечами американские «герои Вьетнама». Сегодняшний «ветеран» Намибии, Анголы и Мозамбика, может быть, оскорбится, если его сравнить с фашистским убийцей. Но есть ли принципиальная разница между ними? Нет — и в том, и другом случае преступление совершается вполне осознанно.

Я вспоминаю встречи с бывшими британскими и американскими наемниками, бывшими солдатами родезийской армии, в том числе из печально известного подразделения «селу скаутс», которое занималось грязными провокациями против мирного населения Зимбабве, Замбии и Мозамбика, маскируясь под зимбабвийских партизан. Они избегали разговоров о войне, но в редкие минуты откровенности раскрывались — и становилось страшно от бездны нерастраченной расовой ненависти, от тщательно скрываемого желания убивать во имя «белого цвета». Один из таких, молодой на вид, симпатичный парень, с лица которого не сходила широкая улыбка, снисходительно объяснял мне, что он не только не сожалеет о своем «военном прошлом», но в любую минуту готов снова взять автомат.

Я вспоминаю фотографию периода борьбы за независимость народа Зимбабве: белый солдат с искаженным от ярости лицом, подбросив в воздух черного младенца, с автоматом наперевес бросается на его мать, окаменевшую с поднятыми вверх руками. В его лице нет ничего человеческого — это лицо взбесившегося зверя.

Но если встретить его в клубе или в компании друзей, то никогда и не подумаешь, что этот молодой человек — настоящий террорист, преступник. Может быть, только неестественный холод и какая-то преждевременная бесцветность его глаз заставит непроизвольно насторожиться, когда пересекутся взгляды...

Белый солдат южноафриканской армии стреляет в намибийского или ангольского ребенка потому, что не считает его человеческим существом. Для него это не преступление: он с детских лет привык считать африканцев как бы частью животного мира.

Моральная деградация — вот на чем держится южноафриканский расизм. Чем уже мировоззрение, чем примитивнее эмоции, чем сильнее чувство расового — «белого» — превосходства, тем крепче система апартеида. «Бе-

лое стадо» сбивается в одну кучу еще и боязнью утратить благополучие, зиждящееся на рабском труде африканцев, свое господство, страхом перед неким грядущим мифическим «коммунистическим адом», «ордами черных людоедов», о которых днем и ночью твердит расистская пропаганда. «Вы лишитесь всего: жены, детей, дома, работы. Равные права для африканцев принесут гибель белым. Вас или убьют, или обратят в раба» — вот смысл проповедей современных политиканов Претории.

И дело не в том, что какой-нибудь Вап дер Мерве добрый или злой. Он может быть приятным соседом, отличным отцом и мужем — но все это в узких рамках «белых» отношений, в рамках системы расовой дискриминации. Это фасад, за которым скрываются патологическая жестокость, культивировавшаяся десятилетиями ненависть к африканцам и животный страх. Именно в таком обществе, психология которого замешана на оголтелом расизме, и плодятся в великом множестве приятной внешности палачи, считающие убийство африканца деянием, не противоречащим христианской морали.

Счастье и благосостояние расистов ЮАР покоится на громадном кладбище замученных африканцев — детей, женщин, мужчин. Кровь африканцев ЮАР, Намибии, Анголы на руках каждого — активного или пассивного защитника апартеида.

Признания Эдвардса, Бельмунду, рассказ Мутенью Нангуво я невольно сопоставил с выступлениями южноафриканских лидеров, которые с видом оскорбленной невинности утверждали, что война в Анголе ведется вооруженными силами ЮАР с чисто «оборонительными целями» и носит чуть ли не «гуманистический» характер. Один южноафриканский журналист, которого я встретил в Зимбабве, рассказывал, что подобная пропаганда предназначена не только для внешнего мира.

— Нас пичкают такой пропагандой каждый день, хотя многие давно уже в это не верят, — сказал он.

Однако южноафриканские солдаты еще верят расистской пропаганде. Они считают, что, убивая африканцев, спасают свою жизнь и право на господство белого человека в Южной Африке. Но обманчива и опасна такая вера. В один прекрасный день наступит горькое прозрение, как это случилось с тысячами родезийских солдат в 1980 году.

Свидетельства Бельмунду и Эдвардса показали, что ЮАР в настоящее время — один из крупнейших в мире напимателей платных убийц-террористов, завербованных в основном с помощью ЦРУ. «Солдаты удачи» готовы выполнить любой приказ своих хозяев из Претории и Вашингтона. Они знают: им хорошо заплатят, а в случае провала защитят от «преследований».

Бельмунду и Эдвардс подтвердили также, что в «Буффало» служит немало американцев, попавших в Африку с помощью преступных фирм, открыто действующих в США (таких фирм насчитывается не менее десятка; наибольшей активностью отличается «Омега» и «Феникс». Пункты по вербовке действуют в Колорадо, Техасе, Джорджии, Флориде и других штатах). Эти бандитские организации пользуются явным покровительством американских правительственных кругов. Иначе как объяснить тот факт, что граждане США, повинные в гибели тысяч африканцев, не просто остаются безнаказанными, но и свободно разъезжают по Америке и Европе под собственными или вымышленными именами (и те, и другие известны полиции), а потом вновь появляются в африканском буше с автоматами в руках? Более того, если они попадают на месте преступления, то американские власти выступают в их защиту.

Похоже, что законы США (да и других западных стран) не имеют силы против террористов. Между тем американские законы предусматривают наказание за наемничество. Но до сих пор они еще ни разу не применялись.

Правда, в 1976 году ряд конгрессменов США попытались добиться от правительства конкретных действий против наемников.

...В понедельник 9 августа 1976 года вашингтонские журналисты рано собрались у особняка «Рейнборн хаус». И когда появился Ли Гамильтон, председатель специальной подкомиссии по расследованиям, входящей в комиссию по иностранным делам, его быстро окружили, наперебой задавая вопросы. Но Гамильтон на вопросы не отвечал, отводил рукой микрофоны и старался побыстрее добраться до комнаты 2200, где должно было состояться заседание подкомиссии. Журналисты были разочарованы.

— Господа, слушание продлится несколько часов, — обратился к ним сотрудник отдела печати, — После этого,

возможно, председатель Гамильтон ответит на ваши вопросы.

Толпа журналистов медленно рассеялась. Лишь самые стойкие продолжали ждать развития событий.

А события были достаточно необычными. В воздухе пахло сенсацией. По решению палаты представителей специальная подкомиссия по расследованиям должна была опросить двух высокопоставленных правительственных чиновников о деятельности американских наемников в Африке. На заседание были вызваны помощник генерального прокурора из уголовного отдела министерства юстиции Роберт Л. Кейч и занимавший в то время пост помощника госсекретаря по африканским делам Уильям Е. Шофел. Скандал с наемниками был связан с другим «свежим» скандалом — разоблачением тайной помощи Соединенных Штатов бандитским антиправительственным отрядам в Анголе. Однако официальные представители властей упорно отрицали всякое участие США в подрывной деятельности против африканских стран. Недовольство общественности нарастало, и под его давлением конгресс решил разобраться, в чем же дело...

Когда Ли Гамильтон вошел в зал, его приветствовали уже собравшиеся там остальные члены подкомиссии (Дон Бонкер, депутат от Вашингтона, Л. Фонтэйн — от Северной Каролины, Лэрри Уинн — от Канзаса, Майкл Харрингтон — от Массачусетса, Гас Ятрон — от Пенсильвании и Пьерр дю Пон — от Делавэра). Гамильтон уселся в кресло председательствующего, проверил, все ли документы на месте, и посмотрел на часы — 10.08. Свидетели опаздывали. В эту минуту дверь комнаты 2200 отворилась и впустила Р. Кейча и У. Шофела.

— Прошу свидетелей занять свои места, — пригласил их Гамильтон и ударил деревянным молоточком. — Заседание объявляю открытым. Сегодня подкомиссия расследует вопрос о деятельности наемников в Африке. Нам следует разобраться, каким образом американских граждан вербуют в вооруженные силы африканских стран или африканских политических группировок. Нам хотелось бы тщательно разобраться в той роли, которую, возможно, играют правительственные органы США в вербовке наемников и их деятельности или же в поощрении подобной вербовки.

Гамильтон сделал паузу и оглядел свою небольшую аудиторию. Члены подкомиссии слушали внимательно. Роберт Кейч, сидевший вполоборота к председателю, что-

то быстро писал в блокноте. Уильям Шофел скучающе изучал своих соседей. Его уже предупредили, о чем пойдет речь, какие будут задавать вопросы, кто из конгрессменов настроен наиболее воинственно. У Шофела были четкие инструкции: не говорить лишнего, все обвинения в адрес госдепартамента решительно отвергать. Его заявление было заранее подготовлено, а выступление — тщательно отрепетировано.

— Дженльтмены,— продолжил председатель,— хочу подчеркнуть, что вопрос о наемниках очень волнует американскую общественность. Кто эти люди, рискующие жизнью и своим гражданством в чужих странах? Каким образом они оказались там? Как относится закон Соединенных Штатов к деятельности наемников на территории США, к вербовке американских граждан в иностранные армии и к деятельности американского военного персонала за границей, особенно в Европе, связанной с вербовкой наемников? Нет сомнений, что проблема наемников будет иметь серьезные последствия для американской политики в Африке на предстоящие несколько лет,— заключил Гамльтон и после этого представил конгрессменам свидетелей.

Первым выступал Шофел. Он не собирался говорить долго о том, что официальная позиция США по этому вопросу предельно ясна и госдепартамент неоднократно подтверждал ее: вербовка наемников на территории Соединенных Штатов для службы в вооруженных силах иностранной державы является нарушением закона о нейтралитете. Да, в газетах время от времени появляются сообщения о том, что такая вербовка происходит, но министерство юстиции собирает всю информацию по этому вопросу и проводит расследование. Что касается госдепартамента, то он, несомненно, озабочен подобными сообщениями и, если у него появляется какая-либо информация по этому вопросу, она немедленно передается в министерство юстиции.

— Господин председатель, мне часто приходится слышать утверждения о причастности правительства США к вербовке американцев для посылки в Анголу. Я хочу заявить, что правительство США прямо или косвенно не привлекало ни одного американца для ведения боевых действий в Анголе. Эти люди попали туда по собственной инициативе, мы об этом не знали заранее и не давали своего одобрения.

Шофел делал свое лицемерное заявление резким то-

пом, как будто давал понять, что сам вызов его в подкомиссию является по меньшей мере недоразумением, которое необходимо рассеять как можно скорее.

— В этой связи разрешите напомнить вам выступление госсекретаря Киссинджера в Портленде 22 июля 1976 года. Он сказал: «Мне не известно, что наемники вербуются в Соединенных Штатах в настоящий момент. И совершенно определенно это не делается с согласия или разрешения правительства».

Теперь по плану выступления, составленному в госдепартаменте, Шофелу следовало перейти к деликатному вопросу об американских наемниках в Анголе, которые были схвачены ангольскими властями и вместе с наемниками из других стран приговорены к смертной казни за совершенные преступления. Шофел работал в Африке не один год, в том числе и в бывшем Бельгийском Конго в 1963 году, и прекрасно знал, что такое наемники и как они обращаются с местным населением. Но здесь ему надо было доказывать, что ангольское правительство — грубый нарушитель международного права.

— Трое американских граждан, Даниэль Герхарт, Гайри Акер и Джордж Бэйкон, вместе с 10 британскими подданными были отданы под суд в Анголе за то, что они наемники. Все были признаны виновными, и четверо, включая Герхарта, приговорены к смертной казни, а остальные — к различным срокам тюремного заключения. Нет нужды говорить, что мы были поражены суровостью приговора.

Ангольские власти, — продолжал Шофел, — голословно утверждали, что обвиняемые являются агентами иностранных правительств. Упоминались в этой связи правительство США, а также ЦРУ, однако никаких доказательств предъявлено не было.

Шофел вынул платок и вытер лоб. Теперь начнется самое неприятное — вопросы. Особенно опасен Дон Бонкер, да и председатель, судя по всему, настроен неблагоприятно.

Интуиция не подвела Шофела. Первым задал вопрос именно Дон Бонкер.

— Господин Шофел, в своем заявлении вы сказали, что ни один американец не был завербован прямо или косвенно правительством США. Я хотел бы спросить вас, использовали ли для вербовки наемников — прямо или косвенно — денежные фонды правительства США?

— Насколько я знаю, нет.

— 29 января газета «Нью-Йорк таймс» процитировала государственного секретаря, заявившего, что, безусловно, нельзя исключать косвенного использования государственных фондов для вербовки американских и иностранных наемников. Например, наемники могли получать деньги косвенно от ЦРУ — те деньги, которые передавались главарю ФНЛА Холдену Роберто. А он в свою очередь платил наемникам. А вы говорите, что вам об этом неизвестно.

— Нет, сэр, неизвестно.

Бонкер задал следующий вопрос:

— Знает ли госдепартамент, как эти люди вербуются в Анголу? Были ли они завербованы на территории США?

Шофел раздраженно ответил:

— Нам неизвестно, были ли они завербованы на территории США. У нас нет конкретной информации о том, как они были завербованы, или где, или на каких условиях. Теперь...

Бонкер перебил его:

— Извините меня, господин Шофел. Я надеюсь, вы слышали выступление некоего Дэвида Бафкина по местному телевидению несколько месяцев назад, который заявил, что несет ответственность за вербовку Герхарта на территории Соединенных Штатов? Провел ли госдепартамент расследование по этому поводу?

— Мы слышали это выступление и передали всю информацию по этому вопросу в министерство юстиции.

Бонкер развел руками и откинулся в кресло. Шофел высокомерно посмотрел на него, чувствуя себя победителем.

В таком же духе отвечал на вопросы конгрессменов и помощник генерального прокурора Роберт Кейч. В его выступлении содержались лишь одни общие фразы («Министерство юстиции занимается этим вопросом... ведется расследование... мы изучаем поступающие данные...»).

Конгрессмен Бонкер показал Кейчу журнал «Солджер оф форчун».

— Я купил его сегодня утром в киоске недалеко от Капитолия. Вам знаком этот журнал?

— Да, сэр.

— В разделе объявлений помещено множество реклам для наемников. Вот, например: «Наемники. Правда о людях, которые сражаются за деньги». Раз вербовка наемников на территории США является нарушением закона

о нейтралитете, то не скажете ли, господин Кейч, какие меры были приняты в отношении этого журнала?

— К сожалению, я не уполномочен комментировать ход происходящего расследования...

Бонкер не отступал:

— Я задал вам конкретный вопрос: какие меры приняты против данного журнала и еще пяти подобных изданий, которые публикуют объявления и рекламу, призывающие сражаться в иностранных государствах типа Родезии?

Но Кейча трудно было сбить с толку. Он повторял как заведенный:

— Любое объявление подобного рода, любое указание на нарушение закона о нейтралитете, любую информацию по этим вопросам мы немедленно сообщаем в ФБР, которое тщательно расследует каждое обстоятельство. Ничего больше, к сожалению, я добавить не могу...

— Когда же вы закончите ваше расследование?

Кейч, по-видимому, решил поиронизировать над «слишком любопытным» конгрессменом:

— Единственное, что я могу сказать, это то, что расследование будет закончено — любое расследование закончится, как только прекратится подобная деятельность. Поскольку такого рода деятельность продолжается, расследование будет продолжаться.

Да, такого рода деятельность продолжалась...

Шел 1976 год, и, пока подкомиссия заседала, в Родезии около 2500 наемников, из которых около 500 — американцы, защищали обреченный режим Яна Смиа. Война в Анголе шла почти уже год. Несколько сот американских наемников воевали и там. Полковник американской армии Карпентер набирал «добровольцев» в 32-й батальон. «Бешеный Майк» собирал свою команду, чтобы отправиться на помощь антиправительственным силам в Анголе.

И в это время госдепартамент, министерство юстиции и ФБР делали вид, что ничего не знают ни об операциях ЦРУ в Родезии, ни о вербовке американской разведкой наемников в ЮАР для борьбы против неугодных африканских режимов...

Между тем фактов, свидетельствовавших о нарушениях американских законов о наемничестве, у властей США было больше чем достаточно. О них не стеснялись писать газеты, сообщало телевидение. Более того, многие наемники, возвращаясь домой, не скрывали ничего из своего преступного прошлого. И оставались на свободе.

Вернемся в комнату 2200, в «Рейнборн хаус», где продолжает заседать специальная подкомиссия по расследованиям палаты представителей американского конгресса.

Роберт Кейч, помощник генерального прокурора, только что начал свое сообщение о законах США, относящихся к паемничеству.

— Господин председатель, принципиальный закон, регулирующий вопрос о поступлении или вербовке на военную службу иностранного государства на территории Соединенных Штатов, содержится в разделе 18, главе 45 (Свод законов Соединенных Штатов. Внешняя политика.) В частности, статья 959(а) гласит, что «любое лицо, которое на территории Соединенных Штатов... нанимает или приглашает другое лицо поступить... на службу любого иностранного государства... в качестве солдата... наказывается штрафом до 1 тысячи долларов, или тюремным заключением сроком до 3 лет, или тем и другим».

Таким образом, статья 959 запрещает наем или вербовку на территории США любого лица на службу в вооруженных силах иностранного государства.

Кроме того, статья 958 запрещает гражданину США поступать на военную службу к государству, находящемуся в состоянии войны со страной, с которой Соединенные Штаты находятся в состоянии мира. Статья 960 запрещает организацию военной или военно-морской экспедиции против любого государства, с которым Соединенные Штаты находятся в состоянии мира...

Кейч заметил, Бонкер что-то оживленно говорил Уинну, и тот кивал головой, соглашаясь. Действительно, такие хорошие законы, они вроде все предусматривают. Так в чем же дело?

— Могу добавить,— продолжал Кейч,— что раздел 8 Свод законов Соединенных Штатов в статье 1481(а) (3) предусматривает, что любой гражданин Соединенных Штатов, который поступит на военную службу в иностранном государстве без письменного разрешения государственного секретаря и министра обороны, утрачивает свое гражданство...

Кейч выдержал паузу и затем спокойным тоном произнес:

— Впрочем, это условие следует толковать в свете решения Верховного суда от 1967 года по делу Афроима

и Раска, в котором говорится, что американца пельзя лишить гражданства, если на то не будет согласия самого гражданина. Таким образом, господин председатель, служба в качестве наемника не приводит автоматически к утрате американского гражданства.

Помощник генерального прокурора продолжал сыпать пазваниями дел и решений Верховного суда, которые сводили на нет действие статей, предусматривающих наказание за наемничество.

Он сообщил, что вербовочная деятельность на территории Соединенных Штатов подпадает также под действие закона о регистрации иностранных агентов (раздел 22 Свод законов Соединенных Штатов, статья 611 и ниже). «Если зарегистрированный агент преднамеренно скрывает такую деятельность,— сказал Кейч,— то он подлежит наказанию по статье 618(a)».

В то же время оказалось, что если этот агент занимается вербовкой открыто, то такая деятельность может быть признана вполне законной.

— Господин Кейч,— раздался голос Дона Бонкера.— Перед нами лежат несколько журналов для наемников. Разрешите, я зачитаю вам еще одно объявление: «Требуются наемники. Африканская страна, которая испытывает трудности, платит 1600 долларов в месяц (налогом не облагаются). Оплаченный проезд. Полная информация за 5 долларов. Адрес: почтовый ящик 4682Н, Лонг-Бич, Калифорния». Скажите, господин Кейч, разве это объявление не представляет собой нарушение закона?

Кейч ненадолго задумался и с вежливой улыбкой ответил:

— По закону о регистрации иностранных агентов, расходование фондов, публикация брошюр и т. д. должны происходить от имени иностранного субъекта. Только в этом случае последует наказание. Если же кто-либо пожелает обобщить информацию о службе в различных иностранных государствах, которые заинтересованы в наемниках, и опубликовать эту информацию в виде брошюры на собственные средства, без иностранного контроля, и продать ее за 5 долларов, то это действие не обязательно будет представлять собой нарушение закона о регистрации иностранных агентов или закона о нейтралитете.

Выяснилось также, что закон не запрещает американскому гражданину уезжать из страны с целью поступления на военную службу за границей, будь то за деньги или «по идеологическим соображениям».

— Господин Кейч,— громко произнес Лэрри Уинн.— Я не знаю, как долго вы собираетесь это все расследовать, но у меня складывается впечатление, что наши законы довольно неопределенны и противоречивы. Или вы должны принять меры против этих вербовщиков, или надо признать, что закон следует изменить!

Уинн поддержал председатель Ли Гамильтон:

— Странная вещь получается: с одной стороны, на территории нашей страны происходит активная вербовка наемников для антиправительственных сил в Анголе и белой армии в Родезии. Причем это очень организованная кампания, в которой, несомненно, замешаны огромные капиталы: лишнее подтверждение этому — прекрасно изданные журналы, набитые объявлениями для наемников. С другой же стороны, не принимается абсолютно никаких мер по пресечению этой преступной деятельности. Министерство юстиции больше года расследует дела, касающиеся Анголы, и около года — Родезии, а результатов никаких нет. Более того, все это время государственный секретарь публично заявляет о самоопределении для Африки, о правлении большинства и т. д., хотя вербовка наемников в США полностью противоречит таким заявлениям. Господин Кейч, вы согласны с тем, что вербовка наемников в нашей стране несовместима с нынешней политикой США в отношении Африки?

— Ответ на такой вопрос не входит в мою компетенцию,— с недовольным видом парировал Кейч.

...Чем дольше продолжалось слушание, тем очевиднее было, что его участники зря теряют время. Свидетели четко следовали инструкциям и тщательно скрывали правду.

Вот спрашивают У. Шофела о количестве американских наемников в Родезии.

Ответ:

— У нас нет сведений на этот счет.

Тот же ответ он дает и на вопрос о количестве американских наемников в Анголе.

Конгрессмен Бонкер просит разрешения председателя зачитать ряд сообщений об американских наемниках в Анголе.

— 7 декабря 1975 года газета «Бостон санди глоб» сообщила, что большое число американских наемников сражается в Анголе и многие ждут отправки из США.

10 декабря появилось сообщение о том, что несколько американских наемников работают инструкторами

в лагере УНИТА в 100 километрах к востоку от Уамбо.

12 декабря организация «Конгресс расового равенства» начала вербовку негров — «ветеранов» войны во Вьетнаме в качестве наемников для борьбы против правительства НРА.

На следующий день калифорниец Дэвид Бафкин сообщает, что лично завербовал около 300 американцев для борьбы против МПЛА.

31 декабря вновь появилось сообщение, что кубинские эмигранты записываются в наемники.

1 января 1976 года газета «Крисчен сайенс монитор» сообщила, что ЦРУ готовит 150 американцев для подрывной деятельности в Анголе в дополнение к 300 американцам, уже находящимся в этой стране. Через три дня та же газета подтвердила численность американских наемников в Анголе.

9 января стало известно о вербовке наемников среди кубинских контрреволюционеров в Майами и так далее и тому подобное.

— Господин Кейч, что было сделано по упомянутым фактам?

— Мы проводим расследование...— снова начал Кейч, однако председатель прервал его.

Еще вопрос:

— Как же все-таки вы собираетесь остановить поток наемников из США в Африку?

И ответ, который вызвал смех в зале:

— Если к нам кто-нибудь обратится — пока таких случаев, правда, не было — по поводу службы в Родезии или Анголе, то мы со всей решительностью постараемся отсоветовать делать это и предупредим, что им может грозить уголовное преследование.

Конечно же, никаких изменений в политике США после этого заседания не произошло. Но сам факт такого «открытого» обсуждения политики США и до сих пор преподносится наряду с аналогичными «играми» в качестве доказательства «истинной демократичности» американского общества.

Госдепартамент и министерство юстиции вместе с ЦРУ продолжают тщательно скрывать от американцев, что Соединенные Штаты наращивают подрывную деятельность в Африке, которая, в частности, включала в себя подготовку и заброску наемников.

Свидетельствует Джон Стокуэлл, бывший ответствен-

пый сотрудник ЦРУ, который руководил тайными операциями в Анголе и Заире:

«Рой Иннис (руководитель организации «Конгресс за расовое равенство». — Б. А.), связанный с ЦРУ, завербовал тысячу добровольцев в помощь ФНЛА в Анголе, а тысяча человек приступила к тренировкам на ферме в Северной Каролине, изучая тактику ведения войны в джунглях. Авантюристы, просто неприкаянные американцы стали вступать в контакт с ФНЛА, и в конце концов некоторые из них прибыли для участия в боях в северной Анголе, где и сложили бесславно свои головы.

Сначала нам удавалось скрывать свое участие в этой войне. Однако в начале сентября (1975 г. — Б. А.) у нашего прикрытия появились трещины, и рабочая группа стала обсуждать способы «ремонта крыши». Когда представители госдепартамента сообщили, что их ведомство получает от прессы запросы о положении дел в Анголе, ЦРУ представило им документ рабочей группы за номером 18, в котором рекомендовались следующие варианты официальных заявлений для печати: «отказаться комментировать»; «категорически отрицать всякое участие США»; заявить, что «США поддерживают Альварское соглашение, разрешающее трем освободительным движениям на равных правах участвовать в подготовке Анголы к независимости, но Советский Союз поставляет оружие МПЛА, и это ведет к продолжению тяжелых боев»; заявить, что «соседи Анголы озабочены тем, что Советский Союз пытается подготовить себе почву для господства в Анголе», и к этому добавить, «что мы проявляем сочувствие, но что мы не поставляем американское оружие ни одной из сторон»; и наконец, «при любом варианте следует делать упор на Советский Союз, чтобы не создавалось впечатление, будто мы нападаем непосредственно на какое-либо освободительное движение».

Через несколько дней госдепартамент сообщил, что отрицает поддержку США контрреволюционных сил в Анголе. «Мы не участвуем в снабжении оружием ангольских движений. Мы, однако, имеем сведения, что одно из них, МПЛА, уже давно получает крупные партии оружия из Советского Союза. Можно понять, что африканские правительства озабочены таким развитием событий, и мы разделяем их озабоченность».

Ответы Кейча и Шофела удивительным образом совпадали с рекомендациями Центрального разведывательного управления. Кстати, не лишне будет вспомнить, что

именно Шофелу была поручена секретная миссия по организации международного бойкота народного правительства Анголы, когда попытки привести к власти марионеток провалились. В конце 1975 года именно Шофел побывал в Лондоне и попытался убедить британское правительство в необходимости подобной акции, а также значительного увеличения военной помощи контрреволюционным ангольским группировкам.

Насколько лживы были все эти утверждения, американской администрации стало известно из разоблачений Стокуэлла и других американцев. Выяснилось, что тогдашний президент Форд утвердил программу военной и финансовой помощи ФНЛА в январе 1975 года в размере 3 миллионов долларов. В июле того же года на те же цели были выделены 14 миллионов. А в сентябре и поябре — еще 17,7 миллиона долларов.

Британский журнал «Прайвит Ай» в августе 1978 года подтвердил тот факт, что ЦРУ активно вербовало в Англии наемников в Анголу. По свидетельству бывшего капрала британской армии Джона Бэнкса, ЦРУ израсходовало на эти цели около 300 тысяч фунтов стерлингов.

В то время как представители американской администрации делали вид, что ничего не знают об американской военной помощи ангольским контрреволюционерам, американские транспортные самолеты С-141 доставляли оружие в Заир для переправки в Анголу, а американские «специалисты» вербовали на деньги ЦРУ наемников под видом «технических советников». В самой Анголе находилось 12 американских военных советников при отрядах ФНЛА и УНИТА. (И это в то время, когда Шофел, да и сам Киссинджер утверждали, что в Анголе не находится ни одного военнослужащего США.) Кроме того, по словам Стокуэлла (а уж ему-то это было точно известно), в Луанде находилась резидентура ЦРУ, которая «снабжала разведывательной информацией ФНЛА и УНИТА».

* * *

Как известно, американская авантюра в Анголе завершилась полным провалом, но правящие круги США не сделали из этого необходимых выводов. Вашингтонские ястребы продолжают усиливать давление на Анголу, расширяют связи с расистской ЮАР. Администрация президента Рейгана, как свидетельствуют факты, поставила перед ЦРУ задачу добиться изменения существую-

щего в Анголе режима и приведения к власти в этой стране послушных Вашингтону сил.

Уместно вспомнить, что в 1979 году ЦРУ тайно доставило в Вашингтон главаря УНИТА Савимби, где он встретился с рядом высокопоставленных американских деятелей, в том числе с бывшим государственным секретарем США Г. Киссинджером.

Что касается Р. Рейгана, то еще в ходе предвыборной кампании он открыто выступал в поддержку УНИТА. «Савимби контролирует больше половины Анголы, — утверждал кандидат на пост президента США. — Не вижу причин, чтобы не предоставить ему оружие».

Накануне вступления Р. Рейгана в должность президента будущий директор ЦРУ У. Кейси и будущий помощник президента по национальной безопасности Р. Аллен встретились с представителями УНИТА и заверили их в своей поддержке. Став президентом США, Р. Рейган решительно потребовал от конгресса отменить «поправку Кларка».

Пособничество террористической политике Претории, бандитским группам УНИТА, террористам-наемникам не скрывается Вашингтоном. Характерное признание сделал в апреле 1981 года американской газете «Нэшнл ревью» директор американского института исследований конфликтных ситуаций, известного своими связями с ЦРУ.

«Первоочередная задача состоит в том, — сказал он, — чтобы не допустить прихода СВАПО к власти в Намибии; ведь если ей удастся это сделать, то ЮАР окажется в полной изоляции, а без полезных ископаемых Южной Африки Запад не сможет существовать. Кроме того, если СВАПО придет к власти, Савимби будет отрезан с флагов и помощь ему прекратится».

В марте 1981 года Савимби получил официальное приглашение приехать в Вашингтон. В том же месяце бывший государственный секретарь США А. Хейг встретился в Лондоне с представителями УНИТА и обсудил с ними вопросы предоставления помощи этой группировке. А в декабре 1981 года главарь террористов УНИТА был принят в госдепартаменте США, причем официальные американские представители явно с провокационной целью называли его «лидером национально-освободительного движения».

Бряд ли случайно именно во время визита Савимби в США произошел сильный взрыв на крупнейшем нефте-

перерабатывающем заводе Анголы в Луанде. Как показало расследование, диверсия была задумана в США и ЮАР, а проведена террористами из УНИТА.

Вот что добавил в связи с этим в мае 1982 года в интервью парижскому журналу «Африк — Ази» Джон Стокуэлл:

«Никто не может сомневаться в значении отношений между Вашингтоном и УНИТА... В 1976 году, когда уже стало невозможно открыто поддерживать УНИТА, Савимби было сказано, что он должен продолжать сражаться и что, как только в США произойдут политические перемены, связи вновь будут открыто восстановлены. Таким образом, УНИТА продолжала военные действия, а ее руководитель примерно раз в два года ездил в США. «Фридом фаундейшн» и другие аналогичные организации, связанные с ЦРУ, всякий раз принимали его как героя.

В последнее время контакты почти приобрели прежнюю регулярность... Несколько месяцев назад он был принят в США с большой помпой. Над гостиницей, где он остановился, был даже поднят флаг УНИТА, словно это был ангольский флаг. Савимби принимали так, как если бы он был президентом. Он встретился с госсекретарем Александром Хейгом. Ему гарантировали всевозможную американскую помощь...» При поддержке США усиливает агрессивные действия против Народной Республики Анголы южноафриканский расизм. Летом 1983 года население южных районов страны вынуждено было вновь покинуть свои дома: по приказу Претории активизировались банды Савимби, за которыми вновь поползли южноафриканские танки.

В июле 1983 года Савимби заявил, что прекращение огня в Намибии и Анголе «вряд ли возможно в ближайшее время». Слова эти почти в точности повторил новый «генеральный администратор» Намибии Вилли ван Никерк. Наконец, «Солджер оф форчун» в декабре 1983 года уже прямо призвал американцев «заставить Конгресс США поддержать УНИТА». Если добавить сюда призывы южноафриканских ультра «навсегда покончить со СВАПО и МПЛА», то не остается сомнений в том, что расисты не собираются выводить свои войска из Намибии и Анголы.

Грубо попирая решения Совета Безопасности ООН ЮАР не только не прекращает незаконную оккупацию части ангольской территории, но и расширяет масштабы своих агрессивных действий против этой суверенной страны. Многие населенные пункты подвергаются массирован-

ным ракетно-бомбовым ударам и артиллерийским обстрелам, гибнет мирное население, разрушены жилые дома, больницы, школы.

Сегодня уже ни у кого не вызывает сомнений, что крайне острая ситуация, сложившаяся на юге Африки в результате вооруженных провокаций ЮАР против Анголы и других независимых государств, является прямым следствием «нового» африканского курса администрации президента Рейгана. Эта политика явно направлена на превращение южноафриканского региона в постоянный очаг напряженности, на дальнейшую дестабилизацию прогрессивных режимов. При всем при этом Белый дом постоянно повторяет, что является «другом» африканских стран. Но, как гласит английская поговорка, «с такими друзьями и врагов не нужно».

Вот, в частности, как прокомментировал действия американской администрации президент СВАПО Сэм Нуйома, с которым автор встречался в Луанде:

«То, что делает Рейган в Южной Африке, нас не удивляет. Ведь еще до избрания его на пост президента США он недвусмысленно сформулировал свои цели в Африке: помогать расистским и реакционным режимам и бороться против освободительного движения. Став президентом, Рейган начал практически проводить такой курс. Он говорил до выборов, что считает ЮАР союзником США, и сейчас делает все, чтобы укрепить отношения с Преторией. Он говорил до выборов, что Савимби нужно помочь, потому что возглавляемая им УНИТА — это та сила, на которую США могут полагаться,— и вот президент США приглашает контрреволюционера Савимби в Вашингтон, снабжает его деньгами и оружием, чтобы тот убивал и грабил мирное население Анголы, чтобы в этой стране сохранялась перманентная напряженность.

Но подобные действия империализма для нас не новость. Мы знаем, кто наш враг, и не прекратим борьбы против империалистических сил...»

БОЛЬ И НАДЕЖДА НАМИБИИ

Борьба намибийцев за свободу полна трагических страниц. Эту страну незаконно оккупируют расисты ЮАР, которые проводят политику террора в отношении коренного африканского населения. С каждым годом растёт список погибших и замученных. Африканцы Намибии по-прежнему лишены элементарных человеческих прав и подвергаются изощренной эксплуатации. Сотни намибийцев сидят в тюрьмах и концлагерях. Почти треть 200-тысячной южноафриканской армии брошена против партизан СВАПО — Народной организации Юго-Западной Африки, возглавившей борьбу с расистами. ЮАР воюет не только против СВАПО. Государство апартеида обрушивает удары и на соседние африканские народы, оказывающие помощь намибийцам. От рук южноафриканских солдат и наемников гибнут ни в чем не повинные люди, горят деревни, взлетают на воздух больницы и школы...

Передо мной лежит удостоверение о смерти намибийца Джонаса Шимуфелени, выданное тюремными властями острова Роббен 1 августа 1980 года. В графе «причина смерти» стоит: «легочный отек в результате почечной недостаточности».

Сотни африканских семей в Намибии и ЮАР каждый год получают подобные извещения. Заболевание почек — не единственная причина, которую указывают изобретательные тюремные доктора. Бывают и вариации: «воспа-

ление легких», «разрыв сердца», «выбросился из окна» и даже такое: «умер в результате удара головой об стену в душе, поскользнувшись на куске мыла». Тюремщики в белых халатах с легкой совестью ставят подпись под этими заключениями, хотя прекрасно знают, что африканцы умирают в расистских застенках только по одной причине — в результате чудовищных пыток.

Джонасу Шимуфелени было 49 лет. Его жизненный путь был типичен для многих намибийских патриотов, борющихся против оккупации ЮАР Намибии: арест, тюрьма, короткие мгновения свободы, снова тюрьма... Согласно приговору, он должен был выйти на свободу в 1987 году. Смерть освободила его от дальнейших мучений.

В Анголе я встретился с несколькими намибийцами — руководителями и активистами СВАПО, а также с крестьянами, которые бежали в эту страну, спасаясь от преследований расистов. Мои собеседники неохотно вспоминали о прошлом. Они постоянно подчеркивали, что все ужасы позади, теперь все в порядке — они на свободе, могут учиться, воспитывать своих детей. Никто из них не говорил о том, как отомстить тем, кто их пытал и мучил.

— Мы должны думать не о том, как отомстить расистам за террор, а об искоренении всей системы расовой дискриминации, о независимости нашей родины, — говорил мне Виктор Нканди, директор Намибийского центра образования и здравоохранения. Он, Виктор, был приговорен расистами ЮАР к смерти за участие в вооруженной борьбе СВАПО, подвергался пыткам, несколько месяцев просидел в камере смертников, но был освобожден в результате давления международной общественности на Преторию.

После каждой встречи с бывшими политическими заключенными из ЮАР или Намибии я задавал себе один и тот же вопрос: неужели такое возможно в наше время? Неужели люди, называющие себя «носителями высокой цивилизации», могут совершать такие преступления?

Виктор Нканди

Его арестовали в 1975 году по обвинению в «террористической деятельности». Три года просидел в тюрьме, где под пытками его заставляли подписать «признание».

— Почти все время меня держали в одиночке, — вспоминает Виктор. — Еду — кукурузную кашу без соли или густо пересоленную — приносили два раза в день. Это было все, если не считать кружки грязной воды. Бесконечно шли допросы, в ходе которых меня постоянно избивали несколько охранников. Я потерял счет допросам с применением электротока. Тюремщики очень любили такую пытку: меня заставляли сесть на корточки, привязывали кисти рук к щиколоткам ног, просовывали палку между локтями и крутили, стегая одновременно плетью. Это называлось «сделать мельницу».

— Виктор, а как выглядели ваши палачи? Что это были за люди, по вашему мнению?

— На первый взгляд некоторые из них казались даже приятными. Могли вежливо поговорить, предлагали сигареты, воду. Рассуждали о литературе и искусстве, причем со знанием дела. Но наступал неуловимый момент, и маска «цивилизованности» внезапно пропадала. На вас смотрел сумасшедший, кровожадный маньяк, который получал наслаждение от ваших мучений. Эти люди — скорее всего «продукт» отвратительной, уродливой системы апартеида, построенной на страданиях одних и жестокости других.

Виктора Нканди продолжали пытать даже в камере смертников, после приговора. Правда, его уже не избивали и не пропускали через его тело электрический ток.

— Мне по несколько дней не давали еды. Потом приносили тарелку каши, в которую бросали полусгнивших гусениц, ящериц и различных насекомых. Несколько раз ночью распахивалось окошко в двери и охранник бросал в камеру большую резиновую змею и хохотал, когда я вскакивал от ужаса и прижимался к стене. Помню, как почти две недели мне не давали спать: дежурившие охранники обливали меня холодной водой, кололи иголками, прижигали тело сигаретами. Это было в те дни, когда началась международная кампания за мое освобождение...

Виктора Нканди в конце концов расистам пришлось выпустить из тюрьмы, ему удалось бежать в Анголу.

— Расисты обезумели,— говорит он.— Они сажают в тюрьмы и убивают даже тех намибийцев, которые не имеют ни малейшего отношения к СВАПО. И добиваются обратного эффекта: ряды патриотов ширятся изо дня в день. Крестьяне все яснее осознают, что не имеют права оставаться в стороне от общей борьбы, что единственный способ добиться свободы — это присоединиться к СВАПО.

Дэвид Шикомба

Удалось спастись и Дэвиду Шикомба, товарищу замученного в застенках Джонаса Шимуфелени. Он отсидел 6 лет в самой ужасной тюрьме ЮАР — на острове Роббен.

С Дэвидом Шикомба я познакомился в декабре 1981 года в штаб-квартире СВАПО, где он работал в отделе по делам молодежи. Ему было всего 30 лет, однако выглядел он гораздо старше. Время от времени Дэвид кашлял, прикрывая рот ладонью, и каждый раз извинялся: «Легкие не в порядке... Это после тюрьмы... Я уже два месяца лежал в больнице, но врачи сказали, что нужно ехать в Европу. СВАПО направляет меня на дополнительное лечение в ГДР».

— Дэвид, расскажите про себя, как вы попали на остров Роббен?

— Я родился на севере Намибии, в районе, который буры¹ называют «Овамболенд», — начал он. — Мне повезло больше, чем другим африканским детям: родители дали мне образование. Я даже смог окончить преподавательский колледж и стал учителем. Передо мной открывалось вполне благопристойное — по намибийским понятиям — будущее: у нас не так уж много африканцев-учителей.

Но чем взрослее я становился, тем отчетливее понимал, что не смогу служить обществу, где человек с белой кожей автоматически считается хозяином, а чернокожий — слугой. Я пожертвовал своей профессией ради борьбы за освобождение моего народа. Переехал в Виндхук, вступил в СВАПО и занялся политической работой. Как и другие активисты СВАПО, я беседовал с рабочими, организовывал митинги и демонстрации. В 1973 году меня впервые арестовали, но выпустили «за недостатком

¹ Буры — старое название выходцев из Нидерландов, составляющих наряду с другими выходцами из Европы белое меньшинство ЮАР. — *Прим. авт.*

улик». Вскоре я выступил на большом митинге — собралось почти 8 тысяч человек. Меня и еще трех товарищей арестовали по так называемому «закону о саботаже», обвинив в «подрывной пропаганде». Приговор — 6 лет лишения свободы.

На остров Роббен я попал не сразу. Полгода нас держали в тюрьме особого режима Леукоп, под Йоханнесбургом. Это тюрьма для уголовников, через которую специально «пропускают» политзаключенных, чтобы еще больше унижить их достоинство. Ну а потом нас отвезли на остров Роббен.

Раньше этот безлюдный остров в нескольких километрах от самой южной точки африканского континента — Кейптауна использовался как последний приют для прокляженных. Больного привозили сюда умирать. Короткое время здесь была размещена одна из баз ВМС ЮАР. Потом расисты решили, что лучшего места для содержания политзаключенных не придумаешь: вокруг океан, кишачий акулами, так что до материка вплавь не доберешься.

Тюрьма разделена на несколько секций. «Секция В» — для «особо опасных». Здесь сидят Нельсон Мандела — один из лидеров освободительного движения африканцев ЮАР, Герман Тойво я Тойво, один из основателей СВАПО, и другие руководители южноафриканских патриотов¹. Эта секция совершенно изолирована от остальных: никому не позволено общаться с ее обитателями.

В «общей секции» два отделения. В одном содержатся активисты АНК, в другом («секция Е») — молодежь из Соуэто, в котором с 1976 года не прекращаются волнения.

Для нас, намибийцев, выделена «секция Д». Всего там находилось более 50 товарищей. Мне еще повезло, что дали всего 6 лет. Большинство должно отсидеть по 15, а то и по 20 лет.

Вместе с намибийцами держали подростков из южноафриканских городов — Йоханнесбурга, Порт-Элизабета и других. Им всего по 13—15 лет, а арестовали и осудили их по «закону о подрывной деятельности». Расисты боятся даже детей...

— Дэвид, а как относятся к заключенным тюремные власти?

---

¹ В 1982 году Нельсон Мандела и другие руководители освободительного движения были переведены в другие тюрьмы ЮАР. Расистские власти объявили о намерении закрыть тюрьму на острове Роббен в связи с планами создания там военной базы.—
Прим. авт.

— На Роббене в начале 70-х годов было более 1000 заключенных, которые представляли широкие слои населения: крестьяне, рабочие, студенты, учителя, врачи и другие. Обращение было чудовищным. Им давали негодную еду, рваную одежду, постоянно подвергали унижениям. Обычным делом для надсмотрщиков было спровоцировать драку между заключенными, а потом избить их и бросить в карцер. Поводов для таких конфликтов много: нервное напряжение тюремной жизни огромно, порой достаточно слабой искры, чтобы возбудить скандал, особенно у молодых людей. А молодежь составляет большинство на острове.

В 60-х годах осужденных перевозили на остров Роббен закованных попарно. Даже в туалет они ходили в цепях. Новоприбывших надзиратели подвергали издевательствам и унижениям.

Все надзиратели на острове — белые, и практически все не скрывают своей ненависти к черным. Для них главное — внушить африканцу силой, что белый намного «лучше» черного даже в тюрьме. Какой-нибудь 20-летний надзиратель мог заставить старика раздеться донага и избить его. Так поступали братья Клейнханс, Ломбард, Гербер.

На каменоломне мы работали бригадами. У каждого был большой молоток, которым нужно было разбивать камни. Монотонная, утомительная, часто никчемная работа имела целью убить представление о реальности, унижить политзаключенного.

Петер Клейнханс и его брат Йеффорд избивали нас плетью. Никто не осмеливался возражать: за любое движение головой, которое могли счесть вызывающим, били еще сильнее, а потом могло последовать и более жестокое наказание. Помню, как 17-летнего парня заковали в цепи на несколько дней за то, что он «осмелился» высказать надзирателю свое недовольство.

В нашей камере, площадь которой не превышала 40 квадратных метров, находилось 26 человек. Охранники относились к намибийцам особенно жестоко, за малейшее нарушение режима бросали в одиночку, избивали. То, чем нас кормили, трудно назвать едой: жидкая кукурузная каша, кружка коричневатой воды, которую они называли кофе. Однажды мы объявили голодовку в знак протеста. «Хотите — умирайте, — ответили нам. — Черным другой еды не видеть».

Отношение и к детям, и взрослым в южноафриканских тюрьмах одинаковое. На острове Роббен действует систе-

ма рабского труда. Все заключенные с утра до позднего вечера работают в каменоломне под охраной автоматчиков с собаками. Отдыхать не разрешается — нарушителей избивают и бросают в карцер, где могут продержать от 15 до 30 дней.

Многие не выдерживали бесчеловечных условий, пыток и избиений и умирали. Их хоронили в безымянных могилах, а родственникам сообщали, что такой-то «погиб при попытке к бегству». В период сильных дождей вода иногда смывает пласты земли на этих «кладбищах», обнажая скелеты жертв расистского террора.

И после всего этого расисты называют себя «христианами» и «поборниками прав человека»! Они заявляют, что живут в демократическом обществе!

— А как насчет медицинского обслуживания?

— Африканец попадает в тюрьму, как правило, уже больным человеком: его почти непрерывно избивают и пытаются сразу после ареста и до суда. В тюрьме он не получает практически никакого медицинского обслуживания: врачи действуют заодно с охранниками. Но даже если доктор и захочет помочь, он ничего не добьется. Когда Джонасу Шимуфелени стало совсем плохо, сердобольный врач настаивал на его освобождении, но тюремные власти только посмеялись над этим.

В 1978 году тюремная администрация пригласила на остров Роббен психиатра, который раньше работал в уголовной тюрьме в Претории. Он был в чине полковника. Полковник Фурье. Мы однажды спросили его, как он поступит, если интересы заключенного и тюремных властей столкнутся? Он ответил, что, как служащий тюремной администрации, он, естественно, возьмет сторону властей, если даже придется пожертвовать профессиональной честью.

Туберкулез, желудочные болезни, кожные заболевания — вот с чем выходят из тюрьмы на острове Роббен. Мне «достался» туберкулез...

Сэм Шивуте

В 25 километрах от Луанды, столицы независимой Анголы, расположен Музей рабства.

Белый дом колониальной архитектуры на вершине небольшого холма, сложенного из огромных валунов. Волны Атлантического океана лениво лижут каменное основание, слепит глаза белый песок под полуденным солнцем,

несколько босоногих рыбаков выбирают добычу из лодки, вытянутой на берег. Если бы не сверкающий бело-синей краской автобус «Вольво», который привез нас сюда, можно было легко представить, что сейчас — середина прошлого столетия, еще не отменено рабство и что только что от берега отчалило бразильское судно с очередной партией чернокожих рабов.

Моим гидом в музей был Сэм Шивуте, сотрудник информационного отдела ЦК СВАПО. Он немного знал португальский и вызвался переводить мне все надписи к экспонатам. Я узнал много интересного. Например, что рабство в Анголе официально было отменено не так уж давно — в 1858 году. И что за три с половиной столетия — с 1482 года — из Анголы через океан было переправлено почти 9 миллионов рабов.

— Борис, посмотри, — Сэм показал на витрину, где под стеклом лежали орудия пыток времен работорговли: деревянные и железные кастеты, дубинки, плети, колодки.

— Удивительно! Сегодня в южноафриканских и намибийских тюрьмах применяют точно такие же! — воскликнул Сэм. — Я неоднократно испытал эти «игрушки» на себе.

Однажды меня арестовали по статье 6 закона о терроризме. Знаешь, что это означает?

Сэм помолчал немного, вспоминая, и продолжил:

— Эта статья разрешает держать арестованного неопределенный срок в одиночном заключении, лишает его права на суд в течение разумного срока, короче, лишает его всех прав, кроме одного — быть истязуемым. Расисты, кстати, не скрывают, что этот закон позволяет им широко применять пытки при допросах и избивать заключенных, чтобы добиться от них «нужного» признания.

Сэму пришлось пройти через самые жестокие испытания: от зверских побоев до пыток электротоком.

— Меня и других товарищей подвешивали к потолку за связанные руки и били дубинками. В первый раз такая пытка длится минут десять. Если молчишь, то в следующий раз подвешивают уже на 20 минут — и так далее. Однажды я провисел более часа.

Как-то раз в мою камеру вошло трое буров. Они завязали мне глаза черной тряпкой и повели по коридору, потом втолкнули в какую-то комнату, бросили в кресло и связали так, что я не мог пошевелиться. Затем я почувствовал, что к голове, пальцам рук и ног, к половым органам и под мышки прикрепляют электроды. И начался допрос:

Этому беженцу из Намибии
только 10 лет.
Расисты ЮАР сожгли
его деревню и убили родителей

Их мирная жизнь может быть
прервана каждую минуту

«Дикие гуси» из США,
Великобритании, Франции,
Израиля за деньги убивают
беззащитных людей

Террористы
из южноафриканской армии

**Против этих ни в чем
не повинных мирных жителей —
женщин, детей и подростков
воюют южноафриканские
солдаты и наемники**

Наемники из батальона
«Буффало» мажут лица черной
краской, отправляясь на охоту
за людьми

Платных убийц вербуют
и среди африканцев

Кто подсчитал число жертв
международного терроризма?

**Чем больше убьет —
тем больше заплатят**

1. Crocker Memorandum of Pretoria Meeting

MEMORANDUM OF CONVERSATION

PARTICIPANTS   *South Africa*
Foreign Minister Pik Botha
Defense Minister Magnus Malan

U.S.:
Assistant Secretary-designate Crocker
Alan Keyes, S/ P

DATE & PLACE: April 15/16, 1981, Pretoria

SUBJECT: Discussions with SAG

COPIES TO: AF, IO-McElhaney, S/ P-Keyes, AF/S

US-Africa Relations:

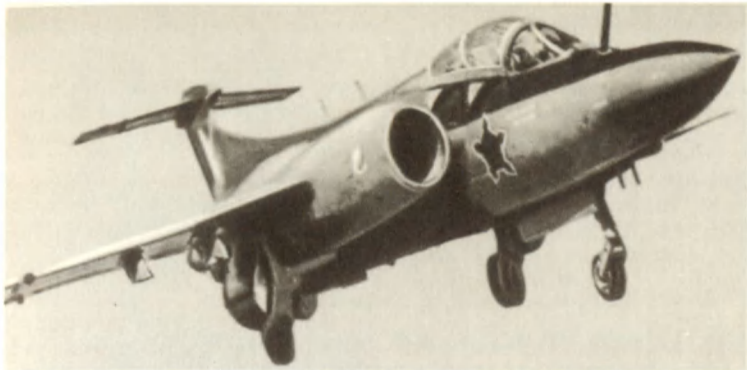
Стенограмма переговоров
между помощником
государственного секретаря
США по африканским делам
Ч. Крокером и министром
иностраннх дел ЮАР Р. Ботой
в апреле 1981 года

После этих переговоров
военные корабли США подошли
к берегам Анголы,
демонстрируя поддержку
террористических действий
ЮАР в Намибии и Анголе

**Карательная операция
наемников**

**Африканскую деревню атакует
истребитель ЮАР**

**Чьим оружием убивают
намибийцев, ангольцев,
мозамбикцев?**

INTERNATIONAL BROTHERHOOD OF MERCENARIES
invite you to join us now. Are you seeking a life of adventure? Register with other brothers of adventure worldwide. For free information and application form, send self-addressed stamped envelope to: IBOM, Box 5f, Richboro, PA 18954. (56)

EX-POLICE, MARINE wants employment merc, security, bodyguard, any job anywhere. Tom Riley, 901 South 9th, Oskaloosa, IA 52577. (51)

MERCENARY SCHOOL: Affordable training in weapons, combat, commando techniques. Best in U.S.A. Application, \$1.00. P.O. Box 309, Dolomite, AL 35061. (51)

«Требуются наемники...»,
«Сделаю все, что угодно
и где угодно...»

Они готовы выполнить любой
приказ хозяев из Вашингтона
и Претории

Савимби: «Не забудьте, господа, что моя фамилия начинается с буквы «С»!»

«Ты прав, парень, нам в сейшельскую филармонию... А теперь говори, где президентский дворец?»

Еще несколько минут —
и начнут рваться снаряды,
заполыхают крестьянские
хижины

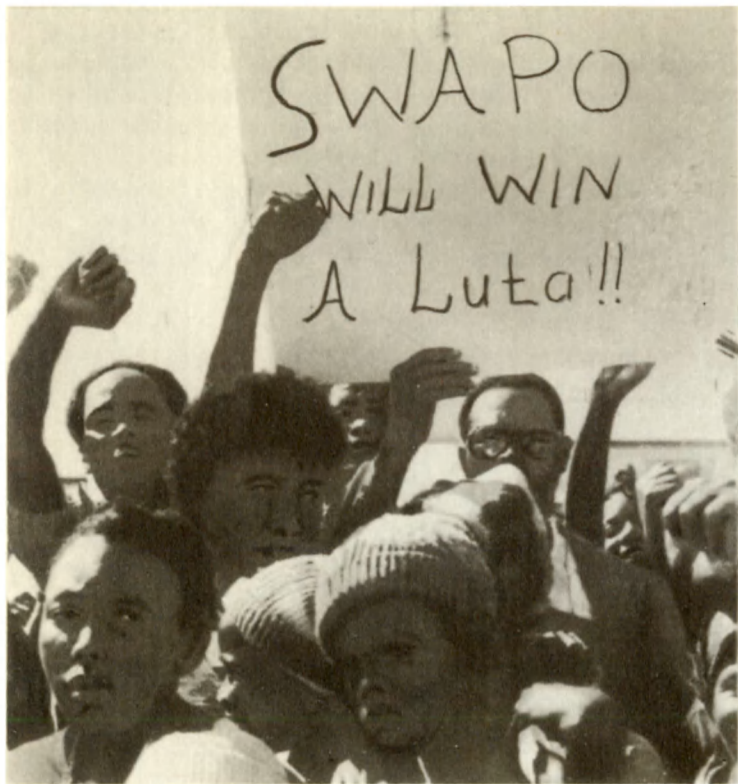
Против африканцев применяют
химическое оружие

**Расисты используют
самую современную технику,
нападая на «прифронтовые»
государства**

**Убийцы-наемники не щадят
никого**

СВАПО победит!
Намибия будет свободной!

«Кто твои руководители?.. Откуда СВАПО получает деньги?.. Кто планирует операции?..» Каждый мой ответ или молчание сопровождалось дикой болью, от которой мое тело дергалось так, как будто его со страшной силой рвали в разные стороны. Трудно пережить эту боль, но я предпочитал ее подвешиванию, потому что при электрошоке по крайней мере знаешь, что она короткая — если не выключат ток, то можно быстро потерять сознание и ничего не чувствовать. При подвешивании же боль постоянна и пронизывает все тело, все кости... Многие не выдерживали и начинали говорить. Мне трудно винить их...

Существуют специальные пытки для женщин, — продолжает Сэм. — Например, «статуя». Жертву заставляют несколько часов неподвижно стоять в углу под надзором тюремщика, который за малейшее движение бьет плетью. Или «книжная полка» — когда женщина должна держать над головой ящик, полный книг. Если она опускает руки, то следует удар палкой по локтям. Одна из пыток, которой подвергают молодых африканцев, — «сомнамбула». Арестованного сажают на деревянный стул в фиксированном положении на два-три дня. Постоянно дежурящие надзиратели не дают заснуть. После такого «сеанса» человек не может отличить реальность от сна и почти автоматически отвечает на любые вопросы.

Десятки арестованных по 6 статье так называемого «закона о терроризме» не вышли живыми из полицейских камер.

Вспомните лидера южноафриканских студентов Стива Бико, вспомните Нейла Аггета — белого профсоюзного деятеля и десятки других, кто был замучен на допросах. Статья 6 разрешает допрос подозреваемых в полной изоляции в течение неопределенного срока без доступа к нему каких-либо лиц, кроме государственных чиновников. Даже если допустить невозможное — что полиция соблюдает закон при допросе, — все равно такое обращение с арестованными равносильно пытке.

— Сэм, я не раз читал, что в результате длительного одиночного заключения наблюдаются сильные психические расстройства, даже если заключенный и не подвергался пыткам. Но в сочетании с пытками это, видимо, имеет страшно разрушительное воздействие на здоровье арестованных?

— Ты абсолютно прав. За годы действия этого закона накопилось много свидетельств этому. Некоторые африканцы, прошедшие через пытки, кончали жизнь само-

убийством, другие на всю жизнь оставались неполноценными людьми.

Но, несмотря на это, южноафриканские власти отказываются признать, что допрос в условиях одиночного заключения представляет собой форму пытки. Закон продолжает действовать. Допросы так называемой «третьей степени» применяются даже к детям! Некоторые из моих товарищей подвергались непрерывным пыткам в течение трех-четырех суток! Это трудно себе представить, еще труднее вынести...

Естественно, что расистское правительство отрицает подобные факты, несмотря на то что при невыясненных обстоятельствах умирает немало заключенных.

Таким образом, этот закон, который якобы призван «бороться с терроризмом», сам на деле является орудием террора и символом репрессий.

Меня арестовывали под разными предлогами, — продолжает Сэм. — Самое долгое время под арестом я находился по обвинению в нарушении закона «о внутренней безопасности», который раньше назывался «законом о подавлении коммунизма». Он разрешает содержание под стражей без суда на срок до шести месяцев в условиях, мало чем отличающихся от тех, о которых я уже говорил. По нему могут арестовать только за то, что человек недоброжелательно отзывался о режиме апартеида или же подозревается в «вынашивании антигосударственных замыслов». То есть его могут осудить лишь по подозрению в намерении нанести ущерб системе апартеида. Кроме того, закон дает право властям запрещать любые публикации или организации, чья деятельность считается потенциально опасной. Если помнишь, в октябре 1977 года в один день были объявлены вне закона 18 организаций, 3 газеты, более 40 активистов африканских организаций было арестовано.

Эти и другие подобные законы создал в ЮАР и Намибии такое положение, при котором не существует свободы слова, собраний или организаций для африканцев. Любая политическая активность африканцев может рассматриваться как угроза «национальной безопасности» и приводить к аресту по «закону о терроризме» или «о внутренней безопасности».

— Среди своих мы часто спорим: смогли ли расисты репрессивным законодательством укрепить свое положение? Некоторые утверждают, что нам и нашим братьям в ЮАР стало труднее бороться за справедливость легальными

средствами, что многие африканцы из-за страха отошли от активной борьбы. Но, по-моему, ужесточение репрессий ударило по расистам бумерангом. Ведь им не удалось добиться главного — прекращения народного сопротивления. Напротив, оно ширилось, приобрело за эти годы поистине общенациональные масштабы. Самые боевые ушли в подполье, действуют из-за границы. Другие мобилизуют африканцев внутри ЮАР и Намибии, хотя и пользуются другими методами, с которыми мы не всегда согласны. Но при всех различиях, при всей разнородности движения против апартеида ясно одно: южноафриканский расизм не смог и никогда не сможет заставить африканцев жить на коленях.

Помнишь Шарпервилль?¹ Ведь запрет Африканского национального конгресса не привел к прекращению его деятельности. Он лишь привел к изменению тактики борьбы — от мирного протеста к военным действиям. И пока эти законы действуют, нет смысла говорить о каких-то реформах апартеида. Должна быть ликвидирована расистская система — только таким путем можно восстановить справедливость...

Выйдя из тюрьмы, Сэм бежал в Анголу. Он оказался очевидцем зверской бомбардировки города Касинга на юге Анголы. Весной 1978 года почти все его жители были уничтожены южноафриканскими солдатами. Спаслись лишь немногие. В том числе и Сэм.

— Я хорошо помню то утро 4 мая, когда самолеты южноафриканских ВВС начали бомбежку Касинги. Они пикировали один за другим, стоял страшный грохот от разрывов бомб, все заволочло дымом пожарами. Люди выскакивали из своих домов, пытались спрятаться. Из своего укрытия я видел, как спикировавший истребитель ударил пулеметной очередью по бегущим из разрушенной школы детям. Несколько детей упало, замерев на земле, остальные бросились врассыпную. Но летчик вернулся и продолжил свою «охоту».

Вскоре высадился десант, и в Касингу вошли южноафриканские солдаты. Они добивали раненых, хватали заложников. Особенно жестокими были белые наемники, завербованные в Западной Европе. В Касинге меня рани-

---

¹ В 1960 году в Шарпервилле была расстреляна мирная демонстрация африканцев, протестовавших против системы пропусков. Власти обвинили АНК в «подстрекательстве» и запретили его. — *Прим. авт.*

ло (Сэм показал след от пули), но спастись все же удалось...

О Касинге написано уже немало. Это название стало таким же символом зверства агрессоров, как и Сонгми во Вьетнаме. Мне рассказали про девочку, которой удалось спрятаться во время налета расистских бандитов. До сих пор ей снится один и тот же сон: белый солдат прошивает пулеметной очередью тело ее матери...

Всего в Касинге погибло около тысячи человек, в том числе 300 детей, 294 женщины.

ГРАБИТЕЛИ ИЗ «ПЯТЕРКИ»

В ООН неоднократно ставился вопрос об экономическом и торговом бойкоте Южно-Африканской Республики, которая систематически нарушает элементарные права человека, не соблюдает нормы международного права и проводит политику террора в отношении Намибии. Но всякий раз США и их союзники по НАТО прилагали все усилия, чтобы похоронить подобные предложения.

Еще в 1978 году Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 435, заложившую политическую основу для справедливого урегулирования вопроса о деколонизации Намибии. В ней содержалось требование немедленного прекращения деятельности незаконной администрации ЮАР в Намибии и передачи власти народу Намибии при содействии ООН; говорилось о необходимости осуществления мер по переходу Намибии к независимости в результате свободных выборов под наблюдением и контролем ООН.

Прикрывшись необходимостью вовлечения расистского режима ЮАР в «конструктивный диалог» в целях якобы «убыстрения» решения намибийской проблемы, пять западных держав — США, Великобритания, Франция, ФРГ и Канада — самозванно взяли на себя инициативу «посредничества» между ЮАР и СВАПО, назвав себя «контактной группой»¹. Следует подчеркнуть, что эта «группа» не оформлена никаким решением ООН и, по существу, является незаконной. Щедро сея иллюзии относительно быстрого согласия ЮАР на осуществление плана ООН, содержащегося в резолюции № 435, на деле «контактная группа» за спиной намибийцев вместе с ЮАР

---

¹ В декабре 1983 года Франция заявила о своем выходе из «контактной группы». — *Прим. авт.*

приступила к разработке планов сохранения своих экономических и стратегических позиций в Намибии. Под предлогом «детализации» и «конкретизации» положений резолюции № 435 западная «пятерка» стремилась в обход плана ООН добиться от СВАПО и «прифронтовых» государств дополнительных уступок в пользу ЮАР. Затягивая с урегулированием «контактная группа» тем временем усиливает неприкрытый грабёж национальных богатств Намибии в нарушение многочисленных резолюций ООН, в частности декрета № 1 «О защите природных ресурсов Намибии» от 27 сентября 1974 года и резолюции E-8/2, принятой на VIII Чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН 14 сентября 1981 года. По данным, опубликованным в докладе Совета ООН по Намибии в декабре 1982 года, в этой стране действуют 88 транснациональных корпораций, из которых 35 базируются в ЮАР, 25 — в Великобритании, 15 — в США, 8 — в ФРГ, 3 — во Франции и 2 — в Канаде.

Среди них такие крупные корпорации, как транснациональная «Цумбей корпорейшн» — крупнейший производитель меди в Намибии, «Фольконбридж никель майнз» (Канада), «Рио Тинто» (Великобритания), «Тоталь» (Франция), «Урангезельшафт» (ФРГ).

Намибия, во-первых, очень богата полезными ископаемыми, во-вторых, здесь исключительно дешёв труд местных рабочих, в-третьих, ЮАР предоставляет монополиям многочисленные привилегии, в частности разрешает ничем не ограниченную разработку полезных ископаемых, устанавливает низкие налоги (ниже, чем в самой ЮАР), не принуждает горнодобывающие компании перерабатывать сырьё на месте и вкладывать часть прибылей в развитие других секторов экономики. Услуга за услугу: за возможность хозяйничать в Намибии под сенью системы апартеида Запад поддерживает незаконную оккупацию Намибии южноафриканскими расистами. Действительно, кому захочется рубить сук, на котором сидишь?

Особенно привлекательной для монополий стала Намибия после открытия крупных месторождений урана. Около 25 западных фирм принимают участие в добыче, обработке и продаже урана из месторождения в Россинге — крупнейшего в мире из разрабатывающихся открытым способом. Запасов Россинга хватит для разработки в течение 25—40 лет. В Намибии обнаружены и другие месторождения этого стратегического сырья — в пустыне Намиб и в Дамараленде. С учетом этих месторождений его

добычу к 1998 году, по мнению специалистов, можно довести до 15 тысяч метрических тонн в год. Тогда Намибия станет четвертым крупнейшим источником урана в западном мире после Австралии, США и Канады.

Основные владельцы рудников в Россинге — британская корпорация «Рио Тинто» и южноафриканская ИДК. В этом бизнесе участвуют также канадская «Рио алгом», французская «Тоталь».

Корпорации, расхищающие природные ресурсы Намибии в нарушение решений ООН, тесно связаны с правительственными кругами своих стран. В совет директоров «Рио Тинто», например, входил бывший министр иностранных дел Великобритании лорд Каррингтон. В этом качестве он не раз посещал Намибию и рудник Россинг. Солидным пакетом акций «Рио Тинто» владеет и британская корона. Правительственный орган — Управление по атомной энергии Соединенного Королевства — заключил с «Рио Тинто» контракт на закупку намибийского урана. Французская же компания «Тоталь» контролируется государством, а в инвестициях «Урангезельшафт» участвует западногерманское правительство.

Не удивительно, что эти корпорации во многом определяют политику своих правительств. Возьмем, к примеру, ту же «Рио Тинто». Она контролирует 25 процентов годового объема производства урана в капиталистическом мире. Такое положение превращает ее в своего рода «уранового диктатора», с которым не могут не считаться правительства западных стран.

С намибийскими «желтыми брикетами» — двуокисью урана — связано немало скандальных историй. Несколько лет назад была обнаружена настоящая международная мафия, занимавшаяся доставкой их контрабандным путем в западные страны. Как выяснилось, французская авиакомпания УТА перевозила уран из Виндхука в Марсель и Париж, откуда груз доставлялся на обогащательные предприятия Франции, Великобритании, ФРГ и Голландии. Затем появились сообщения о том, что «эстафету» от УТА приняла западногерманская судоходная компания «Дойче Африка линиен», перевозившая «желтые брикеты» из намибийского порта Уолфиш-Бей в бельгийский порт Зебрюгге на контейнерных судах «Урунди» и «Уланга». Часть этого урана транспортировали в США для обогащения.

Уран, пожалуй, одна из главных причин нежелания ЮАР при поддержке западных держав — членов «кон-

тактной группы» уйти из Намибии. Незаконная оккупация Намибии позволяет расистам и их западным покровителям контролировать значительную часть мировых запасов урана, определять объем и время его поступления на мировые рынки, регулировать цены. Все это приносит им колоссальные барыши.

Получая огромные прибыли, западные монополии менее всего заботятся об интересах африканских рабочих. Для западных капиталистов африканцы всего лишь дешевая рабочая сила. Доходы черных намибийцев гораздо ниже официально признанного уровня нищеты. На шахтах в Россинге не существует средств защиты от радиации. Это избавляет монополии от «лишних затрат». Африканские рабочие ежедневно подвергаются таким дозам облучения, что, как отмечалось на слушаниях в ООН по намибийскому урану, они обречены на смерть. И не только они, но и их дети.

Как и расисты, западные монополии опасаются рабочих «бунтов». На случай забастовок или «беспорядков» у каждого иностранного предприятия в Намибии есть свой план чрезвычайных мер и внутризаводские военизированные группы по «борьбе с террористами».

Ограбление Намибии приобрело такие размеры, словно ЮАР и Запад задались целью опустошить недра этой страны. «К тому времени, когда мы обретем независимость,— заявил представитель СВАПО в ООН Тео Бен Гуриаб,— у нас не останется полезных ископаемых, а население будет искалечено чудовищной эксплуатацией».

ЧЬИМ ОРУЖИЕМ УБИВАЮТ НАМИБИЙЦЕВ!

Было бы наивно полагать, что ведущие империалистические державы Запада не догадываются о конечной военной цели ЮАР в Намибии — уничтожить СВАПО и дестабилизировать внутривосточную обстановку в Анголе. Более того, «контактная группа» уверена, что южноафриканским расистам удастся вывести из строя партизанскую армию СВАПО и вооруженные силы Анголы и, таким образом, ликвидировать «коммунистическую опасность» в этом районе Африки.

Вооруженная борьба намибийских патриотов за национальную независимость, опирающаяся на поддержку «прифронтовых» государств, и прежде всего Анголы, рассматривается в Вашингтоне и в других столицах запад-

ных государств как серьезная угроза экономическим позициям Запада на юге Африки, поэтому государства, входящие в «контактную группу», не жалея средств, вооружают ЮАР, несмотря на эмбарго на поставки оружия в эту страну, установленное в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН № 418 от 4 ноября 1977 года.

Так, Франция продала Претории ракеты класса «земля — воздух», противотанковые снаряды, танки, истребители «Мираж». Италия поставила расистам ракеты класса «воздух — корабль» и «корабль — корабль», артиллерийские орудия. Из Израиля и Японии поступили сторожевые катера. Западногерманская компания Бельков АГ участвует в разработке и испытаниях ракет в южноафриканской провинции Натал. А другая фирма ФРГ — «Дойче форшунгс унд ферзухсаншталт фюр унд люфт раумфарт» — заключила в 1973 году соглашение с правительством ЮАР сроком на 10 лет о совместном производстве ракет.

Список постоянных нарушителей эмбарго возглавляют Соединенные Штаты. Известность получил случай поставок южноафриканской армии усовершенствованных артиллерийских снарядов компанией «Спейс рисерч корпорейшн». Эта сделка позволила ЮАР разработать собственную систему артиллерийских орудий и снарядов калибра 155 миллиметров, которая может быть использована в качестве средства доставки ядерного оружия мощностью от 2 до 3 килотонн. С 1976 по 1978 год ЮАР получила, таким образом, 32 тысячи снарядов, часть которых была использована в войне против Анголы. Расследование показало, что это нарушение эмбарго на поставку вооружений ЮАР стало возможным при прямом попустительстве государственных органов США, в том числе и госдепартамента. В конце 1980 года ЮАР тайно приобрела 20 процентов акций этой компании, что позволило расистам получить современную артиллерийскую технику на сумму 25 миллионов фунтов стерлингов.

Оказалось, что у расистов много доброжелателей в Вашингтоне: влиятельное южноафриканское лобби в США использует любые возможности, чтобы обойти эмбарго на поставку вооружений в ЮАР.

Как сообщали американские газеты в мае 1981 года, в международном аэропорту Хоустон в США полиция обратила внимание на огромный груз оружия, который был закуплен у американских фирм и, согласно документам, предназначался для Судана. Документы оказались фаль-

шивыми. Сопровождающие груз П. Тоуэрз и Дж. Паркс были задержаны и вскоре признались, что оружие должно было быть отправлено в ЮАР. У них обнаружили 796 автоматических винтовок М-16, 350 автоматов, 100 гранатометов и 111 пистолетов.

В начале 1982 года 5 американских бизнесменов попытались экспортировать военные вертолеты «Белл кобра» непосредственно с завода фирмы «Белл» в Амарилло на западе Техаса. Все пятеро были арестованы и признались, что эти вертолеты предназначались для ЮАР.

В американской печати часто можно встретить сообщения о таких случаях, но на деле серьезная борьба с нарушителями эмбарго в США не ведется. В руки полиции попадают только те преступники, которые действуют слишком грубо и тем самым могут поставить Вашингтон в неудобное положение.

Многие фирмы США и других западных стран создали в ЮАР свои филиалы, что также является нарушением эмбарго на поставку оружия расистам. Помимо контрабанды оружием широко практикуется открытая продажа «гражданского» оборудования и техники двойного применения, то есть такого, которое может быть использовано и в военных целях. Это касается, например, легких коммерческих самолетов, транспортных самолетов, электронного оборудования и двигателей.

Кроме того, ЮАР широко пользуется возможностью приобретать в западных странах лицензии на производство современного вооружения. С их помощью она постоянно наращивает свою военную промышленность. Ныне, как сообщает иностранная печать, ЮАР вышла на 10-е место в мире по производству оружия.

Особую тревогу мировой общественности вызывает растущее сотрудничество между ЮАР и США в ядерной области.

...22 сентября 1979 года примерно в 3 часа утра американский спутник-шпион «Вела», пролетавший над Южной Атлантикой, на обоих своих датчиках зафиксировал сильную световую вспышку, которая обычно бывает при взрыве ядерного устройства в атмосфере. Сведения об этом были немедленно переданы в разведывательный центр ВВС США и через несколько минут после этого были в Вашингтоне.

Однако общественность узнала об этом лишь два ме-

сяца спустя, да и то случайно: кто-то из госдепартамента рассказал об этом журналистам.

По сей день правительство США не объяснило, почему этот сенсационный факт не был обнародован сразу. Более того, вашингтонские власти сделали все возможное, чтобы скрыть дополнительные данные о взрыве, принизить его значение, не допустить тщательного расследования случившегося.

И не удивительно: подобное расследование могло бы вскрыть крайне неприятные для Вашингтона факты, свидетельствующие о том, что США могли иметь отношение к этому ядерному взрыву, который, судя по всем указаниям, был произведен Южно-Африканской Республикой (возможно, и в сотрудничестве с Израилем).

История этого сотрудничества (США с ЮАР в ядерной области) началась еще в 1945 году, когда обе страны договорились о программе «совместных исследований». «Эффективность» атомной бомбардировки американцами японских городов Хиросима и Нагасаки заставила американскую военщину срочно искать источники дешевого урана. Самый дешевый уран, а также самая дешевая рабочая сила оказались в Южной Африке.

В 1950 году ЮАР, Англия и США заключили долгосрочные соглашения о разведке, экспорте и закупках южноафриканского урана. По данным ООН, с 1953 по 1971 год США закупили у ЮАР 50 тысяч тонн урана.

В июне 1957 года администрация Эйзенхауэра подписала с ЮАР соглашение о сотрудничестве в области ядерных исследований, которое гарантировало ЮАР возможность использования разного рода американской помощи, доступ к обогащенному урану, а также к секретной информации. Кстати, в 1974 году это соглашение было возобновлено и теперь имеет силу до 2007 года.

В 1958 году американская компания «Эллис — Чалмерс» построила в ЮАР первый реактор «Сафари-1», для которого США поставили такое количество обогащенного урана, которое было достаточно для производства 10 атомных бомб, равных по мощности бомбе, сброшенной на Хиросиму.

Летом 1976 года состоялась тайная встреча тогдашнего премьер-министра ЮАР Б. Форстера, бывшего советника президента США по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджера и командующего объединенными вооруженными силами НАТО генерала А. Хейга (впоследствии госсекретаря США), на которой, как отмечали не-

которые газеты, обсуждалась возможность усиления военного сотрудничества между ЮАР и НАТО. Нынешние американские военные планы создания широкой сети новых военных баз в районе Персидского залива и Индийского океана (в общей сложности 10 аэродромов и портов) в рамках так называемых «сил быстрого развертывания», на которые Пентагон намерен израсходовать до 1985 года 20 миллиардов долларов, еще раз подтверждают, что ЮАР становится военным союзником США.

США выдали компании «Фоксборо корпорейшн» разрешение на поставку в ЮАР двух современных ЭВМ для установки в ядерном центре Веллиндаба. В 1979 году в лаборатории ядерных исследований министерства энергетики США в Аргонне близ Чикаго на шестимесячных курсах обучались два южноафриканца (разумеется, белых). Только до 1977 года в США прошли подготовку 90 специалистов ЮАР в области ядерной энергетики. 155 специалистов в этой области направили США расистскому режиму для оказания технической помощи.

По словам сенатора Ч. Перси, в 1980—1982 годах правительство США разрешило выдачу пяти лицензий для южноафриканской ядерной промышленности, в том числе и таких, которые могут быть использованы в военных целях. Кроме того, США сняли ограничения на экспорт в ЮАР ядерной технологии, которая предназначена для программ по улучшению безопасности ядерных установок.

В начале 1982 года администрация Рейгана дала разрешение на экспорт в ЮАР двух мощных компьютеров «Сибер-750» и «Сибер-760». Стоимость обоих вычислительных машин оценивается в 7—8 миллионов долларов. Хотя правительства США и ЮАР заявили, что вычислительная техника будет применяться «исключительно в мирных целях», специалисты утверждают, что компьютеры серии «Сибер» могут использоваться для усовершенствования ядерной технологии. Об этом, в частности, предупредил член палаты представителей конгресса США Уильям Грей, заявивший, что «Сибер-750» может применяться для моделирования ядерных взрывов.

Не случайно ЮАР отказалась подписать Договор о нераспространении ядерного оружия.

Вот что говорил в этой связи с трибуны ООН представитель фонда помощи южноафриканским беженцам-военнослужащим Дональд Мортон:

«Оба эти общества—американское и южноафриканское—готовы и, нам думается, способны прибегнуть к

ядерному террору. Обоих разъедает язва расизма. Расизм в этих странах используется как орудие для «более рационального» управления коренным населением и его землей — с помощью убийства, грабежа и военной оккупации... ЮАР является самым надежным союзником Соединенных Штатов на африканском континенте и одним из главных поставщиков сырья для американской промышленности, включая ядерные материалы. Разорвать связи в ядерной области между правительствами этих двух стран — это, на наш взгляд, вопрос жизни и смерти не только для Африки, но, по сути дела, для всего мира. Альтернативой этому могла бы быть лишь смертоносная ядерная война...

Мы убеждены, — продолжал Мортон, — что единственным путем к неядерному будущему как на юге Африки, так и на севере Америки является совместная борьба против расизма — того самого явления, которое побуждало и побуждает действовать тех, кто грабит Намибию, добывая уран, и кто готов прибегнуть к ядерному оружию, чтобы удержать ее в своих руках...»

В последнее время все чаще появляются в печати сведения о том, что химическое и биологическое оружие американского производства уже применяется юаровскими ландскнехтами в Намибии и Анголе.

Выходящий в Лондоне бюллетень Южноафриканского комитета военного сопротивления «Резистер» опубликовал в декабре 1982 — январе 1983 года серию статей об использовании и разработке химического и биологического оружия в ЮАР. В расистской армии уже создано специальное подразделение химической и биологической войны, которое, по некоторым данным, вскоре будет иметь бинарные снаряды калибра 155 миллиметров с нервно-паралитическим газом. Наиболее вероятно, отмечает «Резистер», что в снарядах будет применяться зарин — высокотоксичный газ нервно-паралитического действия, разработанный в 1938 году в фашистской Германии.

Откуда это оружие попало в ЮАР? Вот некоторые факты: разработка этого оружия была закончена в США в 1977 году, а в 1984 году начнется серийное производство бинарных снарядов в арсенале Пайн-Блафф в США. Как известно, расистам удалось добыть технологию изготовления 155-миллиметровых снарядов у американской компании «Спейс ресерч». Еще раньше, в 1965 году, тогдашний министр обороны ЮАР Фуше объявил, что ЮАР получила «от одного из западных правительств лицензию

на производство бомбы новейшего типа». В то время специалисты пришли к выводу, что министр имел в виду новейший метод доставки химических отравляющих веществ (ОВ). В сентябре 1978 года пресса сообщила, что в Оранжевой провинции было завершено строительство завода по изготовлению химического оружия. Кстати, компания «Армскор» производит целый ряд зажигательных средств, содержащих фосфор. Она располагает также возможностями изготавливать значительные количества нервно-паралитических ОВ, которые не имеют запаха и цвета и с трудом могут быть обнаружены. Они проникают в тело человека через дыхательные пути, пищевод или непосредственно через кожу и препятствуют образованию фермента, необходимого для контроля за движением мышц, — ацетилхолинстераза. В результате утраты контроля нервной системы за движениями мышц происходит их произвольное сокращение. Без оказания медицинской помощи смерть наступает через несколько минут. Территория, зараженная зарин, остается опасной всего два дня. Зарин, таким образом, можно применять, не опасаясь долгосрочного заражения местности. Видимо, это свойство и учитывается южноафриканскими стратегами.

В Претории, судя по всему, хорошо изучили американский учебник для морских пехотинцев «по методам борьбы с повстанцами» (он вышел в свет в 1977 году — одновременно с окончанием разработки в США бинарных снарядов). В этом учебнике говорилось, в частности:

«Токсические и нетоксические химические снаряды являются идеальным средством для операций по борьбе с партизанами... Маловероятно, чтобы партизанские отряды смогли обеспечить себя средствами защиты от химического и биологического оружия. Обработка обширных территорий смертельными химическими или биологическими веществами с воздуха... является оптимальным средством для уничтожения этих сил».

В мае 1978 года южноафриканские террористы использовали газ паралитического действия против намибийских беженцев в Касинге (Южная Ангола). Представители Управления верховного комиссара ООН по делам беженцев и Всемирной организации здравоохранения установили, что расисты применяли этот газ «для вывода из строя жертв еще до того, как их убили выстрелами в голову». Около тысячи безоружных мужчин, женщин и детей пали жертвами бандитов в форме вооруженных сил ЮАР.

В августе того же года расистская армия использовала химические вещества, напалм, дефолианты и слезоточивый газ в провинции Трансвааль в районе Рустенберга, пытаясь уничтожить отряд партизан Африканского национального конгресса.

18 ноября 1981 года отравляющие вещества были применены во время нападения южноафриканской армии на деревню Течипа в Южной Анголе.

В период со 2 по 5 декабря того же года войска расистов использовали ядовитые газы против ангольских подразделений.

3 января 1984 г. ангольское радио передало сообщение о том, что южноафриканская военщина использует на территории Анголы высокотоксичные отравляющие вещества нервно-паралитического действия и гаубицы «Джи 5», способные стрелять как обычными, так и ядерными зарядами.

Режим апартеида разрабатывает и другие варварские виды оружия. Пользуясь опытом своих заокеанских покровителей, Претория приступила к созданию так называемого «этнического оружия», то есть химических средств или инфекций, от которых пострадают только африканцы. Вот что писал относительно такого вида оружия в ноябре 1970 года журнал вооруженных сил США «Милитари ревью»: «Население различных районов земли отличается частотой различных генов. Иногда у проживающих далеко друг от друга народов частота генов совпадает, но чаще всего между ними имеются существенные различия... Недавно были опубликованы данные об отсутствии одного из ферментов у населения Юго-Восточной Азии, в результате чего они оказываются подверженными воздействию яда, к которому европейцы, как правило, адаптируются». Эта же тема в 1975 году уже развивалась в учебнике для вооруженных сил США: «Существует теоретическая возможность разработки так называемого «этнического химического оружия», которое будет действовать с учетом естественных различий в уязвимости между различными группами населения земли».

Но это оружие уже не только теоретически возможно. Некоторые данные свидетельствуют о том, что его активно разрабатывают в США и в расистской ЮАР.

В июне 1978 года журнал вооруженных сил ЮАР «Лайезон леттер» сообщил, что ЮАР ведет подготовку к «клещевой войне». В статье на эту тему говорилось, что преимущества биологического оружия становятся все бо-

лее очевидными, прежде всего в связи с его дешевизной и эффективностью.

По свидетельству «Резистер», находящиеся на вооружении армии ЮАР танки «Элефант» оснащены (с помощью Израиля) средствами радиационной, биологической и химической защиты.

И наконец, еще одно: «Резистер» отметил, что в 1980—1982 годах в ЮАР начались эпидемии холеры, брюшного тифа и полиомиелита, а также вспышка бубонной чумы. Две эпидемии вспыхнули в районе, где находится сверхсекретный центр биологических исследований ЮАР. «Сама система апартеида в достаточной степени является «биологическим оружием», направленным против живущего в условиях нищеты африканского большинства,— пишет «Резистер»,— и все же этот факт наводит на ужасающую мысль, что виной всему этому не только нищета».

Не должно быть сомнений в серьезности преступных замыслов террористического режима Претории. Его главари не раз заявляли, что пойдут «на все», чтобы сохранить свое господство в Южной Африке.

Конечно, ни один из политических деятелей Запада не признает публично, что военная помощь расистам направлена прежде всего для борьбы против национально-освободительного движения в Африке, против прогрессивных африканских режимов. Но многочисленные факты неопровержимо свидетельствуют: патриотов Намибии, Анголы, Мозамбика убивают оружием, которое было изготовлено на Западе и поставлено в ЮАР с ведома правительств западных стран. Таким образом, роль «контактной группы» приобретает еще один зловещий оттенок. Запад не только грабит Намибию, он еще и помогает расистам уничтожать тех намибийцев, которые пытаются помешать этому грабежу. Таково действительное положение дел. И здесь уместно вспомнить некоторые пункты резолюции Совета Безопасности ООН, которая имеет обязательную силу для всех государств. В пункте 2 говорится:

«Совет Безопасности постановляет, что все государства должны немедленно прекратить любое предоставление Южной Африке вооружения и военных материалов всех видов, включая продажу или передачу оружия и боеприпасов, военных транспортных средств и оборудования, полувоенного полицейского снаряжения и запасных частей к вышеупомянутому, а также должны прекратить предоставление всех видов оборудования и

снабжения и заключение лицензионных соглашений для производства или содержания в исправности вышеупомянутого».

В пункте 3 содержится призыв ко всем государствам «пересмотреть с учетом целей настоящей резолюции все существующие контрактные соглашения с Южной Африкой и предоставленные ей лицензии, касающиеся производства и содержания в исправности оружия, боеприпасов всех видов, а также военного снаряжения и транспортных средств, с целью их прекращения».

Пункт 4 гласит, что Совет Безопасности «постановляет, что все государства должны отказаться от любого сотрудничества с ЮАР в производстве и разработке ядерного оружия»¹.

Большинство государств — членов ООН официально уведомило генерального секретаря ООН о своем намерении соблюдать положения. В их числе и правительства стран НАТО.

ЗА КУЛИСАМИ И НА СЦЕНЕ

По свидетельству издающегося в Лондоне журнала «Африка конфиденшэл», еще в 1976 году спецслужбы ЮАР и США разработали программу «давления» на африканские государства, поддерживающие СВАПО. ЦРУ было поручено расколоть СВАПО, скомпрометировать наиболее видных ее деятелей. Одновременно ставилась цель дальнейшей стабилизации внутривнутриполитической обстановки в Анголе. Еще в 1976 году прогрессивный американский журнал «Каунтерспай» в номере от 31 октября опубликовал статью под заголовком «Очевидные подрывные действия против Намибии». В статье приводились выдержки из секретного плана, разработанного Вашингтоном и Преторией с целью «обойти СВАПО и обеспечить переход власти к тем, кого можно контролировать». Авторы плана разработали даже программу финансирования марионеточного правительства и обеспечения ему «международного признания». Главная же цель состояла в наращивании военного давления на СВАПО и в то же время на Анголу, с тем чтобы максимально ослабить намибийских партизан, склонить их к выгодному и для ЮАР и для

---

¹ ООН, Экономический и социальный совет, Комиссия по транснациональным корпорациям. Пятая сессия, 14—20 мая 1978 г. E/C 10/51, с. 77.

США компромиссу, а если удастся, то и вовсе исключить их из процесса урегулирования.

Именно к этому периоду относятся действия ЮАР по подготовке провозглашения «независимости Намибии».

В сентябре 1975 года расисты создали так называемую «конституционную конференцию Турихалле», на которой, как они уверяли, присутствовало «134 делегата от всех этнических групп». Послушные своим хозяевам, «делегаты» заявили, что независимость Намибии будет провозглашена «не позднее 31 декабря 1978 года».

В этот период Претория и ее марионетки в Виндхукке старались делать вид, что СВАПО — единственного и законного представителя намибийцев — просто-напросто не существует!

Как грибы после дождя, стали появляться в Намибии политические партии. В общем-то «партиями» назвать их было трудно: большинство объединяло по нескольку сотен, иногда десятков человек. Но практически у всех были солидные суммы денег на рекламу и вербовку сторонников. Деньги текли из Претории, которая пыталась представить свои действия как политическую активность намибийцев.

В июне 1978 года была проведена кампания принудительной «регистрации избирателей», а в декабре состоялись незаконные односторонние выборы в «учредительное собрание».

В 1980 году ЮАР предприняла ряд действий с целью закрепления существующего положения: было образовано «правительство» и начато создание «территориальных вооруженных сил Юго-Западной Африки — Намибии».

В полном соответствии с секретным планом, о котором рассказал журнал «Каунтерспай», Претория затем с новой силой стала требовать, чтобы ООН отменила свое решение, признающее СВАПО единственным и законным представителем народа Намибии. А взамен признала марионеток из Виндхука «законными избранниками народа».

В январе 1981 года в Женеве состоялась конференция по Намибии, созванная по инициативе ООН. В ней приняли участие делегации СВАПО, «прифронтовых» африканских государств и ЮАР.

В советской печати всесторонне освещалась работа конференции, и мне необходимо было встретиться с членами

делегации ЮАР, чтобы задать ряд вопросов, интересующих читателей журнала «Новое время».

После долгих проволочек мне наконец предложили прийти в гостиницу «Президент», где остановились южноафриканцы.

Вращающиеся двери отеля бесшумно выталкивали входящих в просторный холл. У стены напротив входа на мягких стульях в один ряд сидело человек десять молодых мужчин в одинаковых темно-синих плащах, темно-синих костюмах и голубых галстуках. В руках у каждого был портативный передатчик с выставленной вперед антенной.

В лифте меня уже ждал высокий плечистый человек с оттопыренной полкой синего пиджака. На пятом этаже двери разошлись, и в проеме возник еще один здоровяк в голубой рубашке, с пистолетом на поясе в кобуре. В руках у него, захлебываясь, верещал на языке африкаанс такой же «уоки-токи», как и у его «близнецов» на первом этаже.

Я попытался представиться, но высокий остановил меня:

— Знаем, знаем, подождите. Как раз про вас и говорят... Наконец черная коробочка умолкла.

— Просим извинить за такие предосторожности, — сказал мой непрошенный провожатый. — Сами понимаете — идет война, — скорбно добавил он.

— Даже здесь, в Женеве?

— А вы как думали? Мы должны быть всегда пачеку...

Признаться, слова эти меня удивили. Ведь в своей официальной пропаганде Претория постоянно утверждает, что никакой войны в Намибии, в сущности, нет. Есть-де «террористы» из СВАПО, которые совершают отдельные вылазки против «демократически избранного правительства Намибии», но их действия успешно подавляются силами закона и порядка. Почему же расисты решили «откровенничать» в женевском отеле?

Оказывается, марионеткам, которых привезли в Женеву как представителей так называемых «внутренних» партий Намибии, предстояло играть роль жертв «коммунистического заговора». Они-де и в Европе не могут чувствовать себя в безопасности. Претория устроила настоящий спектакль, наивно полагая, что зрители не заметят, кто заставляет двигаться марионеток. Однако при желании можно было увидеть не только ниточки, но и руки «актеров» из Претории.

Целая труппа марионеток разместилась в отеле «Президент». Здесь был и крикливый белый плантатор Дирк

Мадж, который выступал в главной роли — «премьер-министра» и лидера «демократического альянса Турнхалле» (ДАТ) — правящей партии, и «оппозиционер» дю Плесси — глава крайне правой группировки с напыщенным названием «Фронт действия за сохранение принципов Турнхалле» (АКТУР), было несколько безликих статистов, также изображавших «оппозиционных» деятелей.

Любыми способами марионетки старались доказать, что они представляют народ Намибии. В одной из многочисленных рекламных брошюр, привезенных ими в Женеву, говорилось дословно следующее: «Правительство Юго-Западной Африки — Намибии не только служит интересам народа этой страны, но и составлено из его представителей... Вооруженная борьба СВАПО фактически стала бессмысленной... Все, что сейчас делает СВАПО, направлено против достижения Юго-Западной Африки полной независимости и признания мировым сообществом суверенитета страны».

Чиновник южноафриканской администрации в Намибии некий Ф. Казонгизи (один из тех, кто за тридцать сребренников продал интересы африканцев) так «растолковал» мне смысл приведенных слов: «У нас и без СВАПО все нормально. И чего тут упрячиться? Правительство есть. Парламент заседает. Народ доволен. А СВАПО все не нравится».

Интересно отметить, что Казонгизи, не желая этого, почти слово в слово повторил то, что сказал уже однажды епископ Музорева в Зимбабве, когда Ян Смит и правительство ЮАР пытались представить его как «демократически избранного лидера». Однако, несмотря на враждебную пропаганду, на жестокие репрессии, борцы за свободу Зимбабве победили, а их противникам пришлось срочно менять тактику, чтобы не потерять свои позиции в этой богатой природными ресурсами стране.

Положение в Намибии имеет весьма существенные отличия от обстановки в Зимбабве при Музорева.

В Намибии лишь СВАПО, руководимая видным политическим деятелем Сэмом Нуйомой, пользуется поддержкой большинства миллионного населения страны. Ни одна из так называемых «внутренних» партий, созданных оккупантами (хотя таких партий более 40), не может претендовать и на малую часть такой поддержки.

Если в Родезии наиболее острые проблемы находились на стыке противоречий между черными и белыми, то в Намибии европейская колония разделена на несколько враж-

дующих лагерей. По мнению многих экспертов, единство между «внутренними» партиями — вещь недостижимая. Как сказал мне один южноафриканский журналист, «Дирк Мадж, дю Плесси и другие лидеры различных фракций белой общины напоминают пауков в банке». Это очень беспокоит Преторию. Недаром тогдашний «генеральный администратор» Намибии¹ Хоуг на брифингах для южноафриканских журналистов в Женеве предупреждал: «Старайтесь не упоминать о разногласиях. Это может серьезно повредить нам».

Незаконному «премьеру» Намибии Дирку Маджу, которого в руководящее кресло усадила Претория, очень хотелось стать Яном Смитом: бросить вызов всему миру, объявить фальшивую «независимость» под опекой ЮАР. Но как бы ни пыжился Мадж, ему было далеко даже до Смита. Его группировку «Демократический альянс Турнхалле» раздирают острые противоречия. Как справедливо заметил представитель СВАПО в ООН Тео Бен Гурираб, «в ДАТ набрали предателей намибийского народа, не пользующихся никакой поддержкой».

О том, как «подлинные представители Намибии» завоевали голоса на незаконных выборах 1978 года, с неожиданной откровенностью поведал в Женеве лидер «христианско-демократической партии Намибии» Рёр. «У нас есть документальные данные о фактах насилия и запугивания, которые применяли члены ДАТ вместе с южноафриканской полицией и армией, — сказал он на пресс-конференции. — Они широко использовали шантаж и подкуп. Мы точно знаем, что ЮАР выделила Маджу не менее полумиллиона рандов на эти цели».

Но и с помощью денег расистов Маджу не удалось укрепить свои позиции. Даже сами марионеточные лидеры признавали, что экономическое положение в стране ухудшилось. «Безработица увеличилась на 10 процентов, все больше денег уплывает за границу», — жаловался один из лидеров АКТУР — Е. ван Зиджл. В 1983 году инфляция достигла 15 процентов, произошел резкий спад в сельскохозяйственном и промышленном производстве. Положение трудящихся ухудшалось еще больше.

Неспособность «правительства» Маджа выполнить хотя бы часть тех задач, которые возложила на него Претория, становилась все более очевидной. Его дальнейшее пребывание на посту премьер-министра грозило дальней-

---

¹ Назначается властями ЮАР. — *Прим. авт.*

шей компрометацией политики ЮАР в отношении Намибии. И Претория решила сменить марионеток.

18 января 1983 года Мадж ушел в отставку, заявив, что делает это «в знак протеста» против растущего давления со стороны ЮАР. Ни более ни менее! Но инсценировка с увольнением «по собственному желанию» не удалась, точно так же как и другие затеи Маджа.

Гроза собиралась пад на него давно. Еще в сентябре 1982 года премьер-министр ЮАР П. Бота уже открыто заявил, что Маджа надо сменить, так как он не может «обеспечить эффективного руководства Намибией».

То, что Маджу с самого начала была уготована короткая и полная провалов политическая карьера, было ясно всем, кроме, пожалуй, его самого. Этим плантатором, грубо выражаясь, просто-напросто заткнули одну из многочисленных дыр в тонущем корабле оккупационной политики ЮАР в Намибии.

Его группировке — ДАТ была уготована роль некоего противовеса СВАПО, Претория надеялась, что Маджу и окружавшим его предателям намибийского народа удастся лишить СВАПО поддержки народа. Но расистам не удалось обмануть своей пропагандой внешний мир и намибийцев. «Альянс» марионеток стал разваливаться. Из него вышли африканцы из крупнейшей народности овамбо, против политики марионеточного режима выступили лидеры народности дамара. В результате за Маджем в небытие последовало и его правительство: в конце февраля 1983 года истек срок его полномочий. Была распущена и национальная ассамблея, избранная без участия большинства африканского населения.

Не удалось ввести в заблуждение африканцев и псевдореформами, которые якобы «положили конец» апартеиду. ДАТ активно пытался создать видимость того, что в общественной жизни с расовой дискриминацией покончено. Были отменены запреты на смешанные браки, ограничения на передвижение африканцев, со стен общественных учреждений сняты расистские вывески.

Официально отменена расовая дискриминация в школах. Статистика утверждает, что каждый год на обучение одного школьника независимо от расовой принадлежности правительство тратит 225 рандов. Но в результате закулисных махинаций белые получают львиную долю этих ассигнований, и фактически цифры таковы: на обучение одного белого школьника в год тратится 1500 рандов, а африканцам достаются гроши.

Расовая дискриминация по-прежнему процветает в системе здравоохранения. Медицинские учреждения делятся по одному признаку — цвету кожи пациентов: белые лечатся в одних медицинских учреждениях, а африканцы и цветные — в других.

Даже кладбища в Намибии остаются раздельными: апартеид преследует намибийца и в могиле...

Марионетки продолжали применять против намибийцев те же методы, что и южноафриканские расисты. Полиция по-прежнему терроризировала население. Так называемые «территориальные вооруженные силы» по своей жестокости в отношении местного населения могут сравниться лишь с белыми наемниками.

По сообщению бюллетеня Южноафриканского комитета военного сопротивления «Резистер», в районе Ошакати на севере Намибии находится концлагерь для пленных партизан СВАПО и гражданских лиц, заподозренных в помощи патриотам. Если кому-то и удастся выбраться живым из этого лагеря, то уже совершенным калекой.

«Первоначально допрос проводится с применением физических пыток, в том числе и электрошока,— пишет «Резистер». — Чтобы добиться признания от пленных, им впрыскивают под ногти эфир. Тем, кто упорствует, начинают регулярно вводить морфий до тех пор, пока они не обретут к нему привычку. После этого введение наркотиков прекращается, и допрос начинается, как только у пленного появляются «симптомы воздержания». Если он начинает говорить, то ему разрешают ввести очередную дозу морфия.

В настоящее время,— отмечает «Резистер»,— медслужба ЮАР уже создала специальные части медицинской разведки, где на живых людях проводятся эксперименты с различными химическими веществами.

Варварство расистов доходит до крайней степени. Одного из пленных привязали к выхлопной трубе вертолета и завели мотор. Его разорвало на части. Делалось это в присутствии группы других пленных.

А в полицейском морге гражданского (!) госпиталя Ошакати хранятся головы убитых партизан. Иногда во время допросов пленных специально привозят в морг и демонстрируют им эти головы...

«Африканцы из племен каванго и овамбо уже и не знают, где найти защиту»,— сообщал из Намибии корреспондент парижской газеты «Монд» Патрик Клод.

Запугивание, грабежи, убийства, похищения давно уже стали частью повседневной жизни намибийцев. Оома Нгууру, старик из деревни Куринг Куру, был застрелен солдатами из «территориальных сил» ради забавы, когда он отдыхал у своего дома. Другому жителю прострелили голову, когда он шел в бакалейную лавку. А вот что рассказал журналистам 37-летний учитель Джаако Кангаджи, директор местной школы, который попал в руки «тонтон-макутов»:

— Мне завязали глаза и начали бить. Я упал. Тогда они посадили меня на стул и вставили электроды в уши. Перед каждым включением тока кто-то задавал мне вопросы. Мне казалось, что они забавляются. Меня силой заставили открыть рот, чтобы вставить в него электроды, и разряды возобновились сначала под языком, потом на затылке. Так продолжалось три долгих мучительных дня. Перед встречей Нового года истязать меня пришли другие. Они были пьяны. За ужином в новогоднюю ночь они плевали остатками пищи мне в лицо и хохотали при этом как сумасшедшие. Затем меня оттащили в камеру, где, прижавшись друг к другу, лежали четверо других заключенных. Камера представляла собой металлический ящик примерно в 2 квадратных метра, а высотой — в метр. Встать было невозможно, тем более что потолок был покрыт колючей проволокой. Однако нам разрешали ежедневную «прогулку» на четверть часа в тюремном дворе. Мы должны были бегать по кругу и в зависимости от дня и настроения стражника подражать хрюканью свиньи, мычанию коровы или кудахтанью курицы. Это давало свои результаты: в конце такой «прогулки» я уже не чувствовал себя больше человеком...

Именно в этом и состоит цель Претории и ее марионеток: низвести намибийцев до рабского состояния, убить в них всякое стремление к свободе. Нет сомнения, что обо всех этих жестокостях знают и в Вашингтоне, и в других столицах западных стран. Но еще ни разу ни одно правительство Запада палец о палец не ударило, чтобы положить конец террору расистов и их приспешников.

Убрав Маджа, Претория занялась поиском новых марионеток, которые смогут осуществить то, что не сделал Мадж, под руководством «генерального администратора» Намибии (в 1983 году Хоуга сменил ван Никерк). Ну а ЮАР между тем рассчитывает при поддержке США бесконечно затягивать процесс урегулирования в Намибии, одновременно форсируя грабеж ее природных богатств.

Спектакль марионеток продолжается, но куклы останутся куклами — оборви веревочку, и они безжизненно замрут.

* * *

Приход администрации Р. Рейгана к власти в США рассматривался в Претории как свидетельство укрепления позиций тех консервативных сил на Западе, на которые могут твердо опереться расисты. Они правильно рассчитали, что негативное отношение администрации США к национально-освободительным движениям на юге Африки позволит расистам и дальше затягивать конструктивное решение намибийского вопроса.

Летом 1981 года ряд американских газет, в их числе «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк таймс», опубликовали секретные документы госдепартамента США о переговорах между представителями США и ЮАР по вопросу о Намибии. Содержание бесед помощника государственного секретаря США Ч. Крокера с министром иностранных дел ЮАР Р. Ботой и министром обороны М. Маламом произвело эффект разорвавшейся бомбы. «Откровения» госдепартамента настолько контрастировали с официальными заявлениями о «борьбе за права человека», «против международного терроризма, апартеида и расизма», что даже правая печать на Западе обвинила администрацию США в лицемерии.

Представители правительства ЮАР и США говорили на одном языке. В их речах с одинаковой силой звучала ненависть к африканцам, стремящимся освободиться от оков расизма и неокOLONиализма. Заявления и тех, и других были насквозь пропитаны антисоветизмом. Они не стеснялись в выражениях: вряд ли кто из собеседников мог бы предположить, что их «откровения» станут достоянием общественности. И говорили они так, что не было заметно никакой разницы между «поборниками демократии» из Северной Америки и «защитниками белой расы» из Южной Африки. За столом переговоров сидели единомышленники.

Топ беседе задали южноафриканцы, которые категорически отвергли любую возможность примирения со СВАПО. Они рекомендовали США оказать помощь УНИТА в Анголе и поддержать марионеточные партии в Намибии.

Вот некоторые выдержки из этих стенограмм.

Р. Бота: Мы хотим подчеркнуть, как важно для прави-

тельства ЮАР иметь хорошие отношения с США. Мы понимаем проблемы США в поддержании дружеских отношений с черными африканскими государствами.

Ч. Крокер: Мы приехали сюда не для обсуждения внутренней политики ЮАР, однако хочу заметить, что позитивные шаги во внутренней политике облегчат сближение США с ЮАР.

Р. Бота: Вряд ли следует увязывать успех программы реформ¹ с нашими отношениями.

Ч. Крокер: Не думайте, что это — условие. Просто мы в США хотели бы видеть позитивные изменения.

Р. Бота: Именно из-за подобных заявлений и действий многие в ЮАР испытывают недоверие к американской политике. Вы слишком поддаетесь влиянию африканских государств в ООН. И вообще, сможете ли вы проводить политику, основанную на признании стратегической важности ЮАР для западного мира?

Ч. Крокер: Нынешняя администрация намерена меньше поддаваться давлению африканцев. У нас много интересов, мы будем бороться за то, что считаем правильным. Наша цель состоит в повышении доверия к нам со стороны правительства ЮАР.

Р. Бота: Мы пока не можем полностью доверять США. Вспомните, как вы бросили нас в Анголе в 1975 году. А ведь мы решились на вторжение в Анголу с одобрения американского правительства. Да и вообще США в последнее время принимали решения, которые не вселяли доверия старым друзьям Америки: вспомните, как вы поступили во Вьетнаме, что вы сделали с иранским шахом. США не смогли оказать должную поддержку умеренным режимам в Африке. Пока мы, конечно, не можем судить о будущей политике нынешней администрации, но, по-моему, мы должны следовать принципу: «Если мы уж до чего-нибудь договорились, то давайте этого придерживаться».

Ч. Крокер: Вы правы, мистер Бота. Новая администрация будет совсем другой. Мы устали от двойных стандартов в политике. Я уверен, что наши отношения будут улучшаться. Победа Рейгана на выборах представляет огромный сдвиг в американском общественном мнении со времен Вьетнама.

После этого «обмена любезностями» Бота и Крокер обсудили обстановку в Африке.

¹ Под «реформами» южноафриканский министр подразумевает программу косметических изменений системы апартеида, выдвинутую правительством ЮАР.— *Прим. авт.*

Р. Бота обрисовал перспективы Южной Африки:

— Мы представляем себе будущее Южной Африки в виде «созвездия государств», естественно, под нашим контролем. Это будет конфедерация независимых государств, объединенных централизующим секретариатом. Мы заинтересованы в поддержке этой концепции со стороны США.

Ч. Крокер: Наши региональные интересы следует рассматривать сквозь призму глобальной ответственности США. Мы стремимся ликвидировать угрозу дестабилизации в жизненно важных районах в самом зародыше, применяя различные методы. Главная цель США — остановить советское продвижение в Африке (очередная демагогическая ссылка на «советскую угрозу». — **Б. А.**). В этом вопросе мы хотели бы сотрудничать с ЮАР.

В беседу вступает министр обороны ЮАР **М. Малан**.

М. Малан: Говорят, что у США есть план замены кубинских войск межафриканскими силами?

Ч. Крокер: Я не слышал о таком плане.

М. Малан: Правительство ЮАР не может согласиться с возможностью победы СВАПО, так как это будет означать установление советско-кубинского влияния в Намибии. Причем такой результат следует ожидать в случае любого исхода голосования, который приведет к победе СВАПО. Поэтому победа СВАПО вообще неприемлема.

М. Малан: Для решения проблемы Юго-Западной Африки необходимо учитывать и интересы УНИТА. Савимби хочет получить южную часть Анголы. Мы поддерживаем это его стремление. И мы не можем отказать ему в поддержке, так как в противном случае мы рискуем своей честью. Кстати, именно в этом вопросе США могут ударить по советско-кубинскому присутствию в Африке. Надо избавиться от кубинцев и поддержать УНИТА.

Ч. Крокер: Конечно, вопрос урегулирования в Намибии и ангольский вопрос тесно связаны между собой. Мы заинтересованы в урегулировании, но в таком, которое отвечает нашим интересам. По нашему мнению, ничто не заставляет ЮАР уходить сейчас из Намибии. Решение по этому вопросу полностью зависит от воли ЮАР. Что касается советско-кубинского присутствия, то мы прорабатываем возможности его ликвидации в контексте намибийского урегулирования.

Р. Бота: Внутренние партии (речь идет о марионетках Претории в Намибии. — **Б. А.**) не хотят нашего ухода до тех пор, пока у них не будет достаточно сил, чтобы контролировать обстановку в стране. Мы хотим установления в

Намибии антисоветского черного правительства (то есть враждебного африканскому национально-освободительному движению.— *Б. А.*).

Крокер сетовал на то, что не так-то просто «похоронить» резолюцию Совета Безопасности ООН № 435.

«Это будет очень трудно,— говорил он,— но мы постараемся внести в нее дополнения».

М. Малан: Мы в ЮАР не верим в беспристрастность ООН. И соответственно планов ООН по урегулированию. Зачем включать в переговоры ЮАР и «прифронтовые» государства? Соглашение должны заключить СВАПО и внутренние партии. Но резолюция № 435 не годится.

Р. Бота: Для США важно и необходимо остановить продвижение Советов. И не следует недооценивать СВАПО. Если вы будете утверждать, что СВАПО — не марксистская организация, вы совершите ту же ошибку, что и предыдущие администрации. Если США не согласны с этим, то, пожалуйста, вводите санкции и увидите, что получится. ЮАР может выдержать санкции. Мы поможем и умеренным африканским режимам. Но что случится с остальными...

В общем, продолжал Р. Бота, мое правительство одобряет твердость администрации в отношении Советов. Но что касается Намибии и Анголы, то у вас твердости недостаточно. Смотрите, что произойдет, если СВАПО придет к власти. Нуйома национализирует всю экономику, там начнется хаос, гражданская война, и пострадает в конечном итоге ЮАР. Нам придется вторгнуться в Намибию и другие страны. Мы хотим, чтобы вы ясно представляли опасные последствия неправильного решения намибийского вопроса. Гораздо лучше иметь ограниченный конфликт в этом районе в течение неопределенного времени, чем гражданскую войну, которая превратится в большой конфликт. Правительство ЮАР не может игнорировать эту реальность.

Помощник государственного секретаря к полному удовлетворению собеседников заявил, что Вашингтон разделяет опасения ЮАР и сделает все возможное, чтобы «обеспечить безопасность интересов ЮАР и США в этом районе мира». Он подчеркнул, что особые усилия США приложат к тому, чтобы поставить у власти в Анголе и Намибии послушные Западу и ЮАР силы. Все это вызвало похвалу министра иностранных дел Р. Боты. «Отлично сказано!» — воскликнул он.

Словом, полное согласие, никаких разногласий.

Затем Крокер отправился в турне по 12 африканским странам для обсуждения проблемы Намибии. В ставшей достоянием западной печати секретной записке госдепартамента по результатам поездки говорилось: «По вопросу о Намибии Крокер был вынужден констатировать, что «прифронтовые» государства и Нигерия не желают отказываться от своей позиции, заключающейся в том, что единственным приемлемым решением проблемы является выполнение неизменной резолюции № 435 Совета Безопасности ООН путем оказания давления западными странами на ЮАР. Крокер отвечал, что, с нашей точки зрения, следует иметь в виду возможные изменения и дополнения к резолюции № 435, включая касающиеся конституции, если мы вообще хотим решить намибийскую проблему. ЮАР также твердо придерживалась этой точки зрения на переговорах с нами. Хотя ЮАР готова согласиться на намибийское урегулирование под эгидой ООН, она абсолютно против любого пути решения, который привел бы к установлению власти СВАПО в Виндхуке».

То есть, другими словами, «прифронтовые» африканские государства твердо стояли на прежней позиции: урегулирование на основе резолюции № 435, никакой увязки проблемы Намибии с вопросом о пребывании контингента кубинских войск в Анголе.

Вернувшись в Вашингтон, Крокер докладывал бывшему госсекретарю А. Хейгу (записка Крокера также попала в американскую печать):

«Политические отношения между Соединенными Штатами и ЮАР в настоящее время переживают важный момент, возможно исторического значения. После двадцати лет в целом нараставшей со стороны США прохладности в отношении ЮАР и соответствующей непримиримости со стороны ЮАР появилась возможность для более позитивных и эквивалентных отношений между двумя странами на основе общности стратегических интересов в Южной Африке... Однако проблема Намибии, которая осложняет наши отношения с европейскими союзниками и с Черной Африкой, является главным препятствием и на пути развития новых взаимоотношений с ЮАР. Поэтому мы нуждаемся в содействии Претории в выработке приемлемого в международном плане урегулирования в Намибии, которое вместе с тем обеспечило бы безопасность жизненно важных интересов США и ЮАР».

Перед встречей А. Хейга с Р. Ботой Крокер рекомендовал госсекретарю заявить южноафриканцам, что США

«стремятся вместе с ними открыть новую главу в наших отношениях на основе стратегической реальности и места ЮАР в этой реальности».

Далее Ч. Крокер писал:

«...Южноафриканцы очень подозрительны к нам в основном в связи с событиями 1975—1976 годов (имеется в виду Ангола.— Б. А.) и периодом правления Картера. Они заявляют, что могут обойтись и без нас в регионе — это частично хвастовство, частично открытая торговля с нами... В ваших собственных интересах взять беседу под свой контроль с самого начала.

Необходимо также заявить южноафриканцам, что мы разделяем их точку зрения о том, что, несмотря на политические различия между государствами региона, экономическая взаимозависимость плюс конструктивные изменения внутри ЮАР могут стать основой новой эры сотрудничества и безопасности в регионе. Мы также разделяем их точку зрения о том, что главной угрозой этим надеждам является присутствие и влияние в этом регионе Советского Союза и его союзников. (Снова антисоветская риторика! — Б. А.)

Кроме того, надо твердо заявить ЮАР, что без нас она ничего не сможет сделать в регионе. Сотрудничество между США и ЮАР абсолютно необходимо. Если его не будет, то это сыграет на руку Советам и поставит под угрозу интересы обеих стран.

Мы не позволим другим диктовать, какими должны быть наши отношения с ЮАР. Но точно так же, как мы признаем постоянные интересы ЮАР в будущей Южной Африке, так и она должна признавать наши постоянные интересы во всей Африке».

Крокер советовал Хейгу заявить (и Хейг это сделал), что США «разделяют точку зрения ЮАР о том, что Намибию нельзя отдать Советам и их союзникам... Наше сотрудничество в намибийском урегулировании будет способствовать углублению наших двусторонних отношений во взаимовыгодных областях. Это также может начать процесс, ведущий к концу международной изоляции вашей страны и большему вовлечению ЮАР в глобальные рамки западной системы безопасности».

Переговоры прошли успешно.

На прощальном обеде в честь министра иностранных дел ЮАР госсекретарь США Хейг сказал:

«Давайте разговаривать как друзья! Пусть наша встреча станет новым началом взаимодоверия между старыми

друзьями США и ЮАР, которые снова вместе. Поднимем же тост за дружбу и сотрудничество между Соединенными Штатами и Южно-Африканской Республикой!»

Спустя несколько месяцев после этих переговоров США провели военные маневры в Южной Атлантике. А еще через три недели десятки тысяч солдат регулярной армии ЮАР вступили на ангольскую территорию.

Так начали действовать «старые друзья».

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В последних числах апреля 1983 года у здания под номером 59 на набережной д'Орсе в Париже было оживленно. То и дело к широкой лестнице подъезжали автомобили с дипломатическими и местными номерами, торопящиеся люди звонили в массивную дверь, пропадали за ней, а через короткое время вновь появлялись, и машины снова уносили их в неизвестном направлении.

Здесь, на набережной Сены, в здании, напоминающем огромный коричневый куб, разместилось посольство Южно-Африканской Республики.

В те дни в Париже проходила созванная ООН Международная конференция в поддержку борьбы намибийского народа за независимость, в которой ЮАР участвовать отказалась. Но интерес в Претории к этому форуму был большой, о чем и свидетельствовало необычное оживление у здания посольства.

Возможностей у ЮАР следить за всеми перипетиями на конференции, судя по всему, было немало. Тут и специально прибывшие из Претории корреспонденты, и представители западных стран, охотно снабжающие ЮАР информацией, и южноафриканское лобби во Франции, которое в начале 80-х годов стало действовать более активно.

Словом, посольство ЮАР незримо присутствовало в здании ЮНЕСКО, где происходила конференция ООН.

Цель расистов была ясна — попытаться оказать влияние на ход конференции, не допустить принятия решений, которые могли бы затруднить обструкционистскую политику ЮАР в намибийском вопросе. Позиция Претории в отношении парижской конференции полностью совпадала с точкой зрения ведущих западных стран, стремящихся отдалить справедливое урегулирование в Намибии.

Скажем сразу: расистам и их западным единомышленникам не удалось добиться практически ничего. Па-

рижская конференция вновь решительно осудила незаконную оккупацию ЮАР территории Намибии, подтвердила статус СВАПО как единственного и законного представителя намибийского народа. В решениях конференции прозвучала резкая критика и в адрес пяти западных стран (США, Великобритании, Франции, Канады, ФРГ), которые практически делают все возможное, чтобы затянуть намибийское урегулирование, не допустить справедливого решения намибийского вопроса.

На конференции были представлены многочисленные документы, убедительно свидетельствовавшие о наличии прямого сговора западной «пятерки» с режимом апартеида, о продолжении ими совместного грабежа природных ресурсов Намибии.

Руководители африканских стран отвергли шантаж западных государств и ЮАР, подтвердили свою решимость всеми средствами добиваться справедливого решения намибийской проблемы. Накануне парижской конференции это мнение африканских государств вновь было ясно выражено на VII конференции неприсоединившихся стран в Дели.

Через месяц после парижской встречи состоялось специальное заседание Совета Безопасности ООН, посвященное намибийскому вопросу. И вновь представители народов мира подтвердили свою готовность и в дальнейшем оказывать всемерную поддержку борьбе народа Намибии за свое право на независимость.

Требование скорейшего предоставления независимости Намибии с новой силой прозвучало на XIX сессии Ассамблеи ОАЕ, состоявшейся в июне 1983 года в Аддис-Абебе. В то же время расисты Претории усилили агрессивность в отношении соседних африканских государств, а Запад продолжил вооружение, финансирование и снабжение всем необходимым военной машины расистов, принимая новые меры, чтобы оградить режим апартеида от введения международных экономических санкций.

Характерно, что буквально накануне парижской конференции британская фирма «Маркони» поставила расистскому режиму военные радары. А в начале мая 1983 года Франция продала марионеточной администрации Намибии «гражданские» самолеты «АР-12», которые могут использоваться в военных целях.

«Старых друзей» — Преторию и ее западных партнеров — не устраивает новая политическая ситуация, сложившаяся на юге Африки после победы народа Зимбабве.

Они пытаются не только взять реванш за свои поражения и не допустить победы СВАПО, но и превратить Намибию в плацдарм для развертывания контрнаступления против прогрессивных африканских режимов.

Но просчет Претории и ее западных союзников очевиден. Они не хотят учитывать того, что уже подлинной, а не фальшивой независимости для Намибии требуют самые широкие общественные силы во всем мире. Уместно напомнить, что и внутри ЮАР давно зреют гроздь народного гнева, борьба против бесчеловечной системы апартеида усиливается.

**ПОЛКОВНИК
ЧАРЛИ
ПРИКАЗЫВАЕТ...**

В самом конце 1982 года мозамбикский порт Бейра потряс мощный взрыв. Пожар охватил 35 нефтехранилищ. Погибли запасы горючего, предназначавшегося не только для Народной Республики Мозамбик, но и соседней Республики Зимбабве.

Расследование показало, что эта диверсия — дело рук агентов южноафриканской разведки, которые проникли в порт на быстроходных катерах ВМС ЮАР.

В январе 1983 года солдаты мозамбикской армии захватили в плен 16 диверсантов, пытавшихся взорвать участок железной дороги, связывающей Мозамбик и Зимбабве.

Через несколько дней в районе международного аэропорта Бейра были обнаружены мешки с боеприпасами...

Редкая неделя проходит без подобных сообщений из Мозамбика. Провокации со стороны расистской ЮАР — составная часть стратегического плана расистов, заключающегося в создании вокруг границ «зоны перманентной нестабильности».

Важным условием «сосуществования» с независимыми африканскими государствами на юге Африки в Претории считают их полную экономическую зависимость от ЮАР, которая создает также возможность западным монополи-

ям эксплуатировать природные и людские ресурсы региона.

Никаких попыток ослабить эту зависимость! — грозят расисты. Иначе на мирные города и села обрушатся бомбы, а террористы, оплаченные ЦРУ и НИС, станут стрелять из-за угла в тех, кто осмеливается выступить против «африканской сверхдержавы».

Африканцы на своем опыте знают, что расисты ЮАР наносят удар тем коварнее, тем чувствительнее, чем сильнее зависимость страны от иностранного, прежде всего южноафриканского и американского, капитала. До страданий народа им нет дела.

Репрессии ЮАР против Народной Республики Мозамбик не прекращаются с 1975 года. Политика правительства НРМ представляется Претории настолько опасной для ее «жизненно важных интересов», что в тайной войне против Мозамбика применяется почти весь арсенал средств южноафриканского расизма — от политических убийств до организации широкого контрреволюционного подполья. События начала 80-х годов ясно показали, что действия расистов дополняются подрывными акциями, организованными западными спецслужбами, и прежде всего ЦРУ. И те, и другие всеми способами добиваются политической переориентации Мозамбика, прекращения его помощи патриотам ЮАР, борющимся за уничтожение системы апартеида. Одну из главных ролей в попытке дестабилизации Мозамбика поручено сыграть наемникам из так называемого «mozамбикского национального сопротивления» (МНС). Даже название этой организации насквозь фальшиво. Это не мозамбикская, а юаровская организация. В ней нет ничего национального, и речь идет не о сопротивлении, а о терроре против африканских патриотов.

ВСТРЕЧА В «ЭРЛ ГРЭЙ»

Как и когда зародилось МНС? Кто был автором дьявольского плана массового уничтожения мозамбикцев и зимбабвийских беженцев, нашедших приют на земле свободного Мозамбика в период освобождения Зимбабве? На чьи деньги создана эта бандитская организация? Чтобы ответить на эти вопросы, нужно обратиться к истории.

Итак, Солсбери, 1976 год. Борьба африканцев Зимбабве за свое освобождение в самом разгаре.

«Враг — повсюду!» — предупреждают плакаты, изданные ведомством Флауэра и расклеенные по всей стране.

Имя Кена Флауэра, руководителя Центральной разведывательной организации Родезии (ЦРО), никогда не появлялось в родезийской печати. Более того, его произносят шепотом, потому что говорить о работе Кена было равносильно разглашению государственной тайны. Сотни его агентов дено и ночью дежурят в барах, клубах, спортивных площадках, прислушиваясь к разговорам и отмечая подозрительных. По телефону стараются говорить на отвлеченные темы или заранее согласованным кодом, чтобы ничего не поняли люди Флауэра на телефонной станции. В письмах нельзя сообщать ничего «лишнего»: письма подвергаются перлюстрации. Специальное подразделение «психологической обработки» изучает размеры утечки секретной информации, масштабы недовольства, настроения в различных прослойках, готовит и проводит контрмеры.

ЦРО — одно из самых тайных и зловещих учреждений смитовской Родезии — разместилось на последних этажах огромного «Эрл Грэй билдинг», между Третьей и Четвертой улицей Солсбери, в здании, похожем на гигантскую подводную подку. Его «украшают» иглы и сети радиоантенн, которые принимают и передают информацию, задания для многочисленной агентуры, перехватывают сообщения «чужих» и «вражеских» радиостанций.

В один из февральских дней 1976 года помощник Флауэра доложил, что в Солсбери прибыл португалец Жоржи Жардим, более известный в Родезии как «некоронованный король» Мозамбика. Это прозвище, приставшее к Жардиму задолго до провозглашения независимости Мозамбика, теперь звучало почти как насмешка. Дело в том, что народное правительство Мозамбика национализировало всю его собственность. А она была огромной. Жардим владел плантациями, входил в руководство десятка крупнейших компаний, издавал ежедневную газету «Нотисиаш да Бейра».

— Жардим остановился в гостинице «Миклз». Пока ни с кем не встречался. Наблюдение круглосуточное, — закончил доклад помощник и положил перед Флауэром папку с материалами на миллионера.

Но Флауэр и без этой папки прекрасно знал все о Жардипе. Португалец уже давно сотрудничал с родезийской и южноафриканской разведками, хотя и считался одной из наиболее влиятельных фигур колониального строя. В его друзьях — и нередко должниках — числились представители «высшего света» не только Лоренсу-Маркиша, но и Лиссабона. Влияние Жардима объяснялось не одними

деньгами. Он еще был крестником португальского диктатора Салазара и до 1952 года занимал пост министра торговли и промышленности в его правительстве. Позже Жардим переехал в Мозамбик...

Когда освободительное движение Мозамбика достигло такого размаха, что стало реальной угрозой португальскому колониализму, Жардим развил бурную деятельность. Он понимал, что победа ФРЕЛИМО могла означать для него и ему подобных только одно — лишение награбленных богатств. Вместе с Роландом Роуландом, главой транснациональной корпорации «Лонро», контролировавшей ключевые отрасли экономики во многих странах Африки, он провел серию встреч с руководителями африканских независимых государств, с лидером незаконного режима в Родезии Смитом, премьер-министром ЮАР Форстером, представителями ЦРУ и других западных разведок. Жардим предлагал различные планы, направленные на создание в Мозамбике «умеренного» режима, пусть даже с участием ФРЕЛИМО, при котором его «империя» осталась бы нетронутой.

В 60-е годы он носился с идеей создания нового государства на территории между реками Рувума и Замбези. И даже придумал для него название — «Ромбезия». «Это будет самое сильное государство в Африке после Родезии и ЮАР,— похвалялся он.— С его созданием ФРЕЛИМО прекратит свое существование». На деньги Жардима португальская охранка образовала марионеточную организацию «Национальный африканский союз Ромбезии» (УНАР), которая мыслилась как противовес ФРЕЛИМО. УНАР просуществовал недолго, но под прикрытием этой организации агенты португальской тайной полиции — ПИДЕ, родезийской и южноафриканской спецслужб провели ряд террористических актов против лидеров освободительного движения Мозамбика, пытались посеять рознь в рядах патриотов, подорвать национально-освободительное движение. В феврале 1969 года ими был убит руководитель ФРЕЛИМО, великий сын мозамбикского народа Эдуардо Мондлане. Он стал одной из первых жертв так называемых «почтовых бомб», которые впоследствии часто использовал международный терроризм против лидеров и активистов освободительных и прогрессивных организаций...

Воспоминания Флауэра прервал телефонный звонок. Звонили по его личному номеру, известному лишь немногим в Солсбери. Он поднял трубку и услышал знакомый

акцент Жардима. Разговор был недолгим: Жардим просил срочной встречи и немедленно получил согласие. «Я буду через 20 минут», — предупредил он. Флауэр вызвал секретаря и приказал:

— Встретить Жардима. Обеспечить запись беседы. И пусть принесут коньяк и кофе.

Между тем Жардим уже спустился вниз, и услужливый портень в голубом мундире с золотыми пуговицами отворял ему дверцу такси.

От «Миклза» до «Эрл Грэй» недалеко — не больше километра. Но отправляясь в ЦРО, Жардим всегда брал такси: не хотел, чтобы кто-нибудь из знакомых увидел его поблизости от здания разведки. Он велел шоферу завернуть во двор, расплатился и поднялся по ступеням. Сотрудники ведомства Флауэра, как правило, входили через этот подъезд. Здесь были специальные лифты, которые без остановки поднимали их на нужный этаж. С другой стороны были другие лифты, ими пользовались служащие бесчисленных контор, расположенных на этажах ниже.

Привратник, он же охранник, внимательный мужчина с острым взглядом, в мгновение осмотрел Жардима, сверился по списку, кивнул и привычным жестом указал на лифт. Там его проверили еще раз. Наконец он вошел, сопровождаемый любопытными взглядами, дверцы лифта мягко задвинулись, и через несколько секунд он уже выходил на площадку, где его поджидала молодая, строго одетая женщина в очках. «Мистер Жардим?» — улыбнулась она и, услышав утвердительный ответ, попросила следовать за ней. Они миновали несколько дверей, дважды завернули направо и оказались в конце коридора. Здесь была только одна дверь. Женщина распахнула ее, и Жардим оказался в просторном, скромно обставленном кабинете с большими окнами, через которые открывалась панорама Солсбери. Из-за стола в углу навстречу гостю быстро поднялся худощавый мужчина в сером костюме.

— Какая приятная неожиданность, Жоржи!

— Очень рад вновь увидеть Солсбери из этого окна, Кен!

Флауэр, усадив Жардима в мягкое кожаное кресло перед журнальным столиком, на котором уже стоял поднос с кофе и бутылка французского коньяка, сел напротив. Он налил коньяк, поднял рюмку и внимательно посмотрел на своего гостя.

Флауэр не видел Жардима несколько месяцев. Агенты доносили, что бывший миллионер по-прежнему носит с

идеей свержения правительства Машела в Мозамбике, создает отряды головорезов, которые убивают активистов ФРЕЛИМО, устраивают засады на дорогах, разбрасывают листовки. Но в последнее время ему становилось все труднее: мозамбикская армия громила его банды.

Флауэр знал, что португалец недавно ездил в Преторию, где ему обещали помощь, но в качестве условия потребовали, чтобы Жардим поставил об этом в известность родезийскую разведку и получил ее поддержку. Несколько дней назад у Флауэра побывал представитель БОСС¹ из Претории и передал, что генерал Ван ден Берг — глава БОСС — рекомендовал принять Жардима «по очень важному делу». Южноафриканец, впрочем, не раскрыл сути предстоящего разговора, а, напустив туману, сообщил только, что Жардим «придумал, как одним ударом убить двух зайцев».

Так что Флауэр хотя и догадывался, с чем приехал Жардим, но нуждался в подробностях и поэтому хотел дать ему выговориться, а в ходе рассказа еще раз обдумать ответ.

Жардим отпил коньяк и, не торопясь, начал:

— Уверен, Кен, что вы уже знаете о цели моего приезда. Ваши коллеги из Претории обещали, что расскажут вам о моем предложении.

Флауэр заставил себя улыбнуться:

— Конечно, Жоржи, конечно. Но все же хотелось бы услышать обо всем из ваших уст. А то ведь коллеги могли кое-что и перепутать.

«Пусть Жардим передаст им мою реакцию», — подумал Флауэр. В том, что Жардим сообщит БОСС содержание разговора с главой ЦРО, он не сомневался.

— Отлично. Тогда я начну с самого начала... И вам, и нам известно, что красные стараются всеми способами захватить юг Африки. Их долгосрочная цель — ЮАР. Но в настоящее время они больше всего интересуются Родезией, так как Мозамбик и Анголу они уже получили. Теперь настает ваша очередь. Вы согласитесь, Кен, что ваше положение не настолько радужно, как об этом говорит мистер Смит. Родезийская армия превосходит партизан по всем статьям, кроме численности. У террористов практически неисчерпаемые людские ресурсы. Они могут мобилизовать в кратчайшие сроки тысячи людей, тогда как вы

---

¹ БОСС — Бюро государственной безопасности ЮАР. Впоследствии переименовано в Национальную разведывательную службу (НИС). — *Прим. авт.*

располагаете лишь очень и очень ограниченными возможностями. Пример Мозамбика показал, что превосходство в вооружении мало что значит в партизанской войне.

— Это верно,— кивнул Флауэр.— Желательно, по крайней мере, десятикратное превосходство в живой силе, чтобы истребить партизан. У нас этого, к сожалению, нет...

— Вот-вот, необходимо менять тактику. Нужно вести войну с партизанами другими средствами. План, который я разработал, поможет родезийской армии бить противника в его же тылу, а нам — подрывать власть ФРЕЛИМО изнутри. Вы, должно быть, не забыли, что я располагаю некоторыми воинскими формированиями, переданными мне лично? Они прекрасно зарекомендовали себя во многих боевых операциях против красных, несмотря на ряд неудач в последнее время. Так вот, я предлагаю, чтобы эти отряды стали ядром нового освободительного движения, которое поставит своей целью свержение правительства Саморы Машела и прекращение помощи Мозамбика партизанам. Внешне это будет обычная африканская националистическая организация, с такими же лозунгами, структурой и пусть даже некоторыми такими же целями, как у ФРЕЛИМО. Более того, я считаю, что в нее надо вербовать бывших членов ФРЕЛИМО, которые чем-то обижены, обделены или же совершили какие-либо проступки и были исключены из марксистских рядов. И мы создадим, так сказать, зеркальное отражение ФРЕЛИМО, причем уверяю вас, что фрелимовцы не узнают себя в этом «зеркале»! — Жардим расхохотался.

Идея сразу же понравилась Флауэру. Как старый мастер провокаций, он мгновенно почувствовал, что в предложении Жардима крылось много выгод прежде всего для Родезии. Португалец был прав, когда упомянул о потенциальной слабости родезийских войск. Это только для пропаганды говорилось, что «настоящие родезийцы никогда не умирают». Еще как умирают! И сколько! Уж Флауэр знал, во что обходится война белому населению Родезии. Поэтому он долго не раздумывал.

— Жоржи,— проникновенно произнес он, вновь наполняя бокалы,— вы настоящий талант! Мне нравится ваша идея. Я думаю, мне удастся убедить премьер-министра Смита в необходимости оказания вам помощи. Но мне нужны детали.

— Спрашивайте, Кен, задавайте любые вопросы.

— Прежде всего, как вы назовете ваше движение? Затем, как вы мыслите вербовку, подготовку и вооружение

этих, так сказать, «антипартизан»? Уверен, что вы захотите иметь базы на нашей территории. Каким образом будет происходить проникновение в Мозамбик?

— Все продумано, Кен. Название уже есть: «мозамбикское национальное сопротивление». Столь туманное наименование сразу наведет на мысль о широком объединении различных группировок, пусть даже с диаметрально противоположными программами, которые якобы представляют широкие слои населения, недовольного политикой ФРЕЛИМО. То есть мы создадим впечатление, что это массовая организация. Структурно, как я сказал, мы стараемся скопировать ФРЕЛИМО. У нас будут даже свои «политкомиссары»! Вербовать будет трудно, но ведь мы будем не только убеждать. Если потребуется, то мои ребята сожгут пару деревень, и тогда отбоя не будет от добровольцев. Вот с подготовкой, действительно, будут трудности. Вы правы, Кен, нам нужны лагеря в Родезии. Желательно, конечно, недалеко от границы с Мозамбиком, чтобы легче было перебрасывать людей. Что касается вооружения, то южноафриканцы обещали кое-что дать, надеемся, что и вы не оставите нас. Проникать в Мозамбик из Родезии лучше всего на вертолетах: это самый эффективный способ. Кроме того, мы выбрали места для баз внутри страны.

— Где же? — заинтересовался Флауэр.

— В горах. В районе Горонгоза. Места совершенно дикие, пробраться туда трудно. Если мы будем получать боеприпасы и оружие по воздуху, то со временем эти базы превратятся в сильные очаги сопротивления, постоянно расширяющие свой радиус действий и влияния...

Флауэр вслушался в неторопливую речь Жардима.

...радиостанцию, которую мы назовем «Голос свободной Африки», — продолжал Жардим, — можно расположить на вашей территории, а передачи вести как для партизан Мугабе, так и для мозамбикцев. У меня есть опытные журналисты, они сделают все, что нужно.

— Неплохо, совсем неплохо, — одобрил Флауэр. — Пусть послушают, что думают о них на другой стороне их же соплеменники... А вот главную базу, мне кажется, следует создать в Умтали, — сказал он. — Во-первых, это близко от границы, во-вторых, там размещаются наши войска, и, в-третьих, это решит проблему снабжения. Кроме того, Жоржи, мне пришла еще одна идея: пока вы занимаетесь вербовкой ваших молодчиков, мы отправим в Мозамбик специальные войска, которые оденем в форму это-

го «движения» (что-нибудь в стиле ФРЕЛИМО), выдадим им оружие советского производства и снабдим соответствующими листовками. Пусть они от вашего имени разобьют какое-нибудь подразделение мозамбикской армии, разрушат несколько деревень или лучше всего город, а потом мы обеспечим газетную сенсацию о внутреннем сопротивлении режиму Машела. Как, идет?

— Отлично! — воскликнул Жардим. — Честно говоря, и я об этом думал, но не решался предложить. Когда мне ждать от вас окончательного ответа, Кен?

Флауэр помолчал несколько секунд и произнес:

— Думаю, что завтра или послезавтра. Я сейчас же свяжусь с соответствующими членами кабинета и мистером Смитом. Почти уверен, что все поддержат эту идею...

Флауэр сдержал свое слово. На следующий день он позвонил Жардиму и сказал, что «дело улажено».

Дело было улажено...

КТО СТОИТ ЗА МНС

В июне 1976 года на территории Мозамбика были приняты позывные неизвестной ранее радиостанции, называвшей себя «Голос свободной Африки». В качестве музыкальной заставки была использована популярная в колониальном Мозамбике мелодия «Мозамбик — португальская земля». В ней были такие слова: «Вчера принадлежавшая черным — сегодня это португальская земля». Дикторы на языках нескольких этнических групп Мозамбика, а также на шона, языке большинства населения Зимбабве, говорили странные вещи. Они призывали подниматься на борьбу не против расистского режима Смита, а против ФРЕЛИМО, заявляли, что в Мозамбике началась «вторая освободительная война» и возглавляют ее «настоящие революционеры», которые хотят очистить страну «от коммунистов и террористов».

С первого же дня работы радиостанции мозамбикам было ясно, кому принадлежит этот «голос». Тон и содержание передач не оставляли сомнений в этом.

Почти одновременно с началом радиопропаганды спецслужбы Родезии и ЮАР инспирировали публикации в прессе, восхваляющие новое «освободительное движение» в Мозамбике и приписывающие ему «огромные военные успехи».

Агент БОСС Г. Уиптер в своих воспоминаниях пишет,

что по заданию небезызвестного генерала Ван ден Берга он участвовал в этой акции в качестве пропагандиста. В южноафриканской газете «Ситизен», финансировавшей БОСС, он расписывал «победы МНС» еще до того, как бандитские отряды Жардима начали свои действия в Мозамбике. «Ситизен» поместила даже фотографии «партизан», на самом деле это были африканские солдаты армии ЮАР, снятые в Трансваале. Сообщалось также, что МНС сделало своей эмблемой пять перекрещенных стрел, как «символ народной мести». Но уже одно это вызвало подозрение об истинных целях МНС, поскольку те, кто хоть мало-мальски знаком с историей освободительной борьбы в Мозамбике, знали, что португальские колонизаторы создавали специальные подразделения для борьбы против партизан ФРЕЛИМО, которые назывались «Флешаш» («Стрелы»). В действительности именно из их числа вербовались бандиты в МНС, и неудивительно, что «стрелы» попали в эмблему контрреволюционного движения.

Жардим постоянно курсировал между Солсбери и Преторией, выбивал деньги и оружие, вербовал инструкторов. Радиостанцию он оставил на своего личного секретаря Орландо Кристину, бывшего агента португальской тайной полиции ПИДЕ.

— Нам нужна гибкая пропаганда, — инструктировал его Жардим. — Уберите эту идиотскую песню, прекратите восхвалять Смита. Вы же этим компрометируете себя, Орландо. Поймите, вы революционеры, освободители, борцы за справедливость. Лучше всего, если «Голос» начнет утверждать, что наше движение — это настоящий ФРЕЛИМО, созданный Мондлане, а ФРЕЛИМО Машела — это тоталитарная организация, чуждая интересам мозамбикцев. И твердите об этом каждый день, придумывайте сводки о наших победах, о зверствах ФРЕЛИМО — в общем, не мне вас учить, Орландо. Да, вот что, не забывайте поддерживать постоянную связь с людьми Флауэра и Ван ден Берга. Контакты с одним ведомством держите в тайне от другого. Флауэру особенно не доверяйте, во-первых, он нас не любит, а во-вторых, Родезия висит на волоске...

Орландо Кристина занимался не только составлением радиопередач. В его руках находилась вся секретная документация МНС, досье на бывших солдат «Флешаш», наемников частной армии Жардима, дезертиров из ФРЕЛИМО. Кристине было поручено сформировать первые подразделения МНС и обеспечить их переброску в Мозам-

бик для развертывания диверсионной и пропагандистской деятельности против народного правительства.

В августе и сентябре 1976 года в военных лагерях родезийской армии в Биндуре, к северу от Солсбери, под руководством родезийских, южноафриканских и португальских инструкторов прошли подготовку первые бандитские отряды МНС. Обучение инспектировал сам Флауэр. Он был доволен: Кристина сумел подобрать таких головорезов, для которых деньги значили больше, чем что-либо еще.

Пока бандиты совершенствовались в профессии убивать, ЦРО по согласованию с командованием армии направила в Мозамбик несколько групп специальных антипартизанских сил, которые совершили нападения на гражданские объекты Мозамбика и лагеря зимбабвийских беженцев. «МНС наращивает давление на режим Машела», — радовались подкупленные газеты в ЮАР и Родезии.

Флауэр был в восторге. Все шло гладко, его инициатива полностью оправдала себя, и премьер-министр был очень доволен. Был счастлив и Жардим: успехи провокации открывали для него новые возможности получения дополнительных средств от своих хозяев, часть которых он беззастенчиво присваивал.

Лишь одна вещь тревожила создателей МНС: население Мозамбика почему-то не выступало против ФРЕЛИМО, как ни советовал «Голос» Жардима, а, наоборот, оказывало помощь правительству в поимке диверсантов и шпионов, которые забрасывались с родезийской стороны. А те в свою очередь быстро «раскалывались», сообщая такие подробности об МНС, которые совсем не хотелось бы раскрывать ни Жардиму, ни Флауэру.

Афонсо Жоане Котон, заброшенный на территорию Мозамбика, был схвачен солдатами мозамбикской армии. Вот что он рассказал на допросах.

Его завербовали сотрудники родезийской тайной полиции в ЮАР, где он работал на шахте. С ноября 1974 года Котон регулярно доносил на своих товарищей, составлял списки недовольных, выявлял зачинщиков забастовок. Он подслушивал разговоры и передавал их содержание своим хозяевам. Способности Котон заметили. В 1976 году его уволили с работы и направили в один из военных лагерей для МНС.

— Меня учили обращаться с различными видами оружия, рукопашному бою, взрывному делу и многому другому. Особое внимание инструктор обращал на способы

убийств. Он разъяснял нам, что вскоре ЮАР начнет войну против коммунистического режима в Мозамбике и все мы войдем в состав освободительной армии. Мы знали, что нашим лидером является господин Жардим — его имя я слышал давно, но не разу его не встречал. Многие говорили, что с таким боссом, как Жардим, мы легко победим ФРЕЛИМО. А потом начнется настоящая жизнь: у всех будут слуги и свои дома. А Жардим станет президентом. Но для того чтобы победить, надо убить всех руководителей Мозамбика и активистов ФРЕЛИМО.

Свое крещение Котои получил во время рейда родезийских специальных сил на городок Мапай в провинции Газа. Бандиты поливали напалмом крестьянские хижинны и стреляли в беззащитных жителей. Мозамбикская армия заставила бандитов спасаться бегством. Однако Котои заслужил благодарность командира отряда за «проявленную храбрость». После этого его несколько месяцев обучали методам сбора разведывательной информации, а затем выбросили с парашютом в провинции Газа.

— Всего в Мозамбик было заброшено 500 человек. Они должны были проникнуть во все провинции и собрать информацию о военных объектах. В моей группе было 4 человека. Я немного знал это место, поэтому не думал, что будут трудности. Из всей группы я единственный был одет в гражданское платье и имел мозамбикские деньги. Остальные были в военной форме и с оружием. Их снабдили взрывчаткой и радиопередатчиками. Через несколько дней нас должен был подобрать вертолет в условленном месте, — рассказывал Котои.

Вертолет прилетал на рассвете следующего дня, и, согласно инструкции, я не должен был спать всю ночь. Но я очень устал и попросился в один дом переночевать, объяснив, что прибыл из Мапуту. Хозяева показали мне надежными людьми. Но утром меня разбудили солдаты ФРЕЛИМО...

Подобные «проколы» были неприятны, но Флауэр старался мгновенно гасить их последствия контрпропагандой: агенты ЦРО из числа журналистов «доказывали», что такие, как Котои, — яли подставные лица, или же партизаны, давшие показания под пыткой. Точно так же поступали и южноафриканские газеты, получавшие аналогичные указания от БОСС.

Однако «уши» ЦРО и БОСС были видны в каждом действии «движения сопротивления». Флауэр и Ван ден Берг на частых совещаниях разрабатывали планы более эффек-

тивной маскировки участия Родезии и ЮАР в подрывной деятельности против Мозамбика.

ЦРО и БОСС вели постоянные консультации с ЦРУ, однако советы американских коллег не помогали.

После крупных провалов обе спецслужбы решили просить ЦРУ усилить поддержку их плана и принять в его осуществлении прямое участие.

И Флауэр, и Ван ден Берг знали, что ЦРУ располагает хорошо осведомленной агентурой в Мозамбике. Агенты Центрального разведывательного управления снабжали ведомство Флауэра информацией о расположении лагерей зимбабвийских беженцев на территории НРМ. По их наводкам родезийская армия совершала нападения на гарнизоны мозамбикской армии.

Именно поэтому в Солсбери надеялись, что ЦРУ поможет превратить МНС в настоящую силу. С этой целью следовало создать подставное руководство из бывших членов ФРЕЛИМО. Кристина нашел «лидера» МНС, бывшего интенданта мозамбикской армии Андре Матаде Матсангаи, который был с позором уволен из рядов народных вооруженных сил за воровство.

Матсангаи был тщательно проинструктирован лично Флауэром, затем Жардимом и Кристиной. Суть их указаний сводилась к следующему: МНС — народное движение, которое борется против «коммунистического» ФРЕЛИМО. Он, Матсангаи, никто иной, как «народный лидер», «последователь Эдуардо Мондлане», стремящийся превратить Мозамбик в сильное независимое государство. Следует обещать: крестьянам — землю, рабочим — повышение зарплаты, интеллигенции — свободу. Сторонников ФРЕЛИМО уничтожать без жалости. Казни совершать публично. Нападать на гарнизоны мозамбикской армии, устраивать засады, взрывать жизненно важные объекты, сеять в стране панику, распространять провокационные слухи.

Подчиняться Матсангаи будет родезийскому командованию.

Матсангаи все было ясно. И он принялся за дело.

Террористы из МНС поголовно вырезали деревни, взрывали мосты, раскидывали листовки, похищали активистов ФРЕЛИМО, а в прессе Родезии и ЮАР зачастили сообщения о «широком сопротивлении» в Мозамбике.

Ведомство Флауэра, стремясь к большей правдоподобности, предъявило Матсангаи западным журналистам. «Народный лидер» послушно повторил на пресс-конференции все, что ему наговорили в ЦРО.

«Мы не заинтересованы в том, чтобы делать политику,— удивлял он журналистов.— Позднее у нас будет время для разработки политики. Прежде всего коммунизм должен убраться из нашей страны... Он убивает нас».

Заверив, что МНС «делает все возможное, чтобы не осложнять жизнь простых мозамбикцев», Матсангаи тут же сказал одному корреспонденту: «Нам приходится убивать, чтобы получить продовольствие, медикаменты, винтовки и боеприпасы».

Матсангаи проболтался, и журналистам стало ясно, кто сидит перед ними: обычный наемный убийца, террорист, продавшийся расистам.

О настоящем обличье «борцов за свободу» из МНС рассказывали сотни мозамбикцев, пострадавших от набегов бандитов.

Энок Даниэль: Они ворвались в нашу деревню на рассвете и потребовали выдать активистов ФРЕЛИМО. Бандиты торопились: их преследовали отряды мозамбикской армии. Они схватили человек десять, начали избивать их, потом выволокли на площадь и отрубили им головы. И эти головы на кольях выставили у дороги...

Сара Мучалима: Бандиты вошли в наш дом и сказали моим родителям, что я должна пойти с ними. Мой отец запротестовал, но они его избили, связали мне руки и, приставив автомат к голове, привели меня на свою базу в Карангуа. Они издевались надо мной много недель подряд... Потом мне удалось бежать...

Многое могли бы сказать и матери тех пятерых ребятшек, которые подорвались на бомбе-игрушке, подброшенной «борцами за свободу» из МНС на центральную детскую площадку в Мапуту, или родственники погибших при взрыве в столичном кафе «Скала»...

Почти три года «руководил» Матсангаи МНС, а ЦРО — Матсангаи. За это время контрреволюция грязными пятнами возникала то в одной, то в другой провинции Мозамбика. Враги народного Мозамбика сеяли смерть, разруху, панику. Недооценивало ли угрозу правительство Мозамбика? Нет, руководители страны с первых же дней появления МНС распознали, откуда грозит опасность, и принимали все меры, чтобы подавить контрреволюционные выступления.

В конце 1979 года подразделения мозамбикской армии разгромили основную базу МНС на территории Мозамби-

ка — в горах Горонгозы. Здесь был дан решающий бой бандитам Матсангаи. Главарь был смертельно ранен, вывезен на вертолете в Родезию и умер в родезийском полевом госпитале. Через несколько дней мозамбикская армия развернула широкое наступление на позиции МНС и полностью очистила этот район от бандитов.

Расисты терпели поражения и на других фронтах. Успехи патриотических сил Зимбабве вынудили их сесть за стол переговоров, закончившихся в декабре 1979 года подписанием соглашения в Лондоне. Это соглашение устанавливало конкретные сроки проведения всеобщих выборов и провозглашения независимости Зимбабве. Через три месяца патриоты одержали убедительную победу на выборах, и 18 апреля над Зимбабве взвился флаг победы. Родезия Яна Смит ушла в небытие.

Но Жардим и его агентура оставались.

НОВЫЕ ХОЗЯЕВА

Еще до начала всеобщих выборов в Зимбабве Кристина наведася в посольство ЮАР в Солсбери. Ему сообщили, что после провозглашения независимости Зимбабве он, Кристина, Жардим и другие руководители контрреволюционного подполья в Мозамбике переходят под полный контроль южноафриканской разведки. Кристине рекомендовали немедленно свернуть деятельность МНС в Зимбабве, перевести базы в наиболее отдаленные и труднодоступные районы страны, чтобы создать впечатление ухода МНС из Зимбабве. Радиопередатчики «Голоса свободной Африки» предстояло демонтировать и перевезти в указанное место в южноафриканской провинции Трансвааль (этим должны заняться южноафриканские солдаты, находившиеся в Зимбабве)¹. Самому Кристине было приказано отправляться в Преторию и ждать дальнейших инструкций. Жардим уже был в ЮАР и налаживал новые контакты в правительственных и деловых кругах.

В этот период в Мозамбике было относительно спокойно. Поражение МНС заставило бандитов прекратить вооруженные нападения и засесть на своих тщательно замаскированных базах. Кристина радиовыводил все лидеры

---

¹ ЮАР оккупировала юг Родезии во время освободительной борьбы зимбабвийских патриотов. Южноафриканские войска были выведены только после провозглашения независимости Зимбабве. — *Прим. авт.*

рам бандитских отрядов приказ «замереть» и ничем не обнаруживать своего присутствия.

Между тем теперь уже в Претории шла разработка «второго этапа» контрреволюции в Мозамбике. План заключался в следующем: установление в южноафриканском городе Пхалаборве радиопередатчиков и увеличение часов вещания на Мозамбик; создание нового руководства МНС; организация новых баз на территории Мозамбика, а также в Малави, Зимбабве и Танзании; вербовка новых контингентов наемников из числа солдат бывшей родезийской армии; направление в лагеря подготовки дополнительного числа южноафриканских и родезийских инструкторов, введение в штаб МНС офицеров армии ЮАР и БОСС; обеспечение снабжения отрядов МНС в Мозамбике путем переброски боеприпасов, оружия, продовольствия и медикаментов из ЮАР по воздуху и по морю.

На пост «верховного главнокомандующего» МНС был найден Афонсо Масато Мареста Джакама, до 1974 года служивший в португальской армии, а затем вступивший в ряды ФРЕЛИМО. В партизанских отрядах патриотов Мозамбика Джакама находился недолго: он также, как когда-то Матсангаи, был уличен в воровстве и изгнан. Впоследствии Джакама перешел на сторону врага.

Учитывая, что новый «верховный главнокомандующий» плохо разбирался в военных делах, в качестве советника ему придали полковника военной разведки ЮАР, который по документам проходил как полковник Чарли или полковник ван Никерк.

Южноафриканцы помогли МНС создать новую базу в Гарагуа, близ реки Сави, которая разделяет провинции Маника и Газа. Она должна была стать главным плацдармом для операций МНС. База занимала большую территорию — не менее 2 километров в диаметре. Там был оборудован склад горючего для вертолетов ВВС ЮАР, доставлявших снаряжение. Южноафриканские «инструкторы» жили в отдельной зоне, куда доступ африканцам был воспрещен.

Эту базу мозамбикская армия разгромила в декабре 1981 года. Там были обнаружены документы, которые были преданы гласности. Они полностью разоблачили связь МНС с ЮАР.

Согласно этим документам, в конце 1980 года полковник Чарли созвал оперативное совещание. Присутствовали Джакама, его заместители, несколько южноафриканских

«советников» в военной форме без опознавательных знаков. Из Претории пришли новые указания, выполнить которые предлагалось незамедлительно.

Надо отметить, что с переходом контроля над МНС в руки южноафриканской разведки стратегия контрреволюции изменилась. Теперь ее удары планировали по тем объектам, уничтожение которых отвечало целям ЮАР по дестабилизации «прифронтовых» государств. Родезийскую армию больше всего интересовали пути снабжения зимбабвийских партизан и лагеря беженцев. Преторию же интересовало другое.

— Мы платим вам деньги,— обращался полковник Чарли к Джакаме.— И нам нужно, чтобы ваши отряды превратились в грозную силу, способную держать правительство Машела в постоянном напряжении. Для этого надо уничтожать крупные объекты. Я сейчас зачитаю вам список тех сооружений, на которые вы должны обратить внимание в первую очередь.

Список был длинным. Претория приказывала проводить постоянные диверсии на нефтепроводе, ведущем из мозамбикского порта Бейра в зимбабвийский город Умтали, на железнодорожных путях, связывающих Зимбабве с мозамбикским побережьем Индийского океана, главных шоссе, главных дорогах внутри страны, взрывать мосты, промышленные предприятия.

— Наша цель состоит в том, чтобы не только вынудить марксистское правительство Машела отказаться от своей социалистической политики, но и убедить соседние с ЮАР африканские страны в бесполезности попыток добиться экономической независимости от ЮАР. Поэтому отряды МНС должны в первую очередь наносить удары по транспортным коммуникациям, пускать под откос поезда, устраивать засады на дорогах. Первоочередная задача — нарушить железнодорожное движение в южной части Мозамбика, создать новые базы в зоне, примыкающей к границе с ЮАР. Все ясно? — спросил полковник.

Чарли посмотрел на членов руководства МНС. Все молчали, подавленные грозными приказами Претории. Только «секретарь» МНС Р. Домингуш осмелился задать вопрос:

— А где взять столько оружия?

Южноафриканец даже не удостоил его взглядом.

— На подобные вопросы я бы мог и не отвечать. Но раз спросили, отвечу, что недостатка в оружии и боеприпасах у вас не будет, как не было до сих пор. Получите все, что нужно, даже артиллерию. Но и сами должны не

сидеть сложа руки, а добывать вооружение у противника. Попрошу, кстати, найти и сообщить мне несколько пунктов, где можно сбрасывать тяжелые грузы с самолетов.

Задача ставится следующим образом, — продолжал Чарли. — Вы должны внести свой вклад в дестабилизацию сразу нескольких стран — Мозамбика, Зимбабве, Замбии, Ботсваны — всех, кто вступил в ККРЮА¹. Если этого не произойдет, тогда мое командование сочтет ваше движение бесполезным и, видимо, прекратит свою поддержку. Понятно?

Джакама поспешно поднялся со своего места и, подобострастно улыбаясь, зачастил:

— Что вы, что вы, господин ван Никерк, да мы лучше умрем, чем подведем вас! Без вас мы ничего не можем. Вы для нас — как родители!

— Ладно, успокойтесь, Афонсо, — брезгливо остановил его полковник Чарли, который в душе презирал и «верховного главнокомандующего», и МНС. — Давайте без этих лирических отступлений. Я вам ясно сказал: будут результаты — будут деньги. И наоборот. Кроме того, Афонсо, вы, по-моему, хотели стать президентом этой страны? Думаю, что вам, как будущему политическому лидеру, следовало бы поучиться сдержанности.

Проворовавшийся солдат действительно мечтал сесть в президентское кресло и поэтому лез вон из кожи, чтобы угодить своим южноафриканским хозяевам. У него была даже разработана «политическая программа» движения, в которой Джакама провозглашал главной целью МНС свержение народного правительства и установление «демократического правления». Правда, что это такое, он понимал смутно, но надеялся, что впоследствии ему не только разъяснят смысл этих ученых слов, но и помогут создать такое «демократическое правление».

Полковник Чарли сообщил также, что по решению Претории отрядам МНС будут приданы специалисты по взрывному делу, а также инструкторы по обращению с тяжелым оружием, которое вскоре должно быть переправлено из ЮАР.

— Попрошу учесть, — заявил Чарли, — что эти специалисты будут не только обучать ваших людей, но и принимать

---

¹ ККРЮА — Конференция по координации экономического развития стран Южной Африки. Создана в 1980 году. В нее входят 9 стран — Зимбабве, Мозамбик, Замбия, Ботсвана, Свазиленд, Лесото, Малави, Ангола и Танзания. — *Прим. авт.*

непосредственное участие в операциях. Их приказам подчиняться беспрекословно! Любое слушание будет рассматриваться как измена общему делу...

Южноафриканский расизм готовил новое наступление на Мозамбик. Мозамбикцев ожидали новые тяжелые испытания.

КТО ОТКРЫЛ ДВЕРЬ

30 января 1981 года южноафриканские «коммандос» высадились в Матоле — пригороде Мапуту и уничтожили лагерь беженцев из ЮАР. На границе с Мозамбиком были сконцентрированы южноафриканские войска. Самолеты ЮАР ежедневно нарушали воздушное пространство Мозамбика. Почти одновременно террористы из ЮАР повредили линию электропередач, ведущую от гигантского гидрокомплекса Кабора Басса в провинции Тете. Бандитские вылазки отличались чудовищным садизмом. Активистов ФРЕЛИМО подвергали мучительным пыткам, а тех, кто сочувствовал партии, калечили: женщинам отрезали груди, мужчинам — носы, уши, губы. Крестьянам с отрезанными губами говорили: «Теперь можете идти и улыбаться Саморе».

— Мы недооценивали нашего врага, — отметил президент Машел на массовом митинге в Мапуту 14 февраля 1981 года. Но дело было не только в ослаблении бдительности. Машел привел народную поговорку: «Если в дом вошло зло, значит, кто-то открыл дверь».

Кто же открыл дверь? Имена стали известны через месяц, когда правительство объявило о раскрытии шпионской сети в государственных органах и армии, которая была создана Центральным разведывательным управлением США. Как говорилось в официальном правительственном заявлении, ЦРУ совместно с ЮАР готовили целый ряд провокаций против Мозамбика с целью свержения правительства ФРЕЛИМО. А МНС отводилась в этих планах роль «пятой колонны».

Выдворение американских шпионов из Мозамбика пришлось не по вкусу Белому дому. Администрация США решила наказать мозамбикцев и заявила, что «временно» прекращает экономическую помощь, в том числе и поставки продовольствия.

Легко и быстро решились Соединенные Штаты на «санкции» против Мозамбика, осмелившегося «замахнуться» на ЦРУ!

Полковнику Чарли было приказано усилить подрывную деятельность МНС.

Джакаму вызвали в Пхалаборву. Министр обороны ЮАР генерал Магнус Малан решил приободрить «верховного главнокомандующего». На торжественной церемонии ему было присвоено звание полковника южноафриканской армии.

Малан напомнил: «Ваша армия является частью южноафриканских сил обороны».

Джакама был вне себя от счастья и чуть не плакал от умиления. В последнее время ему казалось, что добрые духи оставили его. Но как он ошибался!

Так в МНС стало два полковника южноафриканской армии — Чарли и Джакама.

Бандиты стали расширять зону своих действий. Акты контрреволюционного террора осуществлялись во многих районах Мозамбика.

14 октября 1981 года патруль мозамбикской армии обнаружил группу террористов, закладывавших мины вдоль железнодорожного полотна Бейра — Умтали. В завязавшей перестрелке 6 бандитов было убито. Трое из них оказались южноафриканскими саперами, а остальные — членами МНС.

Прошло две недели, и серией взрывов был поврежден нефтепровод Бейра — Умтали. По приказу полковника Чарли были взорваны железнодорожный и шоссе мосты через реку Пунгве — в 50 километрах к востоку от порта Бейра. Важнейший порт страны оказался практически отрезанным. Движение по железной дороге, связывающей Мозамбик с Зимбабве, остановилось на полтора месяца. Общим странам был нанесен огромный материальный ущерб.

Но Претории этого было мало. Радиостанция в Пхалаборве каждый день передавала кодированные сообщения с указанием объектов, подлежащих уничтожению.

Ночью 12 ноября 1981 года порт Бейру потрясла серия взрывов: это взлетели на воздух сигнальные буи в акватории порта. Расследование показало, что МНС не могло провести такую акцию. Здесь чувствовалось прямое участие специалистов ЮАР. Эксперты доказали, что диверсия могла быть проведена лишь с использованием очень быстрых катеров или же подводной лодки, откуда высадили водолазов-взрывников.

30 ноября того же года неизвестные попытались взорвать нефтеперерабатывающий завод «Петрангол» в ан-

гольской столице Луанде. И там расследование показало, что диверсия была бы невозможной без использования катеров или подводной лодки. Характерно, что в одном и другом случае ответственность за взрывы взяли на себя контрреволюционные группировки, созданные расистами, МНС — в Мозамбике и УНИТА — в Анголе.

В 1982 году бандиты стали нападать на небольшие города, безжалостно вырезая население и захватывая заложников, в том числе и иностранцев. В плен к МНС попали несколько португальских специалистов, английский ученый Джон Бурлисон. Главный «идеолог» МНС Орландо Кристина санкционировал захват заложников, считая, что это даст возможность шантажировать правительство не только Мозамбика, но и других стран. Иногда убивали и иностранцев — это делалось для того, чтобы запугать специалистов из-за рубежа, заставить их вернуться домой. Так, через два дня после похищения Бурлисона бандиты остановили автомобиль, на котором ехали два португальских техника, избили их, а потом застрелили, трупы бросили на дороге. Они пытались запугать иностранных специалистов, работавших на строительстве лесопильного предприятия, имеющего важное значение для экономики страны.

«Голос свободной Африки» в Пхалаборве (мозамбикцы прозвали эту радиостанцию «голосом гиены»: такого потока лживой информации не услышишь и по официальному южноафриканскому радио) взахлеб вещал о «победах» МНС, о создании «освобожденных» районов на территории Мозамбика, о «помощи», которую якобы оказывает население бандитам, о потоке «добровольцев» в ряды МНС...

О чем же свидетельствуют факты?

Действительно, в 1981—1983 годах бандитам, опирающимся на мощную поддержку со стороны ЮАР, удалось провести крупные диверсии против некоторых народнохозяйственных объектов Мозамбика, кое-где запугать крестьян, убить ряд активистов ФРЕЛИМО. Но утверждения о «победах» МНС — явная ложь. Народная армия Мозамбика регулярно проводит операции по ликвидации бандитских формирований в отдельных провинциях страны и, как правило, добивается полного успеха. Потери, которые несут бандиты, огромны. Только в 1982 году они потеряли около 1000 убитыми, сотни были захвачены в плен, уничтожено около 30 лагерей. Другое дело, что пока не удастся ликвидировать все «движение»: бандиты разбиваются на мелкие группы и рассредоточиваются в труд-

недоступных местах. Иногда они скрываются на территории соседних государств, например в Малави, в труднодоступных горных и лесных районах, которые не контролируются местными силами безопасности. На территории ЮАР, в северном Трансваале, расположено не менее 9 бандитских баз для подготовки террористов — из их числа постоянно пополняются ряды МНС.

Английский наемник Дин Шелли рассказал в интервью мозамбикской газете «Нотисиаш ди Мапуту» (ноябрь 1982 года), что правительство ЮАР вербует также в банды МНС африканцев из соседних с Мозамбиком стран. После специальной подготовки их забрасывают на вертолетах и самолетах ВВС ЮАР в мозамбикские провинции¹.

В рядах МНС находятся также обманутые расистской пропагандой или насильно угнанные. Бандиты похищают сельских подростков и заставляют их участвовать в нападениях на деревни, убивать людей. А потом говорят, что теперь для них путь назад отрезан: если они сдадутся в плен, то мозамбикские солдаты «перережут им глотки».

Попадают, правда, и «добровольцы». Например, те, кого изгнала из своих рядов партия ФРЕЛИМО. Или бывшие вожди племен, назначавшиеся колониальным правительством и потерявшие свои привилегии после провозглашения в стране независимости.

Расистская пропаганда утверждает, что МНС пользуется поддержкой большинства населения. Это наглая ложь. Мозамбикцы относятся к бандитам с гневом и презрением. Грабежи и терроризм в районах действия МНС вынуждали крестьян бежать в другие провинции. В провинции Ньямбане беженцы рассказали, как контрреволюционеры напали на них, нескольких убили и бросили трупы в колодцы. Потом они остановили поезд и открыли по нему огонь из пулеметов...

— «Голос гиены» старается напрасно, — сказал мне Жоржи Генероссо, начальник иммиграционной службы пограничного городка Рессанно Гарсия, который неоднократно подвергался нападениям террористов из ЮАР. — Мозамбикцы ненавидят бандитов. Они требуют от правительства оружия.

Партия ФРЕЛИМО решила удовлетворить требование

---

¹ По словам Шелли, время от времени некоторых из этих наемников одевают в форму НОСМ и убивают, оставляя трупы на видном месте. А затем распространяют слухи о том, что МНС якобы «разгромил» гарнизон мозамбикской армии. — *Прим. авт.*

народа. Президент Машел призвал мозамбикцев встать на защиту революции. Бывшие партизаны вновь призваны на военную службу. В городах и деревнях созданы отряды народной милиции.

— Пусть расисты не надеются, что им удастся поставить Мозамбик на колени,— сказал Генероссо.— Мы готовы к бою. Но мы будем воевать не одни — нас поддержит народ ЮАР. И тогда расистам не будет спасения...

Бандиты наносят удары главным образом по тем коммуникациям Мозамбика, которые используются другими странами региона, не имеющими выхода к морю. Для этих государств мозамбикские дороги — важнейшие артерии грузоперевозок. Если их перерезать, то останется лишь один выход — обратиться к ЮАР.

Этого-то и ждут расисты!

Характерен пример Малави. Эта страна, правительство которой, кстати сказать, игнорируя решения Организации африканского единства, поддерживает дипломатические отношения с ЮАР, испытывает значительные трудности из-за диверсий МНС.

Малави, занесенная в список 30 беднейших государств мира, зависит от экспорта табака, чая и сахара. Ей приходится импортировать удобрения, топливо и запасные части. Практически вся внешняя торговля Малави проходит через мозамбикские порты Бейра и Накала, причем на Бейру приходится 80 процентов перевозок. В 1982 году террористы столько раз повреждали железнодорожные пути, ведущие из Мозамбика в Малави, что эта страна понесла огромные финансовые убытки. Единственный другой путь на юг, к морю, проходит через Замбию, но он вдвое длиннее. Платить приходится, естественно, втридорога, что истощает и так не богатую государственную казну, взвинчивает инфляцию, которую правительство уже не первый год пытается взять под контроль. Теперь надежд на это практически не осталось. Более того, Малави оказалась вынужденной обратиться к ЮАР с просьбой о поставках топлива.

В таком же положении оказываются и другие страны, не имеющие выхода к морю.

В Претории потирают руки от радости. Премьер-министр ЮАР П. Бота угрожает, что дальше будет хуже. И действительно, главари МНС получают все больше и больше оружия.

Любопытно, что на Западе стараются не замечать столь откровенной подрывной деятельности ЮАР. Бур-

жуазные газеты, сообщая о бандитах из МНС, пишут, что это «движение», дескать, не пользуется какой-либо значительной поддержкой извне. А пропаганда Претории вообще доказывает, что ЮАР здесь совершенно ни при чем. Выступая в парламенте ЮАР в январе 1983 года, премьер-министр П. Бота лицемерно доказывал, будто единственная забота его правительства — «мир» и все разговоры насчет вмешательства во внутренние дела соседних африканских государств и попыток подорвать их строй военной силой — «красная пропаганда».

Но эти лживые уверения мало кого могут обмануть. Уж слишком много прямых доказательств заговора южноафриканских расистов против Мозамбика, заговора, одобренного и поддерживаемого империалистическими кругами в западных странах.

КУДА НЕ ПОСЫЛАЛИ НАЕМНИКОВ

История независимой Африки не помнит случая, чтобы наемники принесли избавление от власти тирана, вернули мир уставшей от войн стране, защитили народ от происков империалистов и расистов.

«Друзья» Африки не посылают наемников с «благородной миссией» в те страны, где народы страдают от ига кровавых диктаторов, посаженных в президентские кресла бывшими метрополиями после провозглашения независимости или же в результате свержения законных правительств.

Наемников не посылали в Экваториальную Гвинею, где диктатор-маньяк Масиас проводил политику геноцида в отношении населения этой страны. Не высаживались «борцы за справедливость» и в Уганде в период мрачного царствования «фельдмаршала» Иди Амина, потрясшего весь мир своей жестокостью. Только в Центральноафриканской Республике французские парашютисты «свергли» кровожадного «императора» Бокассу, который 10 лет правил страной, но «свергли» его не за кровожадность — про-

сто он стал препятствием для проведения политики западных монополий в этой африканской стране.

Бокасса, Маспас и Амин пришли к власти разными путями.

Бокасса с помощью бывшей метрополии «мирно» сверг своего родственника — президента Центральноафриканской Республики Давида Дако. Иди Амин проложил путь к президентскому креслу танками.

Маспас был поставлен империалистами во главе Экваториальной Гвинеи сразу после провозглашения независимости. Полное равнодушие к нуждам своего народа проявляли все трое. Обнищание и террор стали причинами бегства сотен тысяч людей, в их числе лучших, квалифицированных кадров, столь необходимых для национальной экономики. Не случайно Уганда, ЦАР и Экваториальная Гвинея до сих пор занимают последние места в списке самых бедных и отсталых стран.

Но их «хозяева» любили роскошную жизнь. Бокасса считал все национальные богатства ЦАР своей собственностью и распоряжался ими как бог на душу положит. Маспас превратил государственную казну Экваториальной Гвинеи в свою личную кассу. Не отличался от них и Иди Амин, который сумел за восемь лет своего правления превратить экономику Уганды в руины, зато переправил довольно приличное состояние в иностранные банки.

«Управление страной равносильно управлению частной компанией,— цинично заявил он французской газете «Фигаро» через полгода после свержения.— В качестве президента, прилежно работающего для своей страны, я имел право и на более крупную компенсацию. Это демократично».

У всех троих был один «крестный отец» — колониализм. Амин начал карьеру в английской армии, Бокасса — во французской. Маспас прошел школу испанской колониальной администрации. С помощью подобных ставленников империализм надеялся решить сразу несколько проблем: обеспечить безопасность своих экономических и стратегических интересов, не допустить появления прогрессивных тенденций в политическом курсе этих стран, укрепить реакционное, прозападное крыло в Организации африканского единства, использовать этих марионеток для подрыва освободительного движения в Африке. Кроме того, создавая такие террористические режимы, неокOLONIZаторы надеялись дискредитировать саму идею политической независимости африканцев, доказать, что

Африка якобы еще «не созрела» для самостоятельного развития, раз в лидеры выходят столь злобешние, кровавые фигуры.

Амин, Бокасса и Масиас считали себя крупными государственными деятелями, открывшими «новые страницы» в истории своих народов.

Все трое отличались патологической страстью к пышным титулам и различного рода почестям. По этой части рекорд поставил Масиас: 45 официальных титулов. Один из государственных лозунгов гласил: «Бог создал Экваториальную Гвинею благодаря Масиасу».

Иди Амин был поскромнее. Кроме «пожизненного президента» он носил звание фельдмаршала, доктора международного права и «победителя Британской империи». Хитрее всех оказался Бокасса, который преобразовал республику в «наследственную монархию», чем вызвал сильную зависть Амина: он тоже вынашивал подобную идею.

Еще один штрих к их портретам: Амин и Масиас считали своими кумирами Гитлера, а Бокасса — Наполеона.

Это были режимы без будущего, они отбрасывали развитие этих стран на десятилетия назад. Своими действиями диктаторы дискредитировали национально-освободительное движение и приносили не меньший ущерб африканскому единству, чем силы империализма.

1979 год стал роковым для них. Один за другим эти диктаторы лишились власти. Правда, поймать и судить за совершенные преступления удалось только одного — Масиаса. Он стал первым главой государства, которого казнили за геноцид.

Многие в Африке задают вопрос: как же произошло, что этим тиранам удавалось в течение долгих лет держать в цепях рабства несколько миллионов африканцев? Ответ можно найти, перелистав некоторые страницы недавнего прошлого этих стран.

УГАНДИЙСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Мы сидели на веранде старого дома колониальной архитектуры, построенного почти на самой вершине одного из кампальских холмов. Уже наступил вечер, и короткие африканские сумерки на глазах умирали под кроваво-красными лучами солнца, тонувшего в озере Виктория. Внизу виднелись разноцветные точки окон дальних домов, желтая цепочка фонарей на одной из центральных улиц,

быстрые огоньки светофоров. Неподалеку высилась мрачная в темноте громада католического собора.

Мы сидели на веранде и вслушивались в ночь, которая заволакивала своими песнями. Было так хорошо, что не хотелось говорить. Мой хозяин — Джон Мукаса, средних лет угандиец, служащий одного из банков, сидел недвижимо, изредка попыхивая трубкой. Беспшумно вошла молодая женщина — сестра Мукасы, поставила на столик поднос с чайными чашками и корзиночкой печенья, поклонилась нам и так же беззвучно исчезла.

Вдруг тишину взорвал выстрел, потом другой, третий. Автоматная очередь. Чьи-то крики, взревел мотор, завизжали шины на повороте. Потом все снова стихло.

— Опять кого-то взяли, — вздохнул Мукаса. — И так почти каждую ночь. Они приходят, когда стемнеет, чтобы люди не запомнили их лиц. Скольких уже не стало... Ведь диктатор творит расправу без суда и следствия. — Мукаса покачал головой, зажег спичку, оживляя потухшую трубку, выпустил облако дыма. — Помните, вы меня как-то спросили: как получилось, что наш народ, славящийся своей богатой культурой, трудолюбием, оказался во власти безграмотного и кровожадного тирана? И тогда я ответил вам, что не знаю, не могу понять сам. С тех пор эта мысль не покидала меня, и мне кажется, что я нащупал ответ. Боюсь, что мой рассказ не будет коротким. Готовы ли вы меня выслушать?

Я молча кивнул.

— Иди Амина я помню давно, когда он еще не был «пожизненным президентом», «фельдмаршалом» и «победителем Британской империи». Я его помню еще обычным полковником. У власти стоял тогда президент Оботе, страна в общем не бедствовала, и никому и в голову не приходило, что всего через несколько лет Уганда превратится в руины, а наш народ — в стадо трясущихся от страха людей. Амин был довольно популярен, он мог запросто подойти к вам в баре — а надо сказать, не пропускал ни одного вечера без стакана виски, — предложить выпить за его счет, сказать несколько веселых фраз. Он слыл шутиком, тогда от его шуток смеялись, сегодня — плачут...

Многие думают, что он психически ненормален. Это было бы слишком простое объяснение его действиям. Он — обычный диктатор, один из многих, которых создавала история во всех частях света. Просто у нас такого еще не было, вот он и кажется чем-то особенным. А если всмотреться в его черты, то мы увидим много сходства и с

другими тиранами, причем необязательно на других континентах, а и на нашем, африканском.

Поначалу он пользовался популярностью. Но постепенно стало ясно, что это популярность не политического деятеля, а комедианта. За пределами Африки на него смотрят как на диковинку — как смотрят на слона или на необычайное уродство. И он не обижается. Его не смущает, что из года в год о нем говорят все хуже и хуже. Он бездарен как руководитель страны, но талантлив как клоун.

Посмотрите, кого он набрал в правительство — неграмотных солдат, которых в один вечер превратил в капитанов, майоров, полковников. Для этих «министров» главное — наворовать побольше, построить себе дома, раздать родственникам хорошие должности в правительстве, наложить лапу на лучшие предприятия, а что касается народа, то их он не интересуется.

Когда мы боролись за независимость, будущее представлялось нам совершенно не таким, каким мы его имеем сейчас. Мы выступали против продолжения нашей политической и экономической зависимости от Запада. Мы хотели построить такое общество, в котором не будет расовой дискриминации, все будут трудиться на благо отчизны, получать равное образование, медицинское обслуживание, мы хотели ликвидировать нищету, болезни, голод... А теперь Амин и его банда разрушили и разворовали все.

Мукаса помолчал немного, зажег потухшую трубку и продолжил:

— При Амине обострились все противоречия. Людей одной этнической группы стали натравливать на другую. Племена, родственные каква, из которого вышел Амин, стали считаться высшими, а остальных стали считать чуть ли не рабами. О карамаджонг (они живут на востоке страны в полупустыне, кочевники, постоянно страдают от засух и голода) практически в открытую говорят как «о грязных и мерзких животных»...

Многие мои друзья, с которыми я учился в университете, просто спились. Мне трудно их осуждать. Мы не можем обеспечить наши семьи, не в состоянии нормально работать, страх пронизывает всю нашу жизнь. Я не верю своим соседям, коллегам по работе, я не уверен, не донесут ли они на меня. Как мы еще существуем, уму непостижимо. Уже несколько лет все приходится покупать по ценам черного рынка — даже в государственных мага-

внях. А зарплата остается прежней. Как я могу, к примеру, покупать пакет молока в день для своих детей за 20 шиллингов, если в месяц я зарабатываю 800?

Я был вынужден бросить свои занятия наукой, а хотел стать историком...

За годы аминовской диктатуры наш интеллектуальный уровень снизился настолько, что мы почти разучились мыслить. Когда мы встречаем иностранцев, нам не о чем говорить, у нас нет собственных идей. Мы переживаем сейчас стадию умственной деградации. Это естественно: когда тобой правят безграмотные бандиты, то нужны большие усилия, чтобы не опуститься до их уровня. Мы отрезаны от всего мира. Книги потеряли ценность для людей. Даже воры их не берут. Наша сегодняшняя жизнь — типичный пример вырождения. «Мы медленно превращаемся в сумасшедших, — сказал мне недавно знакомый психиатр, из тех немногих, кто еще остался. — Иногда я смотрю на своих помешанных пациентов и думаю, когда же я окажусь среди них? И не верите, мне почти хочется сойти с ума: ведь тогда наконец кончатся мои постоянные страхи за семью и за завтрашний день».

Вы знаете, что Амин за все время своего правления ни разу не написал ни одной бумаги по одной простой причине: он просто не умеет писать. Все распоряжения он отдает устно. Это ему удобно еще и потому, что такие приказы легче отменить. Он может сказать все, что угодно, чтобы завоевать расположение собеседника, а через минуту хладнокровно приказать его убить. Он чудовищно непредсказуем и поразительно жесток.

Теперь я подхожу к самому главному: кому же было выгодно, чтобы такой тиран, как Амин, пришел к власти? Когда у нас было правительство президента Оботе, наша страна стремилась выйти из-под империалистического контроля, проводить собственный курс во внешней политике, оказывать помощь прогрессивным силам в Африке. Но, как вы знаете, ни Великобританию, ни США это не устраивало. Теперь-то мы знаем, что Оботе был свергнут по приказу извне. Причем участие в этом принимал еще и Израиль: Амин был закадычным другом военного атташе израильского посольства в Кампале полковника Барлева... (Впрочем, их отношения впоследствии испортились.)

До закрытия английского посольства¹ у меня были

¹ Великобритания разорвала дипломатические отношения с Угандой в 1976 году. — *Прим. авт.*

там знакомые. Помню, один из них рассказывая мне, что выбор на Амина пал по двум причинам: во-первых, англичане считали его недалеким человеком, что позволяло надеяться на укрепление британского контроля в Уганде, и, во-вторых, они были уверены в «полной лояльности Амина Лондону». Мне кажется, что, помимо этого, англичане надеялись руками Амина расправиться со сторонниками антиколониального и антиимпериалистического курса. Ведь у бывшего полковника был богатый опыт в этом отношении: еще в 50-х годах в Кении во время подавления английскими войсками народного восстания сержант Амин прославился своей жестокостью и даже заслужил кличку «душитель».

Но вот что меня удивляет во всей этой истории: хорошо, Запад добился поставленной цели — Амин уничтожил очень многих прогрессивных деятелей. Но ведь при этом он полностью разрушил страну, довел до крайности противоречия между различными угандийскими народностями.

Мукаса вновь замолчал, ожидая, что я скажу ему в ответ. Но что я мог сказать ему? Издевательствам диктатора над своим народом, казалось, не будет конца.

Но Запад, приведший Амина к власти, делал вид, что непричастен к его преступлениям. Пресса США, Англии, других западных стран почти ежедневно печатала сенсационные материалы об Уганде, большинство из которых носило ярко выраженный расистский характер: смотрите, мол, что получается, когда африканцы приходят к власти. Более того, практически до самого падения режима Амина Англия и США поддерживали с ним активные торговые и экономические отношения, снабжали оружием, готовили «кадры» для тайной полиции. Тот факт, что Запад пальцем не пошевелил, чтобы остановить угандийскую трагедию, им же начатую, свидетельствует о том, что Амин был ему нужен. Нужен прежде всего для подрыва прогрессивных идей, для раскола африканского единства, для дискредитации идеи освобождения африканцев от колониализма.

В Уганду не посылали наемников, чтобы спасти жертв аминовских палачей.

Однако спецслужбы Англии, США и Израиля принимали непосредственное участие в заговоре против президента Оботе, и это было достаточно широко известно в Африке. Гораздо меньше было известно другое: в свержении Оботе использовались наемники, среди которых были

Ролф Штейнер и Александер Гэй, оба «ветераны» Конго и Биафры. Кроме профессии наемника у Гэй была еще одна: он был агентом английской разведки.

В период, предшествовавший свержению Оботе, Штейнер и Гэй «работали» в Южном Судане на стороне сепаратистского движения «Аньянья», которое пользовалось поддержкой Израиля.

Гэй познакомил Штейнера еще с двумя англичанами: «бывшим дипломатом» Беверли Барнардом и Этони Дева-лем. Наемники создали базу в столице Уганды Кампале, в одном из номеров многоэтажного отеля «Аполло». Однажды Штейнер услышал, что его британские «коллеги» беседуют на темы, явно далекие от южносуданской. Они обсуждали... свержение правительства Оботе. Штейнер потребовал от Гэй, чтобы и ему рассказали, в чем дело. Гэй показал ему документы, составленные британским посольством в Кампале, в которых содержались детали заговора. В своей книге «Последний авантюрист» Штейнер приводит слова Гэй о причинах выбора британским правительством Иди Амина.

«Блюнден (псевдоним Барнарда) сказал мне, что англичане хорошо знали Иди Амина и что он рассматривается как главный кандидат, потому что считается самым тупым и наиболее контролируемым».

Штейнер комментирует: «События впоследствии показали, кто был более тупым».

Заговор был отлично подготовлен. За несколько дней до захвата власти в Кению прибыли 700 английских солдат, якобы для маневров. Но их помощь не понадобилась. Избранник Запада Иди Амин с поставленной перед ним задачей справился сам и стал президентом...

Диктатура Амина только внешне казалась прочной. Отсутствие оппозиции внутри страны, многочисленная армия, сотрудничество с Западом вселяли уверенность в Амина, внушали ему чувство безнаказанности.

Однако военный режим давно уже не был столь монолитным, каким его представляли. Плохо дисциплинированная армия требовала все больше привилегий. Правящая верхушка раздиралась племенными и религиозными противоречиями, была расколота на несколько противоборствующих группировок.

В октябре 1978 года в одном из гарнизонов на юге Уганды вспыхнул мятеж. Он был подавлен, но часть восставших бежала в соседнюю Танзанию. Преследуя их, угандийские войска нарушили танзанийскую границу и

оккупировали обширную часть ее территории. Амин решился на новую авантюру: он заявил, что намерен аннексировать захваченные земли. Подобная акция не могла не вызвать законного возмущения правительства Танзании, которое привело свою армию в боевую готовность и начало контрнаступление. В военных действиях против Амина приняли участие и отряды угандийских беженцев. В течение нескольких месяцев аминовская армия потерпела сокрушительное поражение, и диктаторский режим в апреле 1979 года рухнул... В наследство от 8-летнего правления Амина остались расстроенная экономика, болезни, нищета, обостренные до крайности социальные проблемы.

КОНЕЦ «ГРОССМЕЙСТЕРА ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И КУЛЬТУРЫ»

Суд над бывшим диктатором Экваториальной Гвинеи Масиасом Нгема длился всего три дня. Материалы обвинения ни у кого не вызывали сомнений. Многочисленные факты преступлений Масиаса — незаконные аресты, убийства невинных людей, расхищение государственных средств — подтверждались документами и свидетелями. Но тем не менее на вопрос «признаете ли вы себя виновным?» Масиас упрямо отвечал: «Конечно, не признаю!»

Он еще не верил, что его могут казнить, и долго объяснял, что деньги из казны брал потому, что боялся воров, что его окружали нечестные и жадные люди. Его обманывали, хотя он «очень любил свой народ и много сделал для него»: построил президентский дворец, провел к нему дороги, соорудил мосты через реки, накормил голодных, дал жилища бездомным...

— Убивали ли вы заключенных без суда и следствия?

— Нет, не убивал.

Сидевший рядом с Масиасом бывший начальник тюрьмы Ондо Эла усмехнулся. Сколько раз он получал президентские приказы об уничтожении отдельных заключенных или целых групп. «Хозяин» и сам любил присутствовать при пытках. Иногда арестованных приводили к нему во дворец, где он лично вел допросы и выбирал способ казни. Его личный врач потом фиксировал «смерть от сердечного приступа».

Когда Масиас пришел к власти, в Экваториальной Гвинее жило около 300 тысяч человек. Масиас уничтожил

50 тысяч. Еще 100 тысяч в страхе покинуло страну. На оставшиеся 150 тысяч приходилось 5 тысяч политических заключенных! Попасть в тюрьму в качестве политзаключенного было очень просто: достаточно было забыть один из многочисленных официальных титулов диктатора или не поклониться его изображению. Арестованных содержали в чудовищных условиях, спускали на них голодных псов, заковывали в цепи, забивали железными прутьями...

Кто мог подумать в 1968 году, что тихий и неприметный чиновник испанской колониальной администрации, избранный первым президентом независимой Экваториальной Гвинеи, превратится в кровавого деспота и в конце концов окажется на скамье подсудимых.

В молодости Масиас отличался спокойным и рассудительным характером. Образование он получил в католической миссии, что позволило ему занять скромный, но приличный для африканца пост в колониальной администрации. Своим начальникам он нравился исполнительностью и покорностью. Иногда он высказывал несколько «левые» взгляды, но на это они не обращали особого внимания: человек молодой, пройдет. Когда франкистской Испании пришлось расстаться со своими африканскими территориями, перед колониальными властями встала задача подобрать таких африканских лидеров будущего самостоятельного государства, которые и после провозглашения независимости относились бы лояльно к своей метрополии. Выбор пал на Масиаса. Сегодня кажется вполне вероятным, что замысел колонизаторов состоял не только в том, чтобы сохранить Экваториальную Гвинею под своим контролем, но и продемонстрировать всему миру, что африканцы якобы «неспособны сами управлять своей страной». Ибо для такой роли никто не подходил лучше Масиаса.

Став президентом, Масиас прежде всего решил разделиться со своими противниками. В Мадриде благосклонно отнеслись к этому: укрепление его личной власти рассматривалось как гарантия безопасности испанских интересов. Пользуясь свободой действий и молчаливым согласием бывшей метрополии, Масиас запретил все политические партии, приостановил действие конституции. Его противников становилось все меньше и меньше: их ловили и безжалостно умерщвляли.

В душе бывшего чиновника зрела идея об единоличной и неограниченной власти. В 1972 году он провозглашает себя «пожизненным президентом». К этому титулу постепенно прибавляются и другие: «гроссмейстер образова-

ния, науки и культуры», «неповторимое чудо» — всего 45. Диктатор требовал, чтобы его прославляли все — от детей до глубоких стариков. Специальным декретом он обязал католическую церковь упоминать его в проповедях наравне со всевышним. Лозунг «Бог создал Экваториальную Гвинею благодаря Масиасу» позднее сочли не совсем точным и изменили на «Нет бога, кроме Масиаса».

В то время как экономика Экваториальной Гвинеи была на грани банкротства, Масиас выплачивал себе из казны ежегодную «зарплату» в 2,5 миллиона фунтов. До прихода к власти Масиаса урожай какао — главной статьи экспорта — доходили до 50 тысяч тонн в год, а в последние годы его правления удавалось собирать всего 7—8 тысяч тонн. На плантациях какао, которые фактически принадлежали самому диктатору, широко практиковался принудительный труд.

Общество борьбы с рабством (да, такая организация существует в наши дни) подготовило в 1976 году доклад о положении трудящихся Экваториальной Гвинеи. Около 20 тысяч жителей провинции Рио Муни были согнаны на плантации какао на острове Фернандо-По (переименованный диктатором в остров Масиас Нгема). Их заставили работать вместо 45 тысяч нигерийцев, которые традиционно приезжали сюда на заработки, но бежали домой, спасаясь от «варварского обращения» (именно такие слова употребило правительство Нигерии в специальном заявлении по этому поводу). «Тонтон-макуты» Масиаса отбирали у несчастных их последние пожитки, некоторых раздевали догола.

— Это было настоящее рабство, — вспоминал один африканский дипломат. — Масиас считал рабочих своей собственностью и делал с ними все, что хотел. Их практически не кормили, не предоставляли медицинской помощи, жестоко избивали за малейшую провинность. Они гибли сотнями. Недаром Экваториальную Гвинею времен Масиаса мы называли «концлагерем Африки».

Масиас разрушил свою страну на глазах у бывшей метрополии, у всего западного мира, так занятого борьбой за «права человека». В последний год правления «гроссмейстера» даже в столице не было электричества: правительство не смогло найти деньги для ремонта электростанции. Не было средств и для зарплаты государственным служащим. Кассы всех банков были пусты, а на воротах министерства финансов висел огромный замок. «В нашей стране не осталось ничего: ни правительства, ни бюджета, ни

свободы», — мрачно шутили местные жители. Масиас сделал все, чтобы уничтожить всякое подобие жизни в своей стране. Например, все рыбацьи лодки уничтожены по его приказу, так как он боялся, что в один прекрасный день все уплывут из Экваториальной Гвинеи и он останется один. Рыбаки надували автомобильные камеры, привязывали их веревкой к берегу и так отправлялись ловить рыбу в море, чтобы накормить своих голодных детей. В городах были закрыты все магазины, не работали рынки. «Торговать нечем, покупать не на что», — отвечали жители редким журналистам. Французскому корреспонденту столица Экваториальной Гвинеи Малабо показалась городом-призраком, когда он приехал туда сразу же после свержения Масиаса. «Не чума, а годы террора и диктатуры довели Малабо до такого состояния», — говорил ему один из руководителей нового правительства. — Но поезжайте в Бату, главный город на континентальной части, и вы увидите, что там еще хуже».

Экономическое положение страны не вызывало никаких эмоций у Масиаса. В роскошном дворце в Малабо за высокими стенами его окружали преданные слуги и телохранители, готовые отрубить голову каждому, кто осмелится потревожить «живого бога». В декабре 1976 года около 100 представителей общественности страны пришли к Масиасу с планом спасения экономики от окончательного краха. Диктатор внимательно выслушал их, кивая головой в знак согласия, поблагодарил, а затем велел арестовать. Инициаторов петиции после многодневных пыток убили в тюрьме. Больше никто уже и не пытался говорить с Масиасом на эту тему.

До самой смерти Франко испанское правительство не порывало с Экваториальной Гвинеей, оказывало ей экономическую помощь и запрещало своим газетам публиковать касающиеся политики Масиаса статьи. И другие западные государства, подобно франкистской Испании, сквозь пальцы смотрели на все, что происходило в этой африканской стране: сообщения о ней практически не появлялись на страницах «свободной» буржуазной печати. Американский генерал Брюс Палмер в брошюре «Интересы безопасности США и Африки южнее Сахары», изданной в 1978 году — за год до свержения Масиаса, писал, что, «несмотря на отдельные нарушения гражданских прав», Экваториальная Гвинея «с точки зрения политической ориентации является прозападной». Такой характеристики вполне достаточно, чтобы закрыть глаза на все

преступления правящего режима. В своей книге Палмер утверждал, что с момента достижения независимости Экваториальная Гвинея «была политически стабильна». Тот факт, что «стабильность» была основана на страхе и крови, не интересовал генерала. Для него самое важное состояло в том, что на Масиаса можно рассчитывать в случае необходимости: он будет поддерживать Запад.

«Национальный альянс за восстановление демократии» — организация, объединявшая различные оппозиционные группировки Экваториальной Гвинеи, — направил в секретариат Общего рынка письмо, в котором, в частности, говорилось, что ЕЭС прекратило переговоры с Испанией после казни в сентябре 1974 года 5 басков; будет по крайней мере парадоксальным, «если демократические правительства Европы продолжат свою помощь правительству Экваториальной Гвинеи, которое является более кровавым и преступным, чем правительство генерала Франко».

Но страны «Общего рынка» не обращали внимания на призывы оппозиции и продолжали поддерживать торговые и экономические отношения с диктатором.

Впрочем, Масиас не любил рекламы и с большой неохотой разрешал журналистам посещать свою страну. Как ядовитый паук, прятался он глубоко в нору при всякой опасности, а потом неожиданно вылезал наружу и поражал все вокруг своим ядом.

У него не было друзей, за исключением, пожалуй, Иди Амина и Бокассy. Три диктатора даже заключили между собой соглашение о военном сотрудничестве и при удобном случае публично восхищались «достижениями» друг друга...

11 лет. правления Масиаса нанесли огромный вред не только Экваториальной Гвинее, но и всей Африке. Его жестокий режим, наряду с другими инспирированными неокolonизаторами африканскими диктатурами, широко использовался врагами независимой Африки для распространения лживых «теорий» о «безответственности» африканцев, необходимости «европейского контроля» над ними, попытки дискредитации идеи африканского единства, подрыва национально-освободительного движения. Объективно его существование отвечало целям неокolonизаторов, и поэтому они не торопились принимать какие-то меры против «тигра из Малабо», как называли Масиаса его сограждане. (Этот титул, разумеется, не был включен в число официальных.)

Но народ Экваториальной Гвинеи нашел в себе силы свергнуть тирана и тем самым опроверг все инсинуации западной пропаганды.

Новое правительство Экваториальной Гвинеи возглавил двоюродный брат Масиаса подполковник Обианг Нгема Мбасого, который с 1976 года был вторым человеком в правительстве. Народу Экваториальной Гвинеи было обещано «восстановление законности, проведение демократических реформ, улучшение экономического положения».

Но сколько лет понадобится, чтобы залечить раны, оставшиеся от кровавого режима? Вряд ли скоро сотрется память об 11-летнем кошмаре, который пришлось испытать народу.

— Кто гарантирует, что это время не вернется? — говорил мне журналист из Экваториальной Гвинеи. — Мы стали очень осторожными за время правления Масиаса. Нас слишком часто обманывали...

«БАРРАКУДА» УБИРАЕТ ИМПЕРАТОРА

Летом 1977 года несколько известных французских и западногерманских фирм получили крупный и необычный заказ. Срочно требовались: императорская корона, украшенная 2 тысячами бриллиантов, 22 тонны розового шампанского, 150 тонн вина, 6 специальных лимузинов «мерседес» по 60 тысяч долларов каждый, 44 обычных «мерседеса» и многое другое. Огромные транспортные самолеты ежедневно стартовали с европейских аэродромов и брали курс на юг, в Африку. Груз предназначался для Центральноафриканской империи, где полным ходом шла подготовка к вступлению на императорский престол бывшего капитана французской армии Жана-Беделя Бокассы. Будущий монарх лично проверял качество товаров. В общем ему все нравилось: высочайшим указом был одобрен золотой трон, исполненный в виде сидящего орла весом в 2 тонны; в специальное хранилище уложили до великого дня леопардовые мантии с кровавым подбоем, сшитые лучшими мастерами Франции; в конюшнях топтались 130 белоснежных скакунов самых чистых кровей, которых готовил к предстоящему королевскому выезду известный французский жокей.

Утвердили и список приглашенных: папа римский, президенты, премьер-министры — всего 2 тысячи человек. Спешно закладывались основы будущей династии.

Родственники Бокассы получили титулы принцев и принцесс, самая любимая из жен (несмотря на свое католичество, будущий император не признавал единобрачия) была названа императрицей Екатериной, а из 30 законных отпрысков выбрали малолетнего наследника престола.

Бокасса — пока еще просто «пожизненный президент» — торопил своих министров, в который раз указывая, что церемония должна в мельчайших деталях повторять коронацию Наполеона — кумира центральноафриканского властителя. «Если хоть что-то упустите, — повторял он, — шкуру спущу». К угрозе президента относились серьезно: он действительно мог отдать приказ в буквальном смысле содрать с человека кожу, что не раз проделывал со своими политическими противниками.

Министры не подвели: церемония состоялась точно в срок. После коронации новоиспеченного монарха провезли в золотой карете по улицам столицы страны Банги. Он приветствовал своих подданных легким помахиванием руки в белой перчатке, правда, старался не смотреть на них, потому что согнанные на церемонию крестьяне особой радости не выражали. Да и вряд ли они были видны: цепь вооруженных солдат плотно отделяла «ликующий народ» от императора. Настроение у Бокассы было слегка испорчено: папа римский отказался лично вручить ему корону, а большинство гостей просто-напросто проигнорировало приглашение.

Центральноафриканская Республика — ровесница «года Африки». Она получила независимость 13 августа 1960 года. Первым ее президентом был назначен Дэвид Дако, который всплыл на поверхность политической жизни страны после загадочной авиакатастрофы лидера освободительной борьбы центральноафриканцев Бартоломея Боганды. Дако правил до 31 декабря 1965 года. В канун следующего года в президентском дворце обосновался его дядя, подполковник Жан-Бедель Бокасса, гражданин Франции, 23 года прослуживший в ее армии. Бывшей метрополией в середине 60-х годов нужна была более сильная, чем Дако, личность. Ведь речь шла об управлении богатой ураном и алмазами страной в самом сердце Африки.

Бокасса с первых же дней начал оправдывать доверие тех, кто обеспечил его приход к власти. Он распустил Национальную ассамблею, отменил конституцию и запретил все политические партии. Бокасса заявил, что в его

стране не будет никакой национализации и что он готов торговать и сотрудничать со всеми «свободными нациями», включая Южно-Африканскую Республику. Позднее обещания не проводить национализацию были оформлены специальным декретом.

С приходом Бокасса жизнь народа превратилась в пекончаемый кошмар. Аресты, обыски, избиения, убийства стали повседневным явлением. По малейшему подозрению бросали в тюрьму, забивали камнями и палками, калечили. Бокасса любил по вечерам навещать тюрьмы и «тренировать руку» на заключенных.

В 1976 году он переименовал республику в империю и на следующий год провозгласил себя «императором». Коронация диктатора, которая обошлась в 50 миллионов долларов, легла дополнительным бременем на плечи народа. 2-миллионное население ЦАИ, пребывающее в ужасающей нищете, неграмотное и бесправное, могло лишь тихо ненавидеть «отца нации», не имея возможности протестовать открыто.

Императором Бокасса стал с молчаливого благословения французских монополий. Он мог позволить себе какие угодно «шалости», если они не мешали деятельности французского капитала. Кэ д'Орсе полностью контролировало обстановку в этой стране и могло вмешаться в любое время, чтобы оградить интересы монополий от опасных явлений. Подполковник или император — не все ли равно, лишь бы он не мешал выкачивать прибыли и ценное промышленное сырье из этой страны?

Занятые грабежом природных ресурсов, иностранные хозяева ЦАИ не обращали внимания на бедственное положение народа, постепенно разваливающуюся экономику. Их не волновало, что резко снижалось производство кофе и хлопка — главных статей сельскохозяйственного экспорта, что неуклонно рос дефицит платежного баланса, что в стране ощущалась хроническая нехватка продовольствия, а в некоторых районах люди умирали с голода. Прибылей монополий с лихвой хватало, чтобы заглушить возмущение общественности в самой Франции и в других западных странах. Буржуазная пресса с мягким юмором преподносила «чуждачества» тирана. Писали о страсти Бокасса к блестящим орденам и медалям, об очередной покупке замка в Европе стоимостью в 2 миллиона франков. И ни слова — о страданиях народа.

В 1979 году император учинил массовое убийство

школьников в возрасте от 8 до 16 лет, вся вина которых состояла в том, что они отказались носить форму с царственным ликом. Бокасса обвинил детей в заговоре против монархии и, как утверждают, лично принимал участие в этой кровавой расправе. Детей закалывали штыками, запирали в тесных камерах, где они умирали от удущья.

Когда сведения об этом преступлении просочились в прессу, «император» принял удивленный вид: «Какие дети? Какое убийство? Да это клевета! Все дети — в школах. Они примерно учатся и очень меня любят — даже называют «папа Бок»...

Но на этот раз в Париже поняли, что «папа Бок» несколько переборщил. Столь тяжкое преступление могло нанести серьезный удар по интересам бывшей метрополии. Фигура Бокасса стала слишком одиозной. Было решено его заменить. Тем более что Франция вместе с другими западными странами всерьез приступила к эксплуатации урановых месторождений ЦАИ и нуждалась в менее эксцентричном президенте, который гарантировал бы монополиям полную свободу действий. Перетасовав колониальную колоду, в Париже вытащили прежнего «короля» — Давида Дако.

Так была спланирована операция «Барракуда».

Название «Барракуда» было выбрано не случайно. Такое же название имела одна французская фирма, производящая маскировочные материалы для французской армии. Ее основал некий Жак Фокар, который в течение 15 лет был одним из главных тайных агентов французской контрразведки, пользовался покровительством президента Франции и играл важную роль в разработке планов по сохранению французского влияния в бывших африканских колониях.

Именно с его участием, как писал издающийся в Лондоне журнал «Нью Африкэн», были заключены «соглашения об обороне», которые обеспечили «выживание» режимов в некоторых других бывших колониях Франции. С его помощью Франция навязала соглашение о «военной помощи» Камеруну, Нигеру, Того и другим странам.

Бывший помощник Фокара Рене Жорньяк стал инициатором плана свержения Бокасса. Жорньяк, занимавший пост советника президента по африканским делам, использовался для выполнения «деликатых» миссий в тех случаях, когда надо было скрыть участие Франции или тайно отвести угрозу французским интересам.

План состоял из двух вариантов. Первый заключался в том, чтобы заставить Бокасса «добровольно» уйти в отставку. В случае отказа предполагалось высадить французские войска в Банги и провозгласить Дако президентом.

Кстати, у Франции уже был опыт интервенции в африканских странах (Габон, заирская провинция Шаба). 1 августа 1979 года Жорньяк вылетел в Габон, где президент Бонго организовал ему встречу с Бокассой. Жорньяк изложил императору требования Франции: снять с себя корону и покинуть страну. Взамен ему гарантировалось убежище и сохранение всех награбленных богатств. Однако строптивый монарх оскорбился и прогнал посланца Парижа. При этом, как утверждают злые языки, он даже применил силу. Узнав об этом, президент Франции позвонил Бокассе, но тот бросил трубку — и этим поставил точку под своим приговором.

Окончательное решение о вторжении в ЦАИ было принято Национальным комитетом обороны Франции на совещании, которое состоялось в Центре операций вооруженных сил в министерстве обороны. Председательствовал президент.

Кроме Жорньяка присутствовали высшие французские чиновники — командующий вооруженными силами, начальник генерального штаба, генеральный директор контрразведки и министр иностранных дел.

Глава французской спецслужбы заявил, что, по его мнению, Бокасса зашел слишком далеко и с ним нужно кончать. Иначе, сказал он, пострадают интересы Франции. Жорньяк поддержал это заявление. По его словам выходило, что у Франции действительно не было другого выхода, кроме как свергнуть незадачливого императора. Во-первых, говорил Жорньяк, ЦАИ находится в самом сердце Африки и поэтому присутствие Франции в этом стратегически важном районе необходимо. Во-вторых, запасы урана в этой стране имеют огромное значение для французской атомной промышленности. В-третьих, к северу от ЦАИ находится Чад, где Франция пытается расширить свое влияние. А на востоке — Судан, также представляющий интерес для Франции. Потеря ЦАИ, заявил Жорньяк, повлечет за собой ослабление французского влияния в Заире, который сказочно богат различным минеральным сырьем и поэтому очень важен для Парижа. Резюме: Бокасса надо убрать во имя интересов Франции.

В таком же духе выступали и другие собравшиеся. Говорили о «национальных интересах», «стратегической важности», «экономическом потенциале». Но никто ни словом не обмолвился о народе этой африканской страны, о тех сотнях тысяч крестьян, которые страдали под гнетом своих и иностранных эксплуататоров.

Председательствующий подвел итоги обсуждения: единая поддержка плана операции «Барракуда».

В ночь с 20 на 21 сентября 1979 года три роты французских парашютистов высадились на аэродроме в Банги и за короткое время установили свой контроль над всеми ключевыми объектами. После этого в грузовом отсеке самолета французских ВВС из Габона был доставлен новый президент — Дако. К свергнутому диктатору проявили милость: на военном самолете его вывезли в Республику Берег Слоновой Кости, которая согласилась предоставить ему «политическое убежище».

«Смена власти произошла настолько быстро и гладко, что не пролилось и капли крови», — с гордостью заявили в Париже.

«Париж заменил одну марионетку на другую», — писала нигерийская газета «Дейли таймс». «От чьего имени вмешивается Франция в африканские дела? — цитировал журнал «Африка нау» высказывание одного из деятелей социалистической партии Франции. — Кого или что она защищает там? Себя? Умеренные режимы, которые просили ее об этом? Может быть, Америку? Или нефть? Или уран?» Как и следовало ожидать, в большинстве западных столиц эту акцию встретили с одобрением: ведь вторжение в африканскую страну обеспечило «безопасность западных интересов» и в корне задушило вероятность «стихийных» выступлений народа против непопулярного режима.

Основная причина свержения Бокасса заключалась не в его чудовищной тирании. Западные правозащитники молчали, когда раздавались протесты против сотрудничества Запада с кровавым диктатором. Бокасса был смещен лишь после того, как его действия стали препятствием к дальнейшей неокOLONиалистской эксплуатации Центральноафриканской империи.

Политика западных стран, как подчеркивала французская газета «Юманите», направлена «на охрану своих неокOLONиалистских интересов в Африке и поддержку погрязших в коррупции режимов».

Комментируя операцию «Барракуда», газета отмеча-

ла, что прибывшие в ЦАИ французские войска «вели себя как настоящие оккупанты». Другая парижская газета — «Матэн» предупредила, что, вмешиваясь в дела африканских стран, «Франция вновь играет с огнем»...

Говорят, когда французские парашютисты высадились в Банги, первым делом они бросились в канцелярию Бокассы, где он хранил важные документы. Несколько ящиков «особо важных» бумаг, как утверждают очевидцы, было перевезено во французское посольство. Однако некоторые документы все-таки попали в руки журналистов. Как писал в апреле 1981 года журнал «Африка нау», эти документы доказывали, что Бокасса неоднократно «дарил» высоким французским чиновникам и членам их семей бриллианты. Кстати, и сам Бокасса через год подтвердил это. Он позвонил из своего убежища и сообщил об этом в редакцию одной из французских газет.

Конечно, Бокасса делал подарки небескорыстно.

Вернувшийся к власти Дако повторил тот же, что и в свое время Бокасса, набор заявлений: ЦАР (ее снова переименовали в республику) будет следовать в фарватере западной политики, французские войска будут находиться в стране «столько, сколько будет нужно», ЦАР готова сотрудничать со всеми «свободными нациями», включая Южно-Африканскую Республику...

Дако сразу пошел по стопам своего дяди: окружил себя французскими советниками, установил режим личной диктатуры, ввел строгую цензуру и обнадежил своих хозяев заявлением о том, что «демократия в ЦАР будет установлена не ранее чем через 10 лет». Когда центральноафриканцы увидели, что племянник ничем не лучше своего дяди, начались протесты, переросшие вскоре в широкие антиправительственные выступления.

За неполные два года своего правления Дако сумел еще больше разорить страну. Крестьяне ЦАР производили все меньше и меньше. Экспорт кофе и хлопка сократился более чем на треть. В 1980 году доходы от экспорта сократились на 12 процентов, а импорт вырос на 23 процента. Внешний долг в 1,1 миллиарда французских франков, оставленный Бокассой, был увеличен Дако еще на 200 миллионов. В 1981 году он более чем вдвое превышал сумму национального бюджета.

Недовольство охватило всю страну: нескончаемые забастовки, террористические акты оппозиции, требования немедленных перемен. Кризис нарастал с каждым днем. Новое французское правительство во главе с лидером Со-

циалистической партии Франсуа Миттераном заявило, что не будет вмешиваться во внутренние дела ЦАР. «Новой операции «Барракуда» не будет», — заявил в конце июля 1981 года советник президента Миттерана по африканским и малагасийским делам Ги Пен.

Прохладное отношение Парижа центральноафриканский правитель расценил как опасный симптом и пригрозил Франции, что может найти себе и более «покладистых» покровителей, явно намекая на Соединенные Штаты.

1 сентября 1981 года радио Банги удивило центральноафриканцев сообщением о новом «бескровном перевороте». На этот раз к власти пришли военные. Для управления страной был создан «военный комитет национального возрождения». Его возглавил начальник генштаба вооруженных сил ЦАР Андре Колингба, которому в июле Дако присвоил высшее в ЦАР звание генерала армии. Колингба приостановил действие конституции, запретил все политические партии. В первом же заявлении новый глава ЦАР заявил, что будет придерживаться прозападного курса в своей политике.

Генерал Колингба заявил, что Дако уступил ему верховную власть «по болезни». Однако очевидно, что болел не только Дако, оставленный на свободе новыми властями.

Больна страна, попавшая в мясорубку неокOLONиализма, доведшего ее до состояния перманентного экономического и политического кризиса...

* * *

Становление молодых африканских государств происходит в трудных внутривполитических условиях и в сложной международной обстановке.

Как громадные, доставшиеся в наследство от колониализма политические, экономические и социальные трудности, так и трудности роста усугубляются неокOLONиалистской политикой империалистических держав, стремящихся затормозить движение африканских народов к прогрессу, заинтересованных в продолжении грабежа природных богатств Африки, сохранении ее в качестве своего придатка.

Но как ни сложна обстановка в Африке сегодня, как ни велики трудности, очевидно одно: прошлому возврата нет.

Народы Африки хотят мира, свободы, спокойствия, счастья для своих детей. Они стремятся уничтожить остатки колониализма, навсегда покончить с расизмом и апартеидом. Активную помощь и поддержку борьбе африканских народов за независимость и социальный прогресс оказывает Советский Союз, силы мирового социализма. Времена, когда Африка была лишь объектом эксплуатации и соперничества колониальных держав, никому вернуть не удастся.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

УБИЙЦЫ ПОЛУЧАЮТ НАЛИЧНЫМИ 6

**«ДИКИЕ ГУСИ» УБИВАЮТ
НА РАССВЕТЕ 21**

**НЕОБЪЯВЛЕННАЯ ВОЙНА
ПРОТИВ АНГОЛЫ 55**

БОЛЬ И НАДЕЖДА НАМИБИИ 89

ПОЛКОВНИК ЧАРЛИ ПРИКАЗЫВАЕТ... 129

КУДА НЕ ПОСЫЛАЛИ НАЕМНИКОВ 153

АСОЯН

БОРИС РУБЕНОВИЧ

«ДИКИЕ ГУСИ»
убивают на рассвете

Заведующий редакцией А. В. НИКОЛЬСКИЙ

Редактор Т. Г. КЛИМОВА

Младший редактор Г. С. ПРУЖИНИН

Художник Е. Я. ВАРЗИН

Художественный редактор Е. А. АНДРУСЕНКО

Технический редактор Е. Ф. ЛЕОНОВА

ИБ № 4548

Сдано в набор 02.11.83. Подписано в печать 09.02.84.
А00609. Формат 84×108¹/₂. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая.
Условн. печ. л. 10,08. Условн. кр.-отт. 11,76. Учетно-
изд. л. 10,51. Тираж 190 тыс. экз. Заказ № 3914.
Цена 50 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47,
Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

50 коп.

УБИЙЦЫ ПОЛУЧАЮТ
НАЛИЧНЫМИ

„ДИКИЕ ГУСИ“
УБИВАЮТ НА РАССВЕТЕ

НЕОБЪЯВЛЕННАЯ
ВОЙНА ПРОТИВ АНГОЛЫ

БОЛЬ И НАДЕЖДА
НАМИБИИ

ПОЛКОВНИК ЧАРЛИ
ПРИКАЗЫВАЕТ

КУДА НЕ ПОСЫЛАЛИ
НАЕМНИКОВ

**Издательство
политической
литературы**